

ШОЛОХ

ПРИЗРАЧНЫЕ
РОЩИ

АНТОНИНА
КРЕЙН

МАГИЯ
ШЕПЧЕТ
В ПОЛУНОЧНОМ

КОРОЛЕВСТВЕ

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Шолох. Призрачные рощи

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Шолох. Призрачные рощи / А. Крейн — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-166740-5

Странные дела творятся в Шолохе, столице Лесного королевства. Дерзкий преступник ведет обратный отсчет, совершая скандальные нападения и оставляя зашифрованные письма. Дети исчезают из Тернового замка — сумрачного приюта, затерянного среди болот. Полынь — лучший детектив Иноземного ведомства — что-то скрывает, а в лесу по ночам танцует призрачный культ... Ловчей по имени Тинави предстоит не только разобраться с этими загадками, но и найти ответы на главные вопросы: о жизни и смерти, честности и любви. Ведь именно от них иногда может зависеть судьба целого королевства. Долгожданная новинка популярного цикла Антонины Крейн «Шолох». Возвращаемся к любимым героям Тинави и Полыни и вновь отправляемся с ними в опасные, но захватывающие приключения. «Призрачные рощи» — часть огромной вселенной Шолоха, но роман можно читать отдельно. Чтобы погрузиться в атмосферу магического мира полностью, следует начинать знакомство с циклом с книги «Шолох. Теневые блики». Тайны, магия, новые герои и старые друзья, расследование дерзких преступлений и неповторимая шолоховская атмосфера, легкая ирония и неиссякаемая любовь к жизни — все это вы найдете в книгах Антонины Крейн.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166740-5

© Крейн А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1. Дело о танцующем лепреконе	6
2. Комиссия	16
3. Последняя песнь толстяка	23
4. Подарок для Полены	30
5. Принцев праздник	36
6. Останови часы	46
7. «Жухлые яблочки»	55
8. Роща любовников	65
9. И эти гобелены, и глаза зеленые...	71
10. Госпожа Ринда Шаграух исчезает	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Антонина Крейн

Шолох. Призрачные рощи

1. Дело о танцующем лепреконе

*Я слышу голос, что зовет неведомо куда,
Прозрачной поступью уводит сквозь листву,
И расступается трава, поет вода,
И шепот сердца оттеняет тишину.
Я слышу голос. Вновь.
И начинаю путь...*

Старинная дэльская песня

– То есть вы утверждаете, что лепрекон по имени Эндерлан Очоа мертв?

– Не утверждаю, а надеюсь!

Я подняла глаза от изумрудной ведомственной папки и удивленно посмотрела на свидетеля. Он был травником. Вынырнул откуда-то из чащобы и теперь отвечал на вопросы, сжимая в руках пучок зверобоя.

Рядом с ним позевывал Полынь из Дома Внемлющих – мой куратор в Иноземном ведомстве, одетый, как всегда, эксцентрично, но позой своей воплощающий истинную невозмутимость. В ответ на реплику травника Полынь эдак с сомнением приподнял проколотую левую бровь.

Вокруг нас троих шумела кленовая роща, напоенная мягким утренним светом. Поскрипывала кора, будто предвкушая интересный день; за холмом журчала река. Птицы с шорохом пролетали над лесной тропинкой, по краям обозначенной светлыми камешками. Шепталась листва... Весь мир был зеленым и золотым.

И только лицо нашего свидетеля по имени Миртилл Добрый – красным от гнева.

– Мертв лепрекон, надеюсь! – повторил он, несколько противореча своей фамилии, и грозно потряс кулаком.

За спиной у Миртиллы будто в знак согласия пыхнула дымом печная труба лесной хижины. Возле нее на аккуратных грядках шуршали целебные травы, а на деревьях покачивались стеклянные домики, подвешенные на нитках и заполненные колокольчиками. Они предназначались для вайтов.

Сами вайты – прозрачно-голубые духи воздуха – были тут как тут, играли в своих владениях. Травник держал для них приют.

– Господин Добрый, но ведь надеяться на чью-то смерть – это не очень-то хорошо? – осторожно намекнула я. – Ну или как минимум не стоит с ходу говорить об этом двум Ловчим, пришедшим к вам для допроса.

– Милая! – травник патетически прижал руки к груди. – Если бы *вы* знали этого лепрекона, вы бы не только надеялись на его кончину, но и сразу перешли бы к активным действиям по его умерщвлению! – Миртилл кивнул на Полынь: – Вы – так точно!

– Хм. Предположим, это комплимент, – хмыкнул куратор и потер подбородок.

От этого жеста многочисленные браслеты на запястьях Полыни зазвенели, а в прическе дружно звякнули бубенчики и крысиные косточки на цветных нитках.

Манящее бряцание породило неожиданный эффект...

А именно: вайты – любители всего необычного – неверяще замерли в стеклянных домиках, а потом все, как один, повернулись к нам и, бросив игры, по зеленому саду рванули к Ловчему со счастливым пискотом.

– Ох, – только и сказал Полынь, оценив летящую к нему армию, любвеобильную и трепещущую.

Не прошло и мгновения, как Ловчий исчез за пеленой волшебных существ.

– Полынь? Ты как там? – опешила я.

И, расслышав за гулом вайтов что-то вроде «Все под контролем! Продолжайте!», вновь обратилась к флегматично-мрачному травнику:

– Хорошо, господин Добрый, могли бы вы тогда рассказать, пожалуйста, чем же так плох ваш сосед?

Вот тут-то его и прорвало.

– Начнем с того, что он чучельник-браконьер и совершенно бессовестный! – прогремел Миртилл Добрый. – Потрошит даже туманных ланей – а ведь это такие редкие существа!.. И никак его не прижучишь: у него влиятельные заказчики. А еще Эндерлан Очоа – культист! Вместе с другими такими же умалишенными он ночами пляшет вокруг костров. Голый! И ведь плохо пляшет, бесстыдник!

– А откуда вы знаете? Наблюдаете на досуге?

– Да, было дело!

Я поперхнулась, и Миртилл обиженно объяснил:

– Мне пришлось... Прошлой осенью эти культисты не уследили за костром. Если бы я не вмешался, сгорело бы наше Лесное королевство к праховой бабушке! Я тогда хорошенько их шуганул, и теперь они танцуют где-то ближе к городу, что тоже опасно. Но при этом животных лепрекон продолжает убивать здесь.

И он рукой широко обвел поляну. Как раз в этот момент волшебные цветы *кармайны*, чем-то похожие на маки, очень кстати раскрыли алые лепестки навстречу взошедшему над лесом солнцу и теперь, при должном воображении, могли показаться лужами крови.

– Кстати, о животных. – Я побарабанила пальцами по документам. – У нас сказано, что последний раз вы видели лепрекона три дня назад. Если он браконьер, то, возможно, просто сидит в засаде?

– Нет. Точно нет! Во-первых, он не явился на пляшущий обряд своего культа – его так называемые коллеги пришли ко мне узнавать, где их друг... Дело в том, что для них танцы – чуть ли не смысл жизни, так что по своей воле лепрекон не пропустил бы собрание.

– О каком культе вы все время говорите?

– Культ Жаркого Пламени. Слышали о таком?

Я кивнула. О нем изредка писали в газетах, а недавно у нас в департаменте Ловчих сотрудники посмеивались над рекламным объявлением, чей бодрый заголовок гласил: «Культ Жаркого Пламени – горячее хобби для отчаявшихся!»

Все сходились на том, что участники культа были достаточно безобидными ребятами. Они полагали, что время шести богов-хранителей ушло, сами хранители мирно рассыпались в прах и во вселенной уже давно царят новые божества. Если начать поклоняться им прямо сейчас – танцуя вокруг костров без одежды, ага, – то можно войти в ряды избранных. Застолбить себе местечко в грядущем золотом веке, так сказать. И, конечно, завести интересные знакомства, подтянуть физическую форму и закалиться: ведь ночи в лесу бывают ужасно холодными...

Будучи человеком, знающим наших богов-хранителей лично, скажу прямо: Культ Жаркого Пламени катастрофически ошибается в своих постулатах. Но если люди хотят танцевать – пусть танцуют! Голой попой в чаще сложно кого-нибудь оскорбить.

– Вы сказали «во-первых», – напомнила я свидетелю. – А что во-вторых?

– А во-вторых, две ночи назад над рекой пронесся страшный вопль. Я сначала не среагировал: мало ли, может, он так поет, идиотина? Но сегодня утром я отправился на рыбалку и

увидел, что лодка лепрекона стоит у его островка, привязанная. А ведь он бы без нее никуда не делся! Вот тогда я в Шолох птичку и послал.

Пока я пыталась понять, что же такое «утро» для фермера, если к нам в департамент его жалоба поступила уже в пять тридцать, Полынь успел полюбовно договориться с вайтами и освободиться от их навязчивого внимания.

Куратор прочел им краткую, но емкую лекцию о соблюдении личного пространства. И, судя по тому, как осторожно духи зависли в полуметре от Ловчего, они впечатлились. Теперь даже крылышками, кажется, не шевелили. Просто смущенно висели, и все: прерогатива потусторонних.

– Что ж, – сказал Полынь. – Покажите, где живет ваш сосед. И одолжите лодку, пожалуйста.

* * *

Золотая паутина солнечных зайчиков дрожала на реке. Нежно-зеленые ветви плакучих ив стелились вдоль берегов, как русалочьи волосы. Тихое жужжание вайтов навевало сон: духи воздуха все-таки увязались за нами и теперь, полные обожания, вились вокруг нас, вырисовывая сердца.

Мы вдвоем сидели в очаровательной лодке-плоскодонке. Лучи солнца приплясывали на плотной шелковой ткани наших плащей-летяг: моем бирюзовом и темно-фиолетовом – Полыни. Было достаточно жарко для первого весеннего месяца, даже с учетом того, что климат в Лесном королевстве куда приятнее, чем в соседних странах. Уже в феврале у нас начинается цветение, а к концу марта, как сейчас, Шолох и вовсе полон красок. И не только в природе. Так, на моих скулах уже переливался персиковый румянец – предвестник загара, в волосах появлялись более светлые рыжие пряди, да и Полынь казался особенно ярким – отдохнувшим и благополучным, что было удивительно с учетом нашего сегодняшнего слишком раннего подъема.

Догребя до середины реки, Полынь бросил весла и позволил течению мягко потащить нас вниз, к югу – туда, где минут через пятнадцать должен был появиться островок с хижинкой лепрекона. А пока Ловчий деловито достал из сумки стопку бумаг с ведомственными гербами в углах.

*Тина́ви из Дома Страждущих.
Характеристика сотрудника,
рекомендованного к повышению, —*

гласила шапка документа. Первые страниц двадцать уже были густо исписаны летящим, с резким наклоном почерком Внемлющего.

Сейчас Полынь открыл двадцать первую и стал что-то строчить, прикрывая текст шелками хламиды. Легкая полуулыбка, притаившаяся в уголках губ куратора, и долгие взгляды в мою сторону – ну о-о-очень задумчивые – вызвали у меня нервный тик.

– Небо голубое, Полынь! – наконец не выдержала я, своим криком спугнув лягушку на ближайшей кувшинке. – Ну зачем ты *всегда* пишешь мою характеристику при мне? Это же попытка какая-то, честное слово!

– А может, я боюсь без тебя потерять вдохновение? – прищурился он.

Черкнул еще одно слово и вдруг вслух хохотнул – всего один раз, но очень уж злодейски.

– Да что там такое?! – Я сиганула вперед по лодке.

Нас качнуло, вайты прыснули прочь, жужжа и посвистывая.

Полынь отдернул руку с бумагами назад, угрожающе опустив их к речной воде. Другую руку он эдак утешающе положил мне на плечо – заодно не позволив грохнуться – и покачал головой:

– Нет. Я не могу тебе этого показать, сама знаешь: правило департамента.

– Почему ты следуешь правилам только тогда, когда тебе это выгодно? – насупилась я.

Коллега с сожалением развел руками: ну вот так получилось. Грешен, Тинави, грешен.

Увы.

Я вернулась на место и оставшееся время речной поездки заворуженно следила за тем, как Ловчий заполняет характеристику – загадочный рассказ о моей работе, сильных и слабых сторонах, а также профессиональных перспективах на его, куратора, взгляд.

Я сопела. Он ржал.

Так мы развлекались уже несколько месяцев, с тех самых пор, как закончились стандартные полгода моей стажировки в департаменте Ловчих.

Если что, Ловчими в Шолохе называют детективов по делам чужестранцев и представителей иных рас. Убийства и кражи, авантюры и таинственные исчезновения – вот классика нашей жизни. Кроме того, мы в отделе занимаемся всякими чуть более скучными делами вроде миграционных документов. И тайно следим за некоторыми гостями королевства. А других гостей – высокопоставленных – сопровождаем открыто, как телохранители.

Первые полгода в карьере каждого Ловчего – это тестовый период. Стажировка, во время которой тебя приписывают к кому-то из старших сотрудников ведомства. Ты помогаешь им во всем, даже можешь решать дела самостоятельно, – но ты все равно «малек», и твой куратор отвечает за тебя головой.

Если ты с успехом прошел стажировку, то тебя автоматически повышают до Младшего Ловчего. При взаимном желании ты можешь продолжить работать вместе с бывшим куратором. Если стажировка не удалась, с тобой попрощаются.

Но есть и третий вариант.

Мой.

Когда все полгода прошли хорошо, даже отлично, но... При этом имеются две проблемы, препятствующие повышению. Во-первых, полное отсутствие магии – обязательной штуки в Шолохе, колдовской столице леса. Во-вторых, тот факт, что изначально на работу я поступила обманом.

Поэтому, когда срок моей стажировки закончился, начальство надолго задумалось, что со мной делать.

– Тише едешь – дальше будешь, – наконец решил шеф департамента мастер Улиус. – Давай пока продлим твой статус «малька», Тинавушка. Этого нам никто не запрещает.

– А потом? – спросила я.

– Еще раз продлим. – Улиус задумчиво поскреб соломенную бороду. – И еще. Потому что иначе нам придется созывать комиссию, чтобы она решала, оставить тебя или нет. А мой опыт показывает, что комиссия куда беспощаднее отдельно взятых людей и больше всего на свете боится возникновения неоднозначных прецедентов... Предлагаю всеми силами оттягивать этот неприятный момент. Однако ты, Польша, – наш полный шеф в цыплячье-желтом плаще-летяге повернулся к Внемлющему, – все равно начни потихоньку писать для Тинави полноценную характеристику. Да побольше, побольше деталей! Не убедим их, так усыпим, если час расплаты все-таки стукнет.

– А что, он может вообще не стукнуть? – засомневалась я.

– Я постараюсь придержать его молоток. У главы ведомства много дел, и не факт, что он вскоре заметит ма-а-а-аленькую карточку с информацией о твоём случае. Очень маленькую. Я сам ее напишу. Думаю, год-другой у нас есть.

Шли месяцы, и шеф снова и снова, беззаботно посвистывая, продлевал мою стажировку. Его помощница и заместительница госпожа Селия из Дома Сгинувших, не слишком любившая нас с Польшой, недобро поджимала губы, но молчала. Я вне рабочего времени усиленно раз-

вивала навыки, которые могли бы заткнуть мою профессиональную брешь в виде отсутствия магии, а Полынь вдохновенно писал характеристику.

Увлекся, кажется. Вон как иссиня-черными глазами сверкает.

Я хотела ехидно посоветовать ему пару подходящих для меня эпитетов – что-нибудь вроде «сногшибательная» и «несравненная», но вместо этого сдавленно ахнула: мы обогнули излучину реки, и из-за деревьев наконец появился искомый остров.

– Кошмар, – емко прокомментировал куратор.

Дом лепрекона выглядел ужасно. Он был большой, сделанный под человеческий рост, занимал островок почти целиком и мог похвастаться одним, но весьма настойчивым мотивом: над каждым окном висели прибитые головы животных.

Да уж, кажется, господин Эндерлан Очоа и впрямь неприятный сосед.

Мы пришвартовали лодку и пошли изучать все это поближе. Дверь в дом была заперта, и на стук никто не ответил. Тогда я достала из волос заколку и под мутным взглядом мертвого оленя начала ковыряться в замке.

Когда дверь распахнулась, выяснилось, что внутри дом выглядел еще хуже.

Везде были чучела. Рассевшиеся на подоконнике индюки; неудавшийся лис в углу; ядовитый угорь, мертвым канатом брошенный в прихожей... Особенно жутким казался огромный аванк, будто спящий прямо посреди кабинета, – трехметровая зубастая тварь, житель речных омутов, похожий на помесь бобра с крокодилом.

На стенах вместо картин висели газетные вырезки. Хозяин дома оформил их в рамочки и старательно подчеркнул названия статей:

«Культ Жаркого Пламени – разочаровывает церковь».

«Культ Жаркого Пламени – главные враги Чрезвычайного департамента».

«Культ Жаркого Пламени – очередная дурацкая мода нового поколения».

Возле каждой такой статьи лепрекон рисовал грустные чернильные рожицы... Кажется, заголовки ему не нравились.

Я обернулась к Полыни:

– Как думаешь, культ не может быть замешан в исчезновении лепрекона? – И сама же себе ответила: – Хотя вряд ли, раз они пытались его найти.

Куратор, неизменно рьяный в поисках загадок, уже с азартом перебирал письма и дневники исчезнувшего, сваленные на столе.

– Да, едва ли, – согласился он. – Эти сектанты – как нежные уточки, ей-небо. Разве что придуманные ими боги заставили Очоа провалиться сквозь землю – в наказание за плохое чувство ритма.

– Пф! Нужно будет рассказать нашим хранителям о конкурентах, когда они вернутся, – повеселим их.

– Если они вернутся, – машинально поправил Ловчий.

– Когда, – упрямо повторила я.

Он глянул на меня искоса, но ничего не сказал.

Дело в том, что трое из шести *настоящих* богов-хранителей еще в начале осени отправились в экспедицию по Пустошам Хаоса. Карланбн, Авена и Рэндом ушли в эти стылые земли иного измерения, чтобы понять, что там происходит теперь, после гибели Зверя. И вот минуло уже много месяцев, а от богов – ни единой весточки!

Теннёт (еще один из их компании, живущий в Шолохе как человек, потому что лишился силы) говорит, что это нормально, ведь время везде идет с разной скоростью. Поэтому нет смысла переживать: возможно, в Хаосе пока что прошла всего лишь неделя или даже всего лишь один день.

Но это ему «нет смысла», бессмертному.

А мы можем состариться и умереть к тому моменту, как вернутся хранители. Даже если у них там все хорошо...

Мне взгрустнулось, как делалось грустно всегда, когда я думала о богах и несоразмерности их жизней с нашими. Но потом мне на глаза попала еще одна бумажка, на сей раз листовка: «Клуб Жаркого Пламени – найди себе друзей!» И адрес.

М-да. И впрямь как нежные уточки!

Мы с Полынью прошли по хижине туда и сюда, высматривая улики. Заодно порядок навели, бонусом, так сказать: сам лепреконе отличался чистоплотностью и жил в уютном бардаке. Аккомпанементом уборке было легкое жужжание за окнами: вайты не стали влетать в недружелюбный дом и остались на улице поджидать своего кумира.

Я нырнула в арку в дальней стене и в конце коридора неожиданно обнаружила еще одну дверь, на сей раз открытую.

– Полынь! Иди сюда!

Дверь вела на обратную сторону островка. Все вокруг захватил густой орешник, но к воде шла прорубленная дорожка, заканчивающаяся длинной песчаной отмелью. На берегу был установлен навес, под которым висели багры, сети и удочки, разнообразные приманки. Видимо, здесь лепреконе пополнял коллекцию «речных» экспонатов.

Сейчас у порога валялось несколько порванных сетей и сломанных копий, а к реке вел широкий и мрачный след, будто проползло что-то огромное...

Полынь звонко щелкнул языком:

– Ага. Кажется, какая-то из пойманных тварей не согласилась стать чучелом.

«РЕКА», – подтвердили вайты.

Духи воздуха времени даром не теряли – они совместными силами выдули для нас сообщение на прибрежном песке. Мы с Полынью оценили помощь и горячо похвалили вайтов за инициативу.

– Давай поищем записи о том, кого в последнее время ловил Эндерлан Очоа, – предложил куратор, глядя на след, уходящий в воду.

Мы не могли с ходу определить, кто оставил его, ведь подводная жизнь Лесного королевства такая же разнообразная и насыщенная, как наземная. В наших реках и озерах водится бесконечное количество тварей и духов всех мастей – пожалуй, только служащие Лесного ведомства знают *весь* список.

Надо признать, что обычно мы сосуществуем достаточно мирно: речные обитатели не трогают лодочников и рыбаков (за исключением самых злостных). Но купаться, например, рекомендуется только в специальных зонах, помеченных отпугивающими маг-кристаллами. А вот если ты вздумал поохотиться... Тут уж, извини, каждый за себя.

Я еще раз посмотрела на размер следа на песке. Судя по всему, тварь, не поддавшаяся лепрекону, может легко закусить и Полынью, и мной.

Ладно, сейчас разберемся!

* * *

– Знаешь, что кажется мне даже более странным, чем предполагаемое поедание лепреконе? – пробормотал Полынь несколько минут спустя.

Куратор пытливо смотрел на меня из-за этажерки. Впрочем, его взгляд не шел ни в какое сравнение со взглядом десятка глазных яблок, распиханных по стеклянным банкам там же... Завороженная этим жутким зрелищем, я лишь молча покачала головой.

Полынь помахал лепреконным журналом доходов и расходов:

– Кто-то в департаменте Шептунов, защитников природы, на постоянной основе покупает у браконьеров чучело туманной лани.

– Насколько часто?

– Несколько раз в год. Это весьма лицемерно, не находишь?

Я хотела ответить что-нибудь философское, но тут вайты, оставшиеся на улице, вдруг помушиному забились в окно. Весьма, я бы сказала, самоотверженно. До голубоватых пятнышек на стекле.

– Зачем же так убиваться! – ахнула я.

Потом подпрыгнула к столу, перегнулась через него и распахнула окно, пуская в душную хижину свежий весенний воздух. Вайты, жужжа, рванули не в комнату к Полыни, чего я ожидала, а развернулись и по улице полетели за угол дома, явно желая что-то нам показать.

Я выбежала в коридор, распахнула ведущую на задний двор дверь и увидела, что надпись, сделанная духами, стала немного длиннее.

«РЕКА => ДОМ!» – теперь она выглядела так.

Секунда на осмысление, и...

– Полынь!!! Чучело – не чучело!!! – Я ворвалась обратно.

В тот же миг огромный аванк – зубастый житель речного омуты – вдруг открыл глаза и, распахнув пасть, испокон веков не встречавшуюся с дантистом, неожиданно пружинисто прыгнул мне навстречу.

Все завертелось, как в воскресных комиксах «Вострушки».

Я с визгом упала, подныривая под тварюгу. Аванк перелетел через меня. По ходу дела он снес письменный стол, этажерку, Полынь и – стеклянный шкаф с инструментами. Веселый звон разбитой витрины донельзя обрадовал вайтов, которые смутились было из-за своего запоздалого предупреждения.

Я перекатилась вправо и сорвала с бедра любимую спортивную битую. Аванк – бугристое чудовище – уже неся по направлению ко мне, широко раскрыв пасть. Я, будучи весьма субтильным созданием, при желании могла впрыгнуть туда целиком, вот только желания что-то не возникало.

– Мне нужно буквально полминуты, Тинави! – крикнул из угла комнаты Полынь, которого слегка так придавило шкафом.

– Хорошо-о-о-о! – проорала я в ответ, вновь откатываясь вбок. Аванк не отставал, лишь силпо хрипел и стучал по полу жестким хвостом-лопатой.

Колотить по нему битой было решительно бессмысленно. Тогда я начала беспорядочно метать в чудовище попадавшимися под руку скарбом. Аванк, кажется, счел это приятной закуской. Глаза его были блаженно зажмурены, пасть так и оставалась открытой.

Полминуты прошло. Подручные метательные объекты кончились.

– Ар-ар-ар! – заревел аванк, сам себе желая приятного аппетита перед главным блюдом. То есть мною.

Я приготовилась прыгать через морду монстра, как через спортивного козла.

– *Сайген, р`га, булээй!* – Полынь громко выкрикнул последние слова боевого заклатья Робогайя.

Шоу завершилось мгновенно. Электрический хлыст гадюкой взметнулся под потолок, срезал потолочные маг-светильники, «добил» этажерку, перерубил парочку несущих столбов хижины и располовинил аванка. Столь смущавшая меня пасть с хрустом захлопнулась. Мерзкая тварь упала, дымясь. Дом дымился не меньше – на этажерке, видимо, хранились кое-какие горячие склянки.

Мы с куратором переглянулись, сраженные учиненным нами разгромом.

– Ну, – обескураженно протянул Полынь, – дело закрыто.

И принялся старательно тушить огонь.

– Закрыто?! Нет – ЗАКРЫТО?! – вдруг раздался визгливый, надрывный голос откуда-то... изнутри чудовища.

После чего передняя половина аванка странно задержалась, а тот, кто находился внутри, начал агрессивно и витиевато сквернословить, все громче и громче, сообразно тому, как, кажется, продвигался наружу.

– Наверное, нам надо ему помочь... – слабым голосом проблеяла я.

– Помогай, душа моя, возражать не буду, – проворчал Полынь. Но все-таки сам шагнул вперед и, как мог, поспособствовал процессу освобождения.

И вот под нашими неверящими взглядами на пол хижины вывалился лепреккон.

Целехонький.

Рыжий и миниатюрный, господин Эндерлан Очоа был одет в защитный костюм для работы с токсичными материалами: глухая форма и шлем с воздушным пузырем и брызгалкой. Видимо, именно это и позволило лепреккону прожить столь долго в животе у чудовища.

– Вы! Убили! Моего! Аванка! – возопил господин Очоа, не размениваясь на приветствия или похвалу.

– И спасли вас, – кое-как вернув самообладание, скромно напомнила я.

– Шкуру попортили! А кости-то, кости! А-а-а! – продолжал бесноваться лепреккон, бегая кругами.

Радовало хотя бы то, что за своей профессиональной скорбью он не замечал общих разрушений.

Полынь изловчился, поймал его за шкурку и подсунул ведомственный бланк для подписи. Лепреккон, кажется, хотел цапнуть Внемлющего за запястье, но потом что-то очень красноречивое во взгляде куратора заставило его передумать.

Эндерлан Очоа поставил подпись. Полынь опустил его и молча вышел из дома.

– Вам как-то помочь с уборкой? – вздохнула я, оставшись с пострадавшим наедине. Чучельник чучельником, а хижина его теперь долго не простоит. Без вот этих двух чудных балок-то.

Лепреккон вновь заголосил...

– Все, поняла. До свидания!

– Никаких пепловых свиданий! Валите отсюда, Ловчие!

Заткнув уши, я смылась вслед за Полынью.

* * *

Время близилось к полудню: мы уже вернулись в столицу и теперь шагом вели лошадей вдоль цветущей набережной реки Арген.

Вокруг нас сиял утренний Шолох. «Город магии, загадок и уюта», как гласят рекламные афиши Лесного ведомства, которое несет ответственность за непрекращающийся поток туристов и такую приятную вещь, как связанное с ними золото.

Буйство набережных и аллей, бульваров и знатных поместий, шелестящих рош и причудливых министерских зданий. Плеск воды, птичье пение, смех, запахи свежего кофе и сдобной выпечки; мальчишки-газетчики, лодки, кентавры и уютные магазинчики – все это обступило нас прельстительным шуршаще-звонящим водопадом.

– Сдадим лошадей и пойдем завтракать в «Сонный грош»! – решил Внемлющий. – Никаких новых дел нам до сих пор не прислали, а значит, мы свободны и вольны греться на солнышке, сколько влезет.

– В последние дни вообще что-то тихо, – прикинула я.

– Да, это классика марта-апреля. Преступность слегка подморожена после зимы и берет передышку перед летним сезоном. Так что весна скорее по профилю Лазарета: несчастные влюбленные, насморки да нервы. Ближайшие два месяца мы с тобой, скорее всего, будем зани-

маться какой-нибудь мелочовкой. – Куратор расслабленно пнул камешек, тотчас запрыгавший по мостовой.

Как выяснится в дальнейшем, Полынь, при всех своих достоинствах, – никудышная гадалка. Но пока Ловчий продолжал уверенно вещать:

– Поэтому завтра вместо кабинета мы пойдем в тренировочное крыло: я хочу проверить, чему ты научилась по боевым искусствам.

Я азартно пнула все тот же камень, едва остановившийся, и с интересом вскинула брови:

– Звучит как вызов!

– Это он и есть, – доверительно объяснил куратор. – Проиграешь – дальше буду сам тебя тренировать.

Интереса в моем взгляде только добавилось.

– Ох, зря ты это сказал, Полынь! Ведь теперь у меня есть стимул проиграть.

– Только не говори мне, что весна и на тебя влияет, малек, – намеренно строго прищурился Внемлющий. – Ты что, кокетничаешь со мной?

– Пф, еще чего! Я действую из холодного расчета.

– Ну-ка?

– Ты ведь сам рассказывал мне древнее поверье о том, что учиться надо обязательно у лучших. Причем неважно, умеют они преподавать или нет: куда ценнее сам факт того, что тебе перейдет частичка их энергии, опыта и удачи... Так что я очень хочу тренироваться именно с тобой – с тех самых пор, как узнала, что у тебя были лучшие показатели по бою среди студентов Теневого факультета всех времен.

Полынь усмехнулся, а потом педантично уточнил:

– Высший балл был у моей тетушки Тишь¹. Но из мужчин – у меня, да. В любом случае следует признать, что все это было очень много лет назад.

– Вот и проверим: вдруг теперь я разобью тебя в пух и прах?

– Да я съем свою хламиду, если ты меня победишь!

Не то чтобы Полынь не считал меня способной на битву на мечах или посохах – именно этому я училась весь год, – но в нашей паре бой действительно считался его стихией. Будучи напарниками, мы обладали разными сильными сторонами – и неплохо дополняли друг друга.

Внемлющий – мощный колдун с набором запредельных Умений, превосходный боец, бывший контрразведчик, гений сыска (ну, не считая сегодняшнего провала с аванком!) и манипулятор экстра-класса. Расчетливый, упрямый, эксцентричный, себе на уме, принципиальный и легко нарушающий правила, которые пришлось ему не по нраву.

Я – эмпатичная симпатяга без капли классической магии, зато умеющая подружиться с кем угодно (опять же, сегодняшнее дело не в счет!), катастрофически везучая на приключения, смешная, наблюдательная, с богатой фантазией и знаниями из самых неожиданных сфер, что бывает очень кстати в работе Ловчих.

В общем, если однажды я побью Полынь в бою – это будет внезапно. И сногсшибательно!

А пока, не успели мы сдать лошадей в ведомственную конюшню, как нам навстречу выскочил один из младших сотрудников департамента.

– Тинави! Это тебе! – он всучил мне какое-то письмо.

Ой.

Темно-изумрудная бумага и жемчужный оттиск с профилем ястреба не давали усомниться: это послание из кабинета Авена Карли́ннана – главы всего Иноземного ведомства. Я еще не открыла конверт, но уже почувствовала, как ледяные ножницы волнения и страха щелкают по всему телу, обрезают нервы, обдавая холодом.

Такие письма не получают просто так.

¹ Тишь из Дома Внемлющих – бывшая глава Теневого ведомства, также известного как департамент Ходящих.

– Вот пепел. Кажется, мастер Улиус ошибся в своих оптимистичных расчетах, – пришел к тому же выводу Польша.

И действительно. На гербовой бумаге было написано:

*«Госпожа Тинави из Дома Страждущих,
Мы рады уведомить вас,
что комиссия по делу о вашем предполагаемом повышении или
увольнении
состоится завтра в десять утра».*

Я скомкала послание, а потом улыбнулась широко, лучисто и немного чокнуто:

– Мне конец!

Польша только хрустнул пальцами, как перед дракой.

2. Комиссия

Иногда, когда мы считаем, что идем по кругу, мы на самом деле идем по спирали. Мир цикличен. Но каждый виток – сложнее прежнего. Не надо недооценивать себя.

Магистр Орлин

На следующий день я проснулась гораздо раньше, чем планировала.

Кровать была темной, приятно-прохладной и прямо-таки умоляла провалиться обратно в сон. Одеяло хватало меня за ноги, а будильник возле макушки молчал, будто прижав несуществующий палец к несуществующему рту: *тс, тс-с-с, спи, хорошая! Тебе ведь что-то приятное снилось?*

Это точно. Но вернуть ушедшую дрему я не смогу, а в щель между тяжелыми тканями балдахина уже проникали настолько яркие лучи солнца, что я решительно села и распахнула шторы.

– Доброе утро! – окликнула я филина Мараха, моего домашнего питомца, вовсю чистящего перышки в клетке. Он ответил галантным «уху» и подставил бок для традиционного почесывания.

Листва на деревьях была нежного, какого-то хрупкого цвета; на клумбах упоенно благоухали сиреневые гиацинты, а мимо лесной калитки катил телегу мальчишка-молочник – толстые стеклянные горлышки бутылок были обвиты побегами горошка, как принято в Шолохе в соответствии с сезоном. Весь Мишистый квартал звенел и пел в преддверии нового дня, и тени от вездесущих пиний кружевом разбегались по аккуратным газонам соседей.

За выпуклым панорамным окном царил ранняя весна.

Приняв душ, я занялась утренней чьягой. Самое то: и размяться, и успокоить нервы перед грядущей комиссией.

– Я проявлю себя лучшим образом и получу заслуженное повышение. Я проявлю себя лучшим образом и получу заслуженное повышение... – старательно бубнила я, вкладывая эту немудреную мысль в свои «настройки».

Мысль вкладывалась очень условно: скрипела и взбрыкивала всполохами волнения. К сожалению, в ней не хватало главного – веры. В глубине души я была согласна с шефом: такая монструозная вещь, как «комиссия» (только вслушайтесь в эти серые слоги!), наверняка не захочет менять вековые устои ради одной жизнерадостной и шустрой, но, пожалуй, отнюдь не незаменимой Ловчей.

– Я могу быть несправедлива к комиссии, зато комиссия – справедлива и даст мне заслуженное повышение... – поразмыслив, сменила вектор «настройки» я.

Балансируя на одной ноге и подтягивая вторую к затылку – поза танцора, – я фиксировала взгляд на каминной полке. Среди прочего на ней в ряд стояла дюжина крохотных пузырьков из багрового стекла.

Моя прекрасная коллекция. Волшебная подборка, которая наверняка пришлась бы по вкусу любому вампиру, потому что в пузырьках – кровь, причем кровь бога-хранителя Рэндома.

«Да осветится твоя жизнь магией, лапушка!» – написал Рэнди прошлым летом, когда неожиданно подбросил мне банку с алой жидкостью под окно.

Это был щедрый подарок.

Прелесть божественной крови не только в том, что вне тела она не сворачивается и не киснет. Влей такую кровь в человека – и он получит магический бонус, возможность творить кол-

довство, недоступное смертным. Так, на капельницах с божественной кровью зиждется запретельные Умения Ходящих, в том числе Полыни.

Однако, получив кровь, я не стала сразу кидаться в Лазарет и требовать самую огромную иголку. Ведь помимо обычных чернил на записке Рэндома были еще какие-то буквы, совсем нечитаемые при свете дня... Зато проступившие под луной, когда я нагрела письмо над лавандовой свечой, разгоняющей чары.

«Поздравляю, ты добралась до инструкции!»

У тебя два варианта. Первый: действуй как Ходящая – влей эту кровь себе в вены, попроси патлатого сделать тебе татуировку и навсегда получишь набор тeneвых Умений. Но с остальной магией это тебе не поможет, увы.

Второй: поднимай за меня тосты по настроению! Рюмка крови – и ненадолго энергия унни снова захочет с тобой общаться. Как классически, так и дружески, выбирай сама»².

Вторая опция звучала гораздо привлекательнее!

Поэтому я купила на Потаенном рынке набор пузатых пузырьков и с пиететом разлила по ним мерцающую жидкость. Теперь я всегда ношу с собой штучку на случай непредвиденной ситуации.

За год мне ни разу не довелось принять «допинг» – всегда удавалось выкарабкаться из неприятностей без него, но иметь такую страховку полезно. Жаль только, я не могу рассказать о ней комиссии в ведомстве!

Ведь, во-первых, боги-хранители просили держать их дела в секрете.

А во-вторых, однажды кровь кончится, а с ней и моя страховочная магия. А будет ли у меня новая партия – неизвестно. Потому что, как бы я ни хорохорилась перед Полынью на тему «своевременного» возвращения хранителей, я не могла не признать:

они все-таки очень,

ну просто очень,

далеко.

Нечеловечески.

* * *

Закончив с чьягой, я вышла в коридор.

В нос мне тотчас прилетел аппетитный запах омлета с помидорами, луком и беконом. Даже если бы у меня отшибло память и я бы забыла, как ориентироваться в собственном коттедже, чудный аромат неминуемо привел бы меня на кухню.

Там, стоя у плиты в светлом фартуке, пританцовывая и чуть ли не мурлыча, готовил завтрак господин Мелисандр Кес собственной персоной.

Саусберийский Свидетель Смерти³, историк и авантюрист. Дуралей, сердцеед, ходячая неприятность с привкусом моря и – вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения – один из моих ближайших друзей наравне с Кадией, Дахху и уже знакомым вам Полынью.

² Это два разных подхода к магии. Классическая магия, которой пользуются повсеместно, призывает бороться с энергией унни (из которой состоит все сущее), навязывать ей свою волю и прогибать ее согласно своим желаниям. Дружеская магия, которой пользуются боги и немногочисленные посвященные, зиждется на принятии унни и единении с ней.

³ Свидетель Смерти – он же «свид» – специалист, который изучает травмы, раны и увечья, полученные криминальным путем, и дает свое заключение о способе их нанесения. Другое название свидов, принятое в южных странах Лайонассы, – судмедэксперты. Но Мелисандр вообще любит называть себя патологоанатомом, ему кажется, что это звучит брутальнее.

– Хей, красавица! – воскликнул Мел и пустил ко мне по столу чашку с кофе, как будто пивную кружку в баре. Его пшеничного цвета волосы, как обычно, были убраны под спортивную ленту, перетягивающую лоб. Соблазнительный южный загар оставался с саусберийцем даже в начале весны. – Как поживает твой боевой настрой?

– Прихрамывает, но я немилосердно подтыкаю его костылями. С ума сойти, Мел. Ты сделал завтрак на двоих? Сегодня же была моя очередь! Ты лучший.

– Я лучший – это факт. Что касается очереди, то она идет к д`гарру, когда в нашу жизнь вступают страшные испытания. Борьба с бесчеловечной системой входит в их список, – подмигнул Кес, перекидывая кухонное полотенце через плечо.

Мы с Мелисандром живем вместе. В распоряжении саусберийца весь второй этаж дома: он впихнул кровать в библиотеку и теперь спит, убаюканный шепотами древних книг. Иногда я даже чуть-чуть завидую.

Глотнув кофе – *небо голубое, храни этот чудо-напиток*, – я присоединилась к созданию завтрака.

– Ну, если тебя все-таки уволят сегодня, – оптимистично заявил Мел, продолжая разговор о комиссии, – то у нас в «Чалом единороге» как раз освободилась позиция бармена.

– А что случилось с предыдущим?

– Он применил запрещенное заклинание народа нюктов, когда один из клиентов отказался расплачиваться. Теперь сидит в подвалах вашего ведомства, как я понимаю.

Я сочувственно поморщилась. Причем посочувствовать в данной истории можно было и жертве, и преступнику: магия красноглазых нюктов – страшная штука, но наши камеры еще хуже.

Мелисандр сейчас работает в трактире «Чалый единорог», который находится в тревожном, но притягательном квартале Чрево Шолоха. По будням Кес разливает напитки за барной стойкой, а по выходным организует карточные турниры в огромном подземелье «Единорога».

Это занимает у него поздний вечер и часть ночи, а вот днем... Честно говоря, никто точно не знает, что Мелисандр делает днем: он виртуозно молчит на эту тему. Не просто молчит, а молчит *со значением*, понимаете? Что в случае этого хитрого типа может означать как тайную работу на мировое правительство, так и просто продолжительный сон в обнимку с мягкими игрушками. Хотя каждый раз, когда я оказываюсь дома в середине дня, Мелисандра тут нет.

Иногда я думаю, что, возможно, он ищет другую работу, более подходящую ему – талантливому свиду, два года назад влипнувшему в международные неприятности. Последовавший за этим этап историка-авантюриста в жизни Кеса закончился, а что будет дальше – пока неясно.

Когда об этом заходит речь, Мел обаятельно разводит руками:

– Я знаю одно: я влюбился, Стражди. Ваша лесная столица все-таки умудрилась взять в плен мое сердце, и я рад склонить свою голову перед ней. Так что я остаюсь здесь, а с будущим как-нибудь разберемся.

Мелисандр как следует потрянул сковородкой, заставив омлет подпрыгнуть и перевернуться. Я принесла из сада пучок травы – рукколу, базилик, петрушку – и все тщательно промыла, очищая ажурные листики от темной земли. Потом поставила готовиться еще одну порцию кофе. Кухонный стол, накрытый кружевной скатертью, постепенно наполнялся разноцветными тарелками. Красота! Привлеченный запахом филин прилетел из спальни и теперь важно переступал с лапки на лапку на спинке моего стула.

Когда мы сели, Мел окинул меня оценивающим взглядом и поинтересовался:

– Как ты по ощущениям вообще? Готова?

– По идее, да, хотя от тревоги это не избавляет, – вздохнула я. – С иностранными языками, дипломатией и культурой у меня все отлично. Рекомендательные письма есть. По боевым искусствам я не только ходила к мастеру трижды в неделю, но и регулярно устраивала

спарринги с Кадией – учитывая, что она научилась фехтовать еще в дошкольном возрасте, у нее есть чему поучиться. Я как-то даже пожалела, что не брала дополнительные классы по бою в годы учебы у наставника...

– Кстати, про это! Я давно хотел спросить: а как у вас вообще так странно устроено высшее образование, что вы втроем учились вместе, а выпустились с совершенно разными компетенциями? – полюбопытствовал Мел, накалывая кусочек соленого сыра на вилку.

– А в этом и есть суть наставничества – образования для аристократии. Сам магистр преподает студентам основные дисциплины, заточенные под будущее управление государством, а вдобавок к этому, в соответствии с интересами и талантами учеников, отбирает для них лучших в королевстве учителей – они приезжают и учат нас индивидуально. К нам иногда также приглашали аспирантов и студентов из Башни Магов – на выходные, для обмена «живым научным опытом в расслабленной обстановке», – я изобразила пальцами кавычки.

– Саусберийские студенты вместо этого устраивали бы вечеринки, – прикинул Мелисандр.

– Ну да. Мы тоже обменивались скорее игривыми взглядами, поцелуями и адресами ташени⁴, но в общем и целом система была неплохая!

Мел понимающе усмехнулся.

– Ну-ка! – Он поднял указательный палец. – Вопрос тебе на засыпку, о Тинави, великий знаток чужестранцев! Ответишь на него – предчувствую, все будет хорошо с комиссией... Что значит, если саусбериец говорит тебе «Вот так Ноа!»?

– Все очень плохо – вот что это значит, – я развела руками. – Ноа де Винтервилля, архиепископа всея Лайонассы⁵, ваши не любят.

– Бинго! Только при госпоже Пионии так не говори.

Самая лучшая в Шолохе чаевница была мамой пресловутого зла на ножках, широкой общественности известного в качестве главы единой церкви.

Когда стрелки на настенных часах показали восемь тридцать, я залпом допила кофе и объявила:

– Пора!

– Отсюда до ведомства полчаса, а у тебя еще полтора часа до срока, – с сомнением протянул Мелисандр.

– Ничего, наверчу пару кругов по центральным кварталам. Может, случайно сплету из шагов какой-нибудь узор на удачу! Или встречу магистра Авена Карлиннана и так его обаяю, что он сразу решит сохранить мой значок, – я мечтательно вздохнула. – Или на меня наедет кэб, и комиссию придется перенести.

Светло-голубые глаза Мелисандра наполнились смесью из веселья и сочувствия.

– Хей, Тинави, – неожиданно серьезно и чуть обеспокоенно сказал он, провожая меня до крыльца. – Если тебя все же выгонят, это не так уж страшно, верно? Ты уже проходила этот этап. Ты знаешь, что, когда одна дверь закрывается, где-то обязательно открывается новая. Правило всемирного сквозняка.

Я приподнялась на мысочки и взъерошила Кесу волосы.

– Знаю, господин свид. Я не боюсь будущего, но я люблю свою работу. Так что буду держать эту прахову дверь обеими руками, чтобы она не захлопнулась.

– Лучше ногу в щель у косяка просунь, – со знанием дела посоветовал Мелисандр.

Я подмигнула ему, поправила желтый рюкзак и ушла по зеленой тропинке между цветущих пионов.

«Удачи!» – простучал Кес морской азбукой по окну.

⁴ Ташени – лесная почта, волшебные послания в виде бумажных птичек.

⁵ Лайонасса – название материка, где все мы живем.

* * *

Малый Зал Совещений, в котором проходила комиссия, располагался на верхнем этаже Иноземного ведомства.

Просторный и светлый, со множеством растений на стенах, темно-синим ковром и окнами-витражами, он был прекрасен. Идеальное место для драмы: утешит одним своим видом!

С потолочной балки, пересекающей зал по оси, свисали длинные вышитые полотна с гербами пяти департаментов: ястреб Ловчих, волк Ищеек, лиса Говорунов, олень Указующих и сова Архива. Возле окон были прибиты красочные гербы сопутствующих, непрофильных отделов – тех, что в той или иной форме есть во многих ведомствах: змея Свидетелей Смерти, медведь Тюрьмы и так далее.

Гонг в главном холле пробил десять утра.

Я сидела в резном деревянном кресле, одиноко стоящем в центре зала, и ждала, пока за кафедрой соберется вся комиссия. Из пепловой дюжины не доставало троих. Впрочем, и насупленных бровей присутствующих с лихвой хватало на то, чтобы прочувствовать всю серьезность происходящего.

В дверь, шелестя шелками, проскользнул Польш. Он легко подхватил в углу какую-то тумбочку и, протаскивая ее по полу со страшным скрежетом, плюхнулся рядом со мной. Комиссия глянула на него пристально, но промолчала.

– Прости, что опоздал, – шепнул Внеземный, остро пахнув перцем и эвкалиптом. – На улице Дальней Поступи два тролля решили ограбить ювелирную лавку, рассудив, что при свете дня это будет незаметно и неподозрительно. Пришлось их разочаровать.

Дверь кабинета распахнулась – на сей раз гордо, уверенно, так и хотелось добавить фанфары, – и в нее по очереди зашли трое.

Мастер Улиус Чобчек, наш шеф, в просторном одеянии, с соломенно-рыжей бородой и глиняной кружкой чая, будто приклеенной к его правой руке. В тяжелые дни он колотит ею по столу: стол трещит, а кружке нормально.

Госпожа Селия из Дома Сгинувших – заместительница шефа – с серой тростью, тугим пучком и таким выразительным взглядом, что хочется взять лопату и самого себя поскорее закопать.

И мастер Авен Карлиннан (да, его зовут в честь двух богов) – высокий сухопарый шатен с лицом той степени очарования, без которой очень сложно сделать потрясающую карьеру, будь ты хоть трижды гений в своей области.

Мы встали. Они сели. В повисшей тишине стало слышно, как Польш ногтями скребет по своему запястью, на котором явственно отпечаталась хватка горного тролля.

Господин Карлиннан положил подбородок на сцепленные замком пальцы и долгую минуту просто смотрел на меня, не мигая. Я смотрела в ответ. Решила, что тоже моргать не стану. Бывают случаи, когда лучше показаться упрямой, чем вежливой, – и что-то подсказывает, что мой случай как раз такой. Ведь хороших Ловчих в ведомстве много, и моя задача сегодня – не только доказать, что я в их числе, но еще и донести, что это место мне очень, очень важно. Я готова за него бороться.

Мастер Карлиннан улыбнулся, вокруг глаз у него побежали лучистые морщинки.

– Что ж, начнем! – проговорил он и открыл изумрудную папку с моим личным делом.

* * *

Разбирательство было долгим.

Дамы и господа дотошно изучили всю мою биографию, выслушали заготовленную речь с «аргументами». Они допросили Польшу, проэкзаменовали меня по тем и другим вопросам. Похмыкали над отметками «совершенно секретно», украшавшими мое дело.

Отметки проставили по приказу короля Сайнора: они касались истории с принцем, богами и Зверем. Во всем Шолохе лишь небольшая кучка людей знала о том, что случилось прошлым летом. Этими людьми были мы с ребятами – непосредственные участники спасательной миссии – и его величество Сайнор, которому хранитель Карланон прислал ястреба с длинным письмом.

Письмо содержало несколько важных пунктов:

1. Мир чуть не навернулся, но мы его спасли, не благодарите.

2. Ваш сын Лиссай – не псих. Дайте ему свободу делать то, что он считает нужным, потом поймете. Охрану убрать.

3. Тинави и Польша не трогать, как бы ни хотелось.

Я отчетливо представляла, как скрипели Сайноровы зубы при прочтении такого свитка. Но, с другой стороны, общение с богом – это все-таки привилегия, и лесной король не мог ее не оценить.

Наклон солнечных лучей в Малом Зале Совещаний стал типично послеполуденным, когда мастер Авен Карлиннан подытожил:

– Хорошо. У нас есть все факты по делу Тинави из Дома Страждущих. Думаю, пора принимать решение.

И комиссия стала голосовать.

Один за другим колдуны, сидящие за длинной кафедрой, выкладывали перед собой свои значки. Если значок ложился аверсом – это было «оставим Ловчую». Реверсом – «вот вам ящик для ваших вещей, жалованье заберете в Архиве».

Мне нужно было набрать одиннадцать голосов из тринадцати.

Когда сидевшая всего лишь второй по счету глава департамента Ищек плюхнула свое «нет», я панически сглотнула. Впрочем, этого следовало ожидать. У Польшы в прическе траурно звякнул бубенчик.

А вот дальше: да, да, да, да, да... Мастер Авен Карлиннан – «да», ура!

Я глазам своим не верила. Неужели все будет не так уж позорно?

Десятый член комиссии – эксперт из Правого ведомства, Хленно Гаверэй, – грустно покачал головой и положил значок реверсом вверх.

– Я считаю неразумным создавать такой прецедент, – объяснил он.

Пришла очередь Улиуса. Шеф грохнул значок и кружку на стол одновременно. Конечно же, это было «да».

И вот осталась только госпожа Селия – главный тиран нашего департамента, бывшая блестящая Ловчая, потерявшая магию, после чего ее *сразу* уволили, согласившись взять только на административную должность...

Оценив ситуацию, Селия наклонила голову набок и пару раз эдак небрежно крутанула свой значок на ребре. Все затаили дыхание: помимо упомянутого мной выше факта, каждый знал, какой долгий конфликт разворачивается у Селии и Польшы. Как они ненавидят друг друга.

– Что ж, думаю, у меня не остается иного выбора... – наконец бесцветно протянула госпожа Сгинувшая, блеснув серыми глазами за толстыми стеклами очков. – Учтите: это *авансом*, Тинави.

И положила значок аверсом вверх.

* * *

Я скакала по всему этажу как полоумная:

– Я Ловчая! Я Ловчая! Я все еще Ловчая-я-я-я-я! Опять! Уха-ха-ха, ты не избавишься от меня, Иноземное ведомство, я – истинное проклятье твое! Покуда стены твои стоят, я буду в них танцевать; покуда окна смотрят твои – я буду в них отражаться...

Полынь тихонько смеялся рядом.

– Ты вообще в курсе, что дверь в кабинет приоткрыта и они тебя слышат, да? – Он указал большим пальцем через плечо.

Я послушно заткнулась и чуть не рухнула на пол, в последнем триумфальном прыжке зацепившись ногой за полу собственной летяги.

– Полагаешь, передумают? – страшным шепотом спросила я.

– Скорее, напрягутся. Мало ли что у тебя там в секретных графах написано. Вдруг ты и впрямь какая-то нечисть?

Мы оба, затаив дыхание, уставились на узкую щель в дверном проеме, как будто ожидая немедленной реакции. Но оттуда слышался лишь равномерный тихий бубнеж. Когда мой вопрос был решен, основная часть комиссии разошлась по своим делам, однако главы пяти департаментов оставались на месте – теперь у них проходило стандартное еженедельное совещание.

– Кстати, твоя характеристика моей работы оказалась удивительно фактологичной, – вскинула брови я. – Не похоже, чтобы все эти месяцы ты хмыкал над ней.

– Это была новая версия, – с достоинством сообщил Полынь.

– Теперь-то мне можно увидеть старую?

– М-м-м. Нет.

Вдруг из-за двери выглянул мастер Улиус.

– Полынь! – грянул он добродушным басом. – Зайди-ка к нам ненадолго. А ты, Тина-вушка, подожди его на первом этаже. И да – осторожно все делать можно, но ты лучше полегче с угрозами ведомству. Здание у нас живое, мало ли, воспримет тебя всерьез.

– Сэр, есть, сэр! – смутилась я.

– А зачем я вам нужен? – нахмурился Ловчий.

Шеф упер руки в бока:

– Хоть и добр молодец, да норов есть!.. Пойдем-пойдем. Всеу свое время: час стукнет – узнаешь, – под конец таинственно и как-то торжественно изрек Улиус.

Мы с Полынью переглянулись. Свежий опыт гласил, что Малый Зал Совещаний – не то чтобы камера пыток, но все-таки просто так туда ходить не принято. («Чай, не отхожее место», – добавил бы сам Улиус, чья любовь к поговоркам оказалась прилипчива.)

Полынь пожал плечами и заскользил-засвенел амулетами вслед за главой департамента.

3. Последняя песнь толстяка

Золотые манити Теневого департамента зачарованы так, что скрывают и рост, и телосложение агента. Вы никогда не догадаетесь, как человек перед вами выглядит в обычной жизни.

Энциклопедия «Доронах»

Внизу мои бешеные танцы ликующей любимицы фортуны продолжились. Не прошло и часа, как вообще все сотрудники Иноземного ведомства знали, что я остаюсь в должности, – включая тех, с кем мы до этого за весь год ни разу не пересеклись.

Внушительные двери министерства распахнулись, и в главный холл въехала багажная тележка, в которой развозят улики и документы. Тележку толкала Андрис Йоукли.

– Йоу, Тинави, поздравляю! – воскликнула Ищейка. – Там на улице кентавры уже предлагают туристам праздничные скидки в твою честь.

Учитывая, что вчера скидки были в честь грядущего солнцестояния, а позавчера – в честь ареста известного шулера, я не сильно обольщалась. Кентавры в ста процентах случаев говорят, что цена на их услуги снижена *только сегодня* и такого точно не повторится, госпожа, не упустите случай полюбоваться Шолохом со спины такого красавца, как я, а то будете кусать локти, глядя на мой удаляющийся шикарный круп!

– У меня, кстати, есть почта и для тебя. – Андрис поправила русое каре и улыбнулась до ямочек на щеках.

Если не смотреть на отвертки и взрывательные смеси, прицепленные к ее ремню, то можно подумать, что Андрис – душечка бакалейщица. Но на деле она опасная, как скорпион. И сильная: багажную тележку наполняли тяжелые деревянные ящики, а в центре и вовсе находилось нечто, формой подозрительно напоминающее саркофаг.

– Как раз твое! – объявила Андрис.

– А что это?

– Понятия не имею. Но доставили из Тилирии, а значит...

– От Дахху! – ахнула-восторженно-взвизгнула я.

– Точно, – улыбнулась Андрис. – Предупреждаю: я не сдвинусь с места, пока ты это не распакуешь. Мне слишком интересно, как там дела у лекаря!

Дело в том, что Дахху уже два месяца путешествует по миру в компании злокозненного Анте Давьера. За это время мы с Кадией дико соскучились по Смеющемуся.

И Андрис *соскучилась тоже*.

Признаться, я испытываю смешанные чувства на этот счет. Я имею в виду, у себя в голове для Дахху я предполагаю другую даму. Ну такую. Блондинистую. Боевую. Вы понимаете.

Впрочем, предыдущий романтический интерес Андрис мне тоже не нравился, а значит, есть шанс, что я просто вредничаю. И все. Не слишком-то по-героически!

– Йоу, вот лекарь чокнутый! – меж тем обескураженно протянула Йоукли.

К этому моменту мы уже успешно вытащили ящик. Мне не зря показалось, что он похож на саркофаг: внутри лежала мумия. Очень древняя, с истлевшими и слегка размотавшимися бинтами.

Ее дополняли письмо и перо. На пере была гравировка: «Пиши мной только правду». В письме – долгий рассказ о том, как Смеющегося поразила тысячелетняя мумия, обнаруженная им на одном из тилирийских блошиных рынков. А особенно тот факт, что ее можно было просто купить. Что он и сделал. А потом послал мне, потому что она прекрасна и загадочна. (Со вторым было сложно поспорить: непроницаемое лицо мертвяка дышало то ли вечностью, то ли тленом – поди разбери.)

Письмо было замечательным, но в нем не хватало самого главного: информации о том, когда Дахху собирается возвращаться.

– Надеюсь, это не значит, что никогда, – цокнула языком Андрис.

– Надеюсь, вы уберете свой бардак! Не заставляйте меня пожалеть о своем голосе, Страждущая! – рывкнула проходящая мимо нас Селия, которая, освободившись после комиссии, уже проводила экскурсию по ведомству для новеньких Ловчих-мальков.

Едва мы сложили посылки обратно и Андрис повезла их дальше – мумию она закинет в наш кабинет, – как из шахты восточной лестницы в холл ступил Полюнь.

Он выглядел точно так же, как полчаса назад – руки в карманах хламиды, волосы веселым дыбом, цепкий прищур и ни к чему не обязывающая улыбка. Он кивал коллегам, коллеги приветствовали его, и все это казалось совершенно привычным, но...

При всем внешнем благополучии от Ловчего сейчас исходила такая усталая обреченность, что я просто обомлела. Будто посреди весеннего ведомства, облаченного в белое, зеленое и золотое, вдруг за клубилась ночная ливневая туча.

Кажется, никто этого не замечал, но никто здесь и не знал Полюнь так, как я.

– Что случилось? На тебе лица нет! – шепнула я, когда Внемлющий приблизился.

Он посмотрел на меня этим непривычным, до странности тоскливым взглядом, явно не предназначенным «на выход», потом наклонил голову, моргнул, и... Аура тоски ушла, как по волшебству.

– Все хорошо, малек, – как ни в чем не бывало соврал Ловчий, беря меня под локоть. – Время праздновать. Сегодня мы все-таки доберемся до «Сонного гроша»!

Выходя вслед за Внемлющим из ведомства, я не стала напоминать ему, что я уже не малек.

* * *

Вскоре мы сидели в очаровательном кафе на Ратушной площади. На нашем трехномом чугунном столике царил поздний завтрак.

Уж не знаю, как так получается, но для настоящего шолоховца именно завтрак всегда – самая привлекательная страница в меню. Рестораторы давно просекли это, сделали завтраки круглосуточными, и из лесного словаря, как мне кажется, скоро просто исчезнет унылое слово «обед».

Завтрак раз. Завтрак два. Завтра три. А потом – изысканный ужин. Никаких скучных ланчей, нет.

Веранда кафе располагалась в тени старого платана. Над нами шумела листва, под ногами курлыкали голуби. Площадь вся переливалась в лучах высокого солнца: мозаичное панно, фонтан, несколько клумб. Справа по курсу светлела набережная реки Арген, а напротив нас колокольня Ратуши готовилась чествовать новый час. Огромный колокол по имени Толстяк Бенджи где-то там, наверху, с нетерпением ждал появления звонаря...

Колокола любят звонить.

Я, завернувшись в плед, похлопывала чайной ложкой по густой молочной пене: пена пружинила и иногда хихикала отдельными вылетающими пузырьками. Кофе под ней терпеливо ждал. Полюнь поглядывал на свою крохотную чашечку с неопределенно-смолянистой дрянью, которую госпожа кофейница загадочно назвала «выбором настоящего джентельмена».

По-моему, Полюнь боялся это пить.

Вместо того Внемлющий, барабанил пальцами по столу, бодро разглагольствовал:

– Что ж, у нас, считай, начинается новая эпоха. Теперь ты, как младшая Ловчая, сможешь сама выбрать себе информаторов из числа горожан – только не вздумай вербовать моих. А еще тебе разрешено присутствовать при вскрытии «своих» мертвецов и вообще – контролировать

работу свидов. Плюс самостоятельно гонять Ищеек по зацепкам, а потом слушать их многоэтажные комментарии на этот счет. Хм, у тебя даже есть право действовать под прикрытием... И знаешь, я думаю, это можно опробовать в ближайшее время. Как тебе идея изобразить торговку гриндой?

– Так. Погоди. А мне точно нельзя вернуться в мальки? – театрально сглотнула я.

Зрелище горько-безнадежного Полыни, явленное в ведомстве, все еще стояло у меня перед глазами, но напарник так упрямо изображал, что все замечательно, что я приняла игру. В случае с Внемлющим вытягивать информацию насильно – только заставлять его захлопываться еще больше, по ходу дела кромсая тебе душу своей ледяной обороной. Не человек, а саблезубая устрица, честное слово.

Вдруг к нам прибежал эльф Йегерлиблатцен – ведомственный конюх и по совместительству мелкий посыльный.

– Госпожа Тинави, приветствую! Ключ от вашего нового кабинета, держите! Поздравляю с назначением!

– Что? – опешила я, когда мне в ладонь буквально впихнули тонкий ажурный ключ на цепочке из розового золота. – Йегер, подожди! – Я цапнула уже намылившегося прочь эльфа за серебристый рукав. – Здесь какая-то ошибка. Личные кабинеты дают только Старшим Ловчим, а я из малька становлюсь Младшей! Да и вообще мне замечательно и в нашем тридцать втором.

– Мастер Улиус настаивает, – пожал плечами эльф и ускакал обратно.

Я перевела взгляд на Внемлющего. Тот смотрел на ключ, нехорошо сузив глаза. У меня возникло стойкое ощущение, что внезапное решение шефа выдать мне кабинет напрямую связано с тем, о чем они говорили с Полынью и что так опечалило Ловчего. Но что это может быть?..

– Надеюсь, тебе не дают нового малька вместо меня, – расстроено предположила я вслух.

Полынь аж зашипел от негодования:

– Никаких новых мальков! Просто мы слегка повздорили и мастер Улиус изволит мстить. По мелочи.

– О чем вы повздорили?

Полынь сделал вид, что не слышит, и просто продолжил:

– ... Но шеф не может заставить тебя переехать. Так что просто выкинь этот ключ к праху и оставайся у нас, а при встрече скажи Улиусу, чтобы шел в задницу и не втягивал тебя в наши с ним разборки, – жестко закончил Ловчий.

От неожиданности я подавилась кофе.

– Отличный совет, Полынь! Едва меня повысили, как у меня сорвало резьбу приличий. Заставим их пожалеть, да? Нет, знаешь, давай я все-таки останусь в своем неконфликтном репертуаре и придумаю с ключом что-нибудь другое.

– Например?

– Увидишь!

– Что ж, удиви меня! – Полынь откинулся на спинку стула.

– Удивлю! – бойко пообещала я.

И, будто в тон уговору, зазвенели колокола по всей столице. Пробило три пополудни.

Толстяк Бенджи и его младшие братья над нами особо неистовали: минор сменялся мажором, синкопы скакали как бешеные, складываясь в ликующую, сложную, ажурную песнь столицы. Волей-неволей она поднимала настроение, смывала сложности и печали. Мы смотрели наверх, шурясь на солнце. Горожане и туристы за соседними столиками также наслаждались музыкой.

Последняя торжествующая нота: долгая, очень долгая, и вот... Должна наступить умиротворенная, свежая тишина, но...

Но вдруг вместо этого раздался взрыв.

Настоящий. Огненный. Верхушка Ратуши превратилась в багряный шар. Мир пошатнулся, в ушах зазвенело. Закричали люди, загрохотали падающие камни, прорывающие тент веранды.

Полынь напрыгнул на меня, и мы вместе повалились на тротуар.

* * *

– Ты как? – шепот Ловчего в самое ухо.

– Нормально. А ты?

– Жив.

Полынь приподнялся на локтях, и мы осмотрелись. Наш столик валялся рядом, раскуроченный. Надсадно выла магическая сирена, по центру площади высилась темная грудa – искореженные обломки Толстяка Бенджи.

– Бедный звонарь... – охнула я, и Полынь, оглянувшись – никто не смотрит? – исчез, прыгнув прочь.

Я же вскочила на ноги. Жар от колокола, языки пламени, дым и поднявшаяся пыль мешали сразу понять, что и как происходит на площади. Я помогла семье туристов – они были ошарашены, но не ранены. Проверила хозяйку кафе, застывшую у витрины.

В целом все было не так уж плохо, обошлось без жертв. Вдали уже слышались сигнальные рожки Чрезвычайного департамента, целителей и стражей. Из Ратуши выходили сотрудники: никакой давки, цивилизованное следование протоколу. Полынь стоял перед их шеренгой, как конвоир, сложив руки на груди, нетерпеливо стуча ногой о землю и пристально вглядываясь в каждого выходившего.

Я направилась к нему, как вдруг на полпути заметила кое-что странное. На клочке земли, видимом между кусками разбившегося колокола, что-то мелькало и бликовало...

Монетка.

Обычная монета, поставленная на ребро, крутилась так шустро, что явно была запущена заклинанием. Она со свистом рассекала воздух и выглядела совершенно сюрреалистично в окружающем апокалипсисе. А возле монетки лежал пергаментный свиток, аккуратно обвязанный лентой.

Я изумленно вскрикнула.

Полынь обернулся. Когда он увидел эту странную, диковинную пару в развалинах – монета и свиток, – его глаза вспыхнули радостью лисы, добравшейся до курятника. Вот-вот полетят перья загадок.

В этот момент на площадь с двух сторон ворвались два отряда: гномы-чрезвычайники и лекари. Они слаженной группой бросились к Ратуше, крича, чтобы все остальные держались подальше и «не смели мешать нам, джбуньки безбородые!!!» (реплика гномов, а не целителей, конечно).

Полынь тотчас рванул к рухнувшему колоколу. Я за ним.

Ловчий мыском сапога наступил на крутящуюся монету, пока я поднимала и раскрывала свиток. Он весь был заполнен какими-то убогими странными буквами, написанными по спирали, жемчужно переливающимися на свету.

– Кажется, кто-то оставил нам шифр?..

– Обожаю, – рассеянно пробормотал Полынь, забирая у меня свиток в обмен на подорванную им монету.

Но...

– Кто позволил вам трогать улики?

Голос, произнесший реплику, раздался у меня за спиной. Он был презрительным и странно-шелестящим, неуловимо искаженный специальным устройством.

Ходящий.

Я обернулась. Еще мгновение назад здесь никого не было, а теперь в полный рост стояла фигура в золотом балахоне и гладкой маске, скрывающей лицо. На месте глаз у нее были лишь темные колдовские провалы.

– Немедленно отдайте это мне, – прошипел Ходящий, глядя на монету в моих руках и письмо в Полыньих.

Магический посох агента-теневика тускло засветился. Воздух стал холоднее на пару градусов, по земле побежали колдовские тени острых терновых веток. Я почувствовала, как волоски невольно приподнимаются у меня на загривке. Даже несмотря на то, что я стрелянный воробей, Ходящие нагоняют на меня ни с чем не сравнимую жуть. Мозгом-то я понимаю, что за маской стоит всего лишь человек, а не колосс из тьмы и пепла, но сама атмосфера возле Ходящих давит.

Впрочем, бывшим контрразведчикам все нипочем.

– Через минуту отдам, подождите, тут очередь, – отмахнулся Полынь, вновь жадно вчитываясь в письмо.

Ходящему это, мягко говоря, не понравилось.

– Я хочу получить этот свиток *сию секунду*, – он нетерпеливо раскрыл ладонь. – Или ты уже соскучился по тюремной камере, а, Внемлющий?

– Это был не худший отпуск, но пока что я не хочу повторять его. Спасибо за предложение.

Однако проблема заключалась в том, что требование Ходящего было абсолютно справедливым.

В случае терактов именно Теневой департамент первым забирает дело – и уже потом решает, кого из госслужащих подключить к работе и надо ли подключать. Так что интерес Полыни к свитку был понятен, но не правомочен.

И вот Ходящий зарычал и вырвал у Внемлющего улики.

– Ты поздно спохватился, *Ловчий*, – почти выплюнул он, приблизив свою золотую маску к лицу Полыни. – Это *мы* занимаемся настоящим делом. Это *мы* стоим на страже столицы. А ты играй в свои маленькие детективные дела с такими же маленькими и глупыми сыщиками, раз выбрал *такую* судьбу. Я давно слежу за тобой, и знаешь что, Полынь? Я тебя *жалею*. Ты презренный предатель – и ничего больше.

Напарник изогнул проколотую бровь:

– Предатель, серьезно? Да будет тебе известно, что выйти из игры, когда она становится грязной, – это не предательство. Побег – может быть. Здравый смысл, протест, что угодно... А вот вы все, помнится, как раз и предали: свое ведомство и своего Архимастера. Сколько времени вам понадобилось, чтобы переметнуться на сторону короля во время бунта? Полчаса? Десять минут? Разумный выбор, безусловно. Но именно такие вещи называют предательством – загляни в словарь. А что касается «жалкого сыщика»... – Полынь задумчиво пожевал губами. – Ну, зато у меня есть свобода! Приятная, в сущности, штука.

– Правда? Свобода? Ты уверен? – с непонятной интонацией протянул Ходящий, а потом отошел и отвернулся, чтобы изучить улики в одиночестве. Жадина какой, с ума сойти.

Полынь закатил глаза:

– В этом весь Теневой департамент.

Я солидарно хмыкнула, и мы тотчас дружно отпрыгнули назад... Это Ходящий ударил своим посохом – и тени терновника, плясавшие вокруг него, поднялись от земли и превратились в настоящие ветви, которые, разрастаясь и сплетаясь между собой, стали накрывать колокол, как огромный купол, отгораживая его от зевак и служащих других ведомств.

Мы остались стоять аккуратно перед колючей стеной.

Вокруг уже собралась толпа народа. Возле нас затормозила карета Лесного ведомства, покрытая мхом от колес и до крыши. Четверо травников с зелеными кончиками пальцев, как у всех Шептунов, выпрыгнули из нее и поскакали к платанам на площади. Деревья пережили настоящий шок: падавшие камни и осколки мелких колоколов сломали ветви, часть их застряла в густых кронах. Шептуны поглаживали шершавые стволы, исцеляя платаны. Один из магов наколдовал мерцающий поток энергии, который укутал деревья так же, как укутывают пледом пострадавших людей. А роль психологов сыграла парочка крустов. То есть лешаков.

За добрых крустов, как и за красивые кареты, стоило благодарить главу департамента Шептунов и по совместительству всего Лесного ведомства – госпожу Марцелу из Дома Парящих.

Марцела – это женщина, достойная отдельного абзаца.

Она, одна из десяти королевских Советников, уже шестьдесят лет находится у власти, и никто даже не пытается ее сместить. Наоборот, холят и лелеют. Потому что ценность Марцелы очень велика: у госпожи Парящей дар договариваться с капризным Смаховым лесом и его не менее специфичными обитателями.

Так, обычно крусты «работают» только с волшебными деревьями ошши, но Марцела убедила лешаков, что в экстренных ситуациях надо найти у себя точку сострадания – не то она найдет болевую у них. Крусты, пораскинув трухлявыми мозгами, согласились. Правда, после каждой помощи ведомству они выкатывают нехилый счет. Берут жуками-короедами. То ли из соображений мести, то ли из гурманских – не знаю!

Шептуны, Знахари, Чрезвычайники, Стражи, Смотрящие... Вся Ратушная площадь кипела от бурной деятельности разных госслужащих.

Только Терновый купол Ходящих в центре был темен и недвижим.

* * *

Помогая коллегам, мы провозились до позднего вечера.

Ходящие так и не дали никаких комментариев о случившемся. По поводу монеты и свитка никто даже не перешептывался – кажется, мы с Польшью были единственными, кто видел их, кроме теневиков.

– А что со звонарем? – вспомнила я, пока мы с Внемлющим тихонько шли прочь из центра. – Ты ведь *Прыгнул* в колокольню сразу после взрыва?

– Да. Но там никого не было. Ни кусочка. Из-за пожара я не смог изучить все детально, но, кажется, сегодня Толстяк Бенджи пел, повинаясь заклинанию. А взрывчатка сработала по отложенной маг-формуле.

– Неплохо.

– А то. Вот тебе и тихая некриминальная весна... – самокритично отметил Польшь. – Жаль, конечно, что это не наше дело. Звучит оно до пепла многообещающе!

Мы стояли на горбатом мостике через реку Арген. На воде уже зажигались фонари гондол; ундины, плескаясь, хихикали друг с другом. Проходивший мимо бродяга в болотном плаще на мгновение прижал два пальца к глубокому капюшону – это был один из любимых информаторов Внемлющего, пилигрим Велот из Дома Дерзающих.

Мимо прокатилась самоходная теплица департамента Шептунов – спешила вернуться на станцию с магическим кристаллом-подзарядкой. В ней не было колдунов, только растения – те, что требуют определенного угла наклона солнечных или лунных лучей для роста и именно поэтому катаются по всему городу по заранее заданным маршрутам. Еще одна разработка госпожи Марцелы.

– До завтра, Полынь, – улыбнулась я, но напарник помотал головой, заставив колокольчики дружно звякнуть.

– Я завтра не приду в ведомство, – сказал он. – Меня ждут во дворце. Королева давно настаивала, чтобы я проверил безопасность корпуса, выделенного под празднование дня рождения Лиссая, и после сегодняшнего взрыва я решил удовлетворить ее просьбу.

Полынь с прошлого лета работал на ее величество Аутурни как личный Ходящий. Отдать немного свободы в обмен на сохранение теневых Умений – Внемлющий сам инициировал сделку.

Поначалу это было скорее синекурой, чем реальной должностью: Аутурни вызывала Полынь всего пару раз в месяц, но в последнее время ее птички прилетают к Ловчему все чаще и чаще. То нужно отведать новое блюдо дворцового повара, то сопроводить ее величество на благотворительный вечер, то оценить мощностъ свежеприобретенного талисмана. Хотя иногда случаются и серьезные просьбы.

– А ты ведь придешь на праздник принца в субботу? – поинтересовался Внемлющий.

Я прижала руку к сердцу:

– Ко-неч-но! Бал без меня был бы пустой тратой государственного выходного: должен же кто-то развлекать людей несуразицами и эпичнейшими неловкостями? Причем в этот раз я начала заранее: Лиссай прислал мне приглашение вне официального списка, представляешь? Оно триста первое по счету, а пригласить собирались ровно три сотни гостей. Так вообрази: на днях ко мне приходит господин Дайен, дворцовый церемониймейстер, и лично интересуется, собираюсь ли я явиться. Я говорю «да», и он в этот момент кашляет, а потом переспрашивает, что, дескать, вы сказали? «Нет»? Я снова говорю «да» – кашель в ответ. Так продолжалось некоторое время, после чего из коттеджа выглянул Мелисандр, как всегда грандиозный, и нежно предложил Дайену свой волшебный подзатыльник – самое магическое средство от кашля, как говорят в Саусборне...

Полынь хмыкнул, представив себе это зрелище. На улице быстро, по-ночному холодало, и я спрятала ладони в широкие рукава плаща-лети. Полынь зажег теплый шар заклинания и коснулся им моего плеча, согревая.

– Тогда береги себя на празднике, Тинави, – кивнул напарник. – У Дайена в роду оборотни, мало ли, решит загрызть тебя в каком-нибудь темном углу дворцового острова. А потом скажет: вот наше эксклюзивное жаркое вне официального списка, очень вкусное, я снял пробу.

Мы посмеялись, дали друг другу «пять» на прощание и разошлись в разные стороны. Шепоты серебристых трав, далекие переливы ручьев, соловьиное пение и сонм загадочно-хрустальных созвездий провожали меня до дома.

4. Подарок для Полыни

Ведомственных камераров надлежит выбирать из числа преподавателей кафедры Тайн Магического Мира, шолоховцев по крови.
Устав Башни Магов

– И что же мне с тобой делать, господин новый кабинет? Такой красивый и такой нежеланный? – задумчиво бормотала я следующим утром, стоя на пороге своих владений.

Владения молчали. Надеюсь, не от обиды.

Нужно отметить, что полчаса назад, когда я пришла в ведомство и свернула в нужный коридор, никакого тридцать третьего кабинета там и в помине не было. На мгновение я даже обрадовалась: значит, ключ – всего лишь ошибка и мы продолжаем соседствовать с Полыней, ура!

Но потом вспомнила: некоторые двери открываются только тогда, когда ты готов. А до этого – хоть тысячу раз мимо пройди, не заметишь.

Тогда, стоя посреди коридора, я сняла с шеи золотую цепочку и положила ключ в кулак, а потом громко произнесла:

– Я Тинави из Дома Страждущих, готова вступить в должность Младшей Ловчей.

Ключ-артефакт засветился мягким розовым светом и потащил меня вперед, как магнит. Тотчас в стене рядом с дверью Полыни появилась еще одна, точно такая же – деревянная, сводчатая, с латунной табличкой с моим именем.

И вот я внутри.

Первым делом я подошла к окну. Оно было витражным, с узором в виде птиц, пирующих на цветущих ветках вишни. Я сдвинула щеколду и распахнула створки. Вернее, попыталась: абсолютно такая же вишня, реальная, тоже цветущая, не давала окну открыться, упруго толкая рамы обратно.

– Понятно. Вид на город меня отвлекать не будет, – прокряхтела я, теперь уже пытаюсь закрыть окно.

Этот маневр упрямая вишня тоже не одобрила. Теперь она шарилась ветвями между створок, и мне никак не хватало конечностей, чтобы вытолкнуть все любопытные цветы зараз. Наконец я справилась. Противник сдался. Подоконник остался засыпан бледно-розовым ковром соцветий. Я утерла пот со лба и, обернувшись, снова оглядела кабинет.

Тишина. Только пыль танцует в преломленном луче зеленого света. Там, за стенами, бурлит ведомственная жизнь: шуршат ташени, шелестят бумаги, ноют иноземцы, шипит фонтан...

А здесь лишь я и пробковая доска на стене, возмутительно пустая. Непор-р-рядок! Я решительно взяла ярко-желтую бумажку и наклеила в самый центр. Перехватила поудобнее Перо Правды, пришедшее вчера вместе с саркофагом от Дахху. Так. И что же написать?

Каким будет краеугольный камень моего нового приключения?

Ведь это очень важно – первый шаг. Да, с любой дороги можно свернуть (пусть даже в канаву). Но именно первый шаг задает настроение, которое может стать твоим верным другом или, наоборот, чинить тебе препятствия. Первый шаг – это линза, сквозь которую на тебя будут смотреть окружающие. Поди уговори их потом сменить окуляр... И пусть у меня из зрителей только муха, старательно взламывающая коробку печенья, для меня всегда важно было внутреннее состояние. Знание глубоко внутри: ты все делаешь правильно.

Мне хотелось начать заполнение доски с какой-то особенной бумажки.

«Мы все...» – написала я. И задумалась. Перо «Пиши мной только правду» сильно обзывало. Вот умеет же Дахху выбирать подарки!

И вдруг, избавив меня от философских дилемм, где-то снаружи, в коридоре, раздался дикий грохот, короткий мужской вскрик и тяжелые удары, будто что-то били об стену, снова и снова.

Или кого-то...

Что тоже нередко случается в департаменте.

Отбросив бумажку, я выскочила наружу, и моим глазам тотчас открылось дикое зрелище: каменная скульптура бокки⁶, раньше стоявшая в стенной нише, сошла с пьедестала и теперь пыталась фонарем укокошить господина Варрока Хасилиуса – ведомственного камерара.

Варрок возвел перед собой магический щит, а сбрендивший бокки долбился в него, осыпаясь мраморными крошками. Так их воюющая пара двигалась по коридору.

– Вам помочь?!

– Да. Пожалуйста, – ровно отозвался господин Хасилиус из-за щита.

Если что, камерар – это специальная должность, которая есть при каждом ведомстве. Колдун, занимающий ее, является чем-то средним между завхозом, ремонтником и... душой министерства.

У ведомства может быть только один камерар за раз: вступая в должность, такой чародей приносит клятву – *«я буду сердцем твоим, мой Дом, я буду твоими стопами»*. И тогда камерар начинает *слышать* здание. Только когда он умрет, Башня Магов начнет подготовку нового.

Я подбежала к беснующемуся каменному бокки сзади и, привстав на мысочки, панибратски похлопала его по плечу.

– Хей, дружище! – окликнула я статую и со свистом уклонилась от фонаря, расклевшего воздух, будто булава, когда скульптура яростно развернулась.

Бокки замахнулся повторно, но я уже рванула к лестнице. Тяжелой поступью величественная статуя двинулась за мной.

– Спрячьтесь, – приказал Варрок Хасилиус.

Я нырнула за колонну в начале лестничной шахты, и тотчас мимо меня пронеслось облако зеленого пламени – это камерар швырнул силовой заряд. Бокки, получив его в спину, грузно упал вперед – через порожек и вниз по ступенькам.

К первому этажу докатились только осколки статуи.

– Спасибо за помощь, Тинави из Дома Страждущих, – бесстрастно поблагодарил Хасилиус, спускаясь за обломками.

Он у нас, в принципе, очень спокойный малый. Настолько неправдоподобно уравновешенный, что иногда невольно засомневаешься: а человек ли он вообще? Или там, под буграми мышц, спрятаны хитрые гномьи механизмы – вместо сердца? Так и тянет тыкнуть палочкой и проверить!

Может, бокки тоже взбесился чисто из любознательности?

– А что, собственно, случилось со скульптурой? – Я вприпрыжку поскакала по лестнице за камераром.

Услышав вопрос, Варрок величественно остановился. Он выглядел точь-в-точь как наше ведомство, будь оно мужчиной: кожа цвета парного молока, густые каштановые волосы и борода, глаза, меняющие оттенки, как витражи, бежевая и зеленая одежда. Очень мощный, громадный даже со всеми своими мышцами, но в то же время устремленный ввысь.

– Дело в том, – медленно произнес Хасилиус, – что некоторые статуи в Шолохе умеют оживать.

– Да, я это знаю.

– Откуда?..

⁶ Бокки-с-фонарями – знаменитые лесные духи с оранжевыми фонарями, так называемые егеря старых королей, которые дважды в месяц бродят по ночному Шолоху. Жители города в это время сидят по домам, чтобы не мешать бокки.

Судя по расширившимся глазам Хасилиуса, я только что с успехом приблизила его к такой чудной эмоции, как удивление.

– Мой друг в том году случайно пробудил ферзя в дворцовом лабиринте, – объяснила я. – Причем как-то совершенно по наитию, просто попросив у него помощи. А учитывая, что в Шолохе загадки ходят парами, я догадывалась, что это не единственный случай. Но почему они оживают – понятия не имею.

– Они пробуждаются из-за этого символа. – Варрок наклонился и поднял с пола осколок статуи с вырезанной на нем спиралью. – В нашем ведомстве есть пара статуй с таким знаком, еще одну скульптуру-монаха я видел на дороге у Призрачной Рощи, несколько находил на острове-кургане. Раньше подобные статуи оживали только по *Просьбе*, сказанной с определенной интонацией, – Варрок показал мне, с какой, – но начиная с прошлой осени скульптуры иногда просыпаются сами по себе. Тогда их крайне сложно успокоить.

Я с интересом покрутила в руках осколок бокки.

Спираль была кривоватой, явно нанесенной очень давно, хотя в паре мест ее как будто бы обновляли кинжалом... Взгляд невольно приковывался к ее бороздке, которая сворачивалась все уже и уже, пока не смыкалась в жирную точку в центре.

– А откуда взялся этот символ?

– Кто-то из колдунов нарисовал эту спираль уже давно, не меньше трех столетий назад, – поведал Варрок. – Сильные маги иногда оставляют такие «секреты» в городе, полагая, что однажды они могут им пригодиться. Что касается нынешнего бунтарства скульптур, то, полагая, источник силы, к которому они привязаны, стал мощнее. Это может быть что угодно: река, ветер, кровь определенного человека... – размеренно объяснил Хасилиус. – Едва ли мы узнаем. В Шолохе много секретов, оставшихся со времен его основания, и не все удастся раскрыть. Говорю вам это как бывший Мастер Тайн.

Что правда, то правда.

Я вернула Варроку камень.

– Я полагаю, *Просьбу* может использовать кто угодно?

– Да, – сказал камерар. – Вы тоже можете применять ее, раз она вам известна. Магия *Просьбы* заключена в самих статуях, ваше колдовство здесь не потребуется. Просто знайте меру и не разбрасывайтесь этим умением направо и налево, чтобы оно не попало в дурные руки.

Я горячо поблагодарила Варрока за легенду и собиралась откланяться – пора пойти и сделать что-нибудь, достойное Младшей Ловчей! – но камерар неожиданно призадумался.

– Я не знал, что вас повысили, Тинави. Это хорошо. Поздравляю. Говорят, на новоселье надо что-то дарить, причем сразу, как встретишь счастливого переселенца. Ведь отложенный подарок теряет всякую силу – как и отложенное намерение, как и отложенное желание. Осуществи сразу – или они утонут в реке отвергнутых мыслей, чей песок – сожаление, а течение – время. Легенды мало для подарка. Однако я не был готов увидеть вас сейчас. Так что... – Он похлопал по карманам карамельных шароваров, заглянул в нагрудный кармашек тонкой льняной майки – таким, как Варрок, никогда не бывает жарко – и, ничего не найдя, свел на переносице густые брови.

Потом наклонил голову и замер, будто прислушиваясь к далекому шепоту... Хотя почему будто? Я затаила дыхание, чтобы не мешать сеансу связи ведомства и его сердца, явленного в Варроке Хасилиусе.

– Возможно, у вас есть некое желание, с которым могу помочь я, камерар? – наконец проговорил Хасилиус.

Учитывая, что именно камерары заведуют кабинетами – новыми и старыми, – я не могла удивиться и обрадоваться сильнее.

– Да, Варрок! Есть!

* * *

Сотворив вместе с Варроком Хасилиусом *нечто* и уже заранее предвкушая понедельник, когда можно будет показать *это* Полюни, я отправилась к шефу, надеясь получить какое-нибудь расследование в свой первый день на посту.

Хотя, учитывая, как вольготно бродили по ведомству Ловчие и Ищейки, явно не знающие, чем себя занять, весна действительно была беззаботным временем... Не считая, конечно, вчерашнего взрыва.

Который, конечно, не наш.

Кабинет главы департамента оказался открыт и при этом пуст. В нем не нашлось ни мастера Улиуса, ни Селии. Я прошла мимо амфитеатра, по которому рассаживаются мальки, когда им читают лекции, и устроилась в кресле возле стола шефа, стоящего под огромным круглым окном, что открывается на манер чердачного.

На столе лежали бумаги – много бумаг, придавленных знаменитой кружкой Улиуса. Тяжелая, глиняная, объемом в четыре нормальных!..

Эту кружку мастер так редко выпускает из рук, что по ведомству ходят самые разные слухи: начиная тем, что шеф грешит элем в рабочее время, и заканчивая тем, что он на самом деле упырь, попивающий зелье против гниения. Помнится, я сама поставила пару монет в споре на то, что там все-таки просто чай, как и говорит мастер Чобчек.

Потому что если ты не доверяешь своему начальству, то за каким прахом ты вообще на него работаешь? Уволься. Будь счастлив.

Чем дольше я ждала, тем нестерпимее становилось мое любопытство на тему кружки. В итоге, воровато оглянувшись, я привстала, потянулась к ней и приподняла, чтобы понюхать...

– Чай! – удовлетворенно отметила я. А потом: – Ой!

Потому что верхний листок, освобожденный от гнета, внезапно взмыл в воздух, подхваченный ветерком из окна. Как в дурацких комедиях, я бросилась вперед, чтобы поймать его, но листок увернулся у меня из-под самых пальцев и, шаловливо трепеща уголками, проскользнул под открытую раму.

Наружу. В Шолох.

А там, повинувшись прихотям весеннего ветра, он крутанулся, развернулся и во всю ширь налепился обратно на стекло, будто дразня меня. Или привлекая внимание.

Потому что на листке было написано:

«Полнь из Дома Внемлющих. Приказ об увольнении».

– ЧТО?! – Мой вопль спугнул двух птиц, летящих мимо окна с какой-то огромной веткой – видимо, для будущего гнезда. Одна из них тотчас уронила свой краешек, вторая распахнула клюв, чтобы обругать незадачливую подругу, и потеряла второй.

Недобро зыркнув в мою сторону, птицы угрюмо полетели вниз.

Я же в диком прыжке перемахнула через стол и поднырнула под раму, повторяя путь листка. Тот, издеваясь, пополз от меня вбок, вбок...

– Хочешь, чтобы я убилась? – проворчала я, уже по карнизу шагая за беглецом.

Лишь бы сейчас какой-нибудь безумный шквал ветра не провернул все это окно по оси! А то в переулке Мотылька и Лампы, что прямо подо мной, появится удивительная лепешка.

Наконец я схватила листок. Но не успела перевести дух и двинуться обратно – в азарте погони я уползла от окна на добрых два метра, застряв возле водосточной трубы, – как из кабинета Улиуса послышались голоса... Два человека вошли туда – *нормальным путем, из коридора, а не как ты собираешься, Тинави*, – и теперь продолжали спор, начатый, очевидно, уже давно.

– Улиус, вы говорили, что именно Внемлющий – ваш лучший Ловчий. Не надо теперь предлагать мне замены, я уже обо всем договорился с королем. Экспериментальное подразделение должен возглавить он. Что вы за начальник такой, если не в состоянии уговорить своего сотрудника?

Я с ужасом узнала мягкий баритон мастера Авена Карлиннана.

– Вот сами и попробуйте уговорить его, Авен! – пробасил Улиус. – Как говорится, первый в совете – первый в ответе! Потому что этот самодовольный дурак скорее в крендель свернется, чем даст себя переубедить, если ему что-то втемяшилось в голову!

– А красotka?

– Какая красotka?

– Вчерашняя. Страждущая. Я уверен, что она его уболтает. Госпожа Селия сказала ей, что ее повышение идет «авансом» – так вот пусть как раз отработает.

Так, понятно, теперь путь в кабинет мне точно закрыт.

Распластавшись вдоль стены ведомства, я пыталась одновременно подслушать разговор, не грохнуться и знаками объяснить двум перевозчикам-кентаврам внизу, вдумчиво жующим маки, что не надо окликать меня. И вообще меня нет. Не существует.

«Гал-лю-ци-на-ци-я!» – как сказал бы хранитель Рэндом.

– Ну уж нет, Авен! – взревел меж тем Улиус. – Я не буду просить Ловчую выступать против ее же напарника.

– Почему против-то? – еще понизил голос мастер Авен.

Во время ссоры Улиус распалялся, а он – затихал. Противоположные тактики. Интересно.

– Мы вашему Внемлющему делаем подарок, – вкрадчиво продолжил Авен Карлиннан. – Еще вчера вы сами были в этом уверены. Возможность набрать собственную команду, возможность работать как в столице, так и вне ее, подчиняться напрямую мне без всех этих ваших Селий... Быть острием Иноземного ведомства. Сплошные плюсы и никаких подводных камней, кроме повышенной сложности исследований.

– Последнее для Полыни не минус.

– Вот именно. Как вообще в здравом уме он может отказаться от такого повышения?

– Не знаю, – буркнул Улиус. – Отказался же. Значит, есть причины.

Мастер Авен, судя по звуку, недовольно побарабанил ногтями по столешнице.

– То есть мы с вами и его величеством подписали уже десятки бумаг о том, что, дескать, в Иноземном ведомстве появляется Ловчее спецподразделение под командованием Полыни из Дома Внемлющих, уже собрались уволить его с нынешней должности, чтобы дать такую же, но с припиской «С.П.», выделили бюджет под формирование команды, и... Откладываем это, потому что ваш эксцентричный гений взбрыкнул вместо того, чтобы упасть в счастливый обморок от такого подарка? Получается, так?

– Получается, так, – важно подтвердил мастер Улиус. – А вообще, Авен... Он на то и эксцентричный, что может взять и передумать. Вот увидите: если его не трогать, он сам чудненько разберется с вожжой, которая попала ему под хвост и вынуждает отказываться от шикарного и желанного повышения. Если вмешаемся – будет хуже, он из упрямства нас всех лесом пошлет. Обратно в тенишки уйдет. Вы его лицо вчера видели? Там явно что-то психологическое.

– Вы полагаете, что на самом деле он хочет этого повышения, но не признается себе?

– Конечно. Половина из них, зеленых юнцов, понятия не имеет, какие желания бродят у них в сердцах. Они любовь принимают за аритмию. Но он докопается до истины рано или поздно.

– Рано или поздно... Вы балуете своих сотрудников, Чобчек.

– Я им доверяю. Лучше делать потихоньку, но на века, чем рубить сплеча и выкидывать потом сломанные отношения. Мы же с вами никуда не торопимся, верно?

Придя к взаимопониманию, Улиус и Авен заговорили о других, не менее насущных делах.

Продолжая балансировать на карнизе, я наконец прочитала документ, который стал причиной моего внезапного приключения и теперь одобрительно шелестел у меня в кулаке. Возможно, у листка изначально была добрая цель. Возможно, он хотел, чтобы я услышала эту беседу...

В документе говорилось ровно то же, о чем размышляли глава департамента и глава ведомства.

Об эксперименте, одобренном королем: что, если сформировать специальное Ловчее подразделение с большей автономией, чем принято в нынешней системе? Каких результатов оно может достичь?

Ведь сейчас все мы, получая дело, вынуждены искать для помощи свободных Ищеек, Свидов и Архивариусов, ожидать одобрений Улиуса, бесконечно запрашивать поддержку стражей и Смотрящих, Шептунов и знахарей – в зависимости от расследования... В ходе эксперимента же предполагалось создать команду, у которой сразу будут все инструменты на руках. Точнее, позволить Пылини создать такую команду. Под себя. Как он хочет. Свой маленький и чудесный мир.

От чего он внезапно и яростно отказался...

Но действительно, почему нет?

Пусть мастер Улиус – спасибо ему – не стал вмешивать меня в это дело, теперь у меня самой не было ни шанса забыть о нем.

Кое-как по трубе я сползла с третьего этажа в переулок (кентавры галантно помогли на финальной стадии) и вскоре снова пришла в кабинет мастер Чобчека – за расследованием.

В остальном пятничный день прошел вполне себе в рамках приличий. А завтра был принцев праздник...

5. Принцев праздник

Две категории людей не любят праздники: те, чья жизнь и так праздник, и те, кто поставил крест на возможности чуда.

Эрвин Боу, священнослужитель

Согласно газетному интервью с господином Дайеном, дворцовым церемониймейстером, на прием в честь дня рождения принца было выписано три сотни приглашений.

Для праздника подготовили Полуночный Сад и пару примыкающих дворцовых залов. Прорва слуг денно и ночью готовилась к торжеству, развешивая волшебные фонари, натирая бокалы, реставрируя портреты Дома Ищущих.

Впрочем, заботу о картинах перехватил сам венценосный именинник:

«– Нет! – сказал его высочество Лиссай, негодуя сверкнув изумрудными очами. – Лучшие я! Да не прикоснутся руки смердов к наследию предков моих!»

Эх! Эта «цитата» мгновенно разрушила статью. Теперь под сомнение попадали и безобидные данные, приведенные выше. Правило жизни: всего одна ошибка уничтожает достоверность. А без достоверности рассыпается все. Ведь на ложь никто не хочет тратить время. Ну, из тех, кто еще способен ее замечать.

Мало того, что Лиссай не из тех парней, кто «негодуя сверкает очами» и считает жителей Метелочного квартала «смердами». Так еще и реставрация картин банально не входит в список его интересов, а Лис привык делать только то, что хочет – и никогда ничего другого.

Я свернула газету, только сейчас прочитав название: «Помыслы и домыслы». Что ж, все честно. Газетенка полетела в камин: пригодится, пусть и в неожиданной роли.

– У-ух? – напомнил Марах из угла. Филин со значением подвигал бровями, плавно перетекающими в уши, и перевел пронзительно-оранжевые глаза на часы.

– У-ух-одим уже, пора! – согласилась я, выкарабкиваясь из кровати.

– Ху? – Марах «сдулся», став вдвое меньше обычного.

– Худший вечер в году? Это вряд ли. Хотя... Аристократки, которые три дня не ели перед банкетом, могут с голодухи принять тебя за деликатес: женщины на диете страшно кроважодны. А таких во дворце много. Чем богаче публика, тем чаще дамы голодны – парадокс... – Я задумалась. – Пожалуй, оставляю тебя дома. Сиди, наслаждайся видом на... э-э-э... штору.

Я сочувственно посмотрела на филина. Подошла к окну и, дернув за веревку, раздвинула портьеры. За панорамными окнами тотчас расцвел, как маленькая надежда, уютный Мшистый квартал.

– Так лучше? – спросила я Мараха.

– Уху, – филин вывернул башку на сто восемьдесят градусов – любоваться.

Одеваясь, я подумала, что ни в одной из просмотренных мною газет опять не было ни слова про недавний взрыв на Ратушной площади. В предыдущие два дня об этом тоже не говорили. Только тут и там появились сухие заметки о том, что колокол Толстяк Беджи отдан на реставрацию.

Это информационная тишина сработала: многие горожане не узнали про взрыв. Так, вчера мы ужинали с Кадией и Мелисандром Кесом, и для Мела случившееся стало сюрпризом.

– И о многих терактах у вас тут умалчивают? – поинтересовался саусбериец, с аппетитом уминая спагетти с морепродуктами.

– Только о ненаказанных, – хором ответили мы с Кад.

Как только злодея поймают, о произошедшем обязательно сообщат. А до тех пор будут молчать, чтобы не пугать людей и не поощрять террориста упоминанием его действий.

Ведь игнорирование так унижает.

* * *

Пару часов спустя я сидела на резной скамье в центре садового лабиринта на острове-кургане. Его можжевеловые стены закруглялись мягко и незаметно, создавая головокружительный эффект. Все вокруг заливал янтарный свет заката.

Со стороны дворца доносился смех гостей. Будто пузырьки в игристом вине, взмывали к розовато-медовому небу переливы фольклорных лесных мелодий.

Из-за другой зеленой стены слышалось чертыхание королевских колдунов. Как я поняла по их эмоциональным комментариям, они устанавливали все для полуночного запуска фейерверка.

Надо будет обязательно посмотреть его: салют обещает быть просто грандиозным! Сужу и по строчке в приглашении на праздник, и по трудностям, возникающим сейчас у Мастеров Иллюзий.

Ради Лиссая сегодня стараются максимально, ведь он – первый из шолоховских принцев, которому не повезло стать публичной личностью. По древней традиции дети его величества живут уединенно, народу их не представляют, на встречи с главами других государств не берут. А жизнь старшего принца – наследника – и вовсе окутана непроглядным мраком даже для приближенных. Говорят, безопасности ради.

Но анонимность Лиссая рассыпалась прахом, когда его сначала искали всей страной под некрополем, потом он исчез повторно и наконец вернулся, заявив, что заключил политический союз с драконами.

На самом деле ну какой союз с теми, кто беспробудно спит и чхать хотел на жалкие подрагивания смертных? Но звучит эпохально! И подтверждено фактами: десятки людей увидели Лиссая верхом на драконе. Принц громко объявил, что теперь у нас с ящерами альянс, и дракон его... не сжег. А значит, все пучком, достоверность соблюдена.

Кстати, задним числом выяснилось, что идею про «альянс» придумал Полынь. И даже подготовил заранее. Накануне нашего летнего путешествия куратор шепнул королеве, что у Лиссая, дескать, созрел смелый план насчет драконов. «План принца» был сумбурен: он включал в себя похищение, путешествие на далекий север и другие дикие повороты сюжета.

Навешай Полынь эту лапшу на уши королю – летела бы голова куратора с плеч. Но ее величество Аутурни поверила. Сложно не поверить, когда Полынь строго нашептывает тебе в ухо убийственно серьезные вещи. Аутурни ахала, испуганно надувала губки, но... поддалась обаянию моего напарника.

Королева благословила сына на подвиг. Благо детей у ее величества достаточно – если вдруг что. И Лис среди них самый «неудачный». Младший, рыжий и с головой проблемы: как стукнулся в детстве затылком о камень, так и видит мир «не по-человечески» – не предметами, а потоками энергии унни. Среди прочего Лиссая с ходу распознает чужие чувства, что бывает неприятно – особенно для легкомысленной, самовлюбленной королевы Аутурни.

Но в итоге «план удался» и Лиссая «одержал победу», какую вовсе не ждал. Он был психом, которого держали под домашним арестом. А стал самым популярным человеком королевства.

Что, впрочем, не отменяет того, что он предпочитает коротать свои дни в уединении дворцового острова. Король Сайнор наверняка бы припахал его к политике – недальновидно игнорировать такую репутацию! – но, если помните, письмо бога-хранителя запрещало командовать принцем. Так что Лис делает, что хочет.

А его авторитет растет, как сорняк – хаотично, неудержимо и местами пугающе...

– Хей-хей! – звонкий девичий голос вырвал меня из размышлений.

Из сгустившихся лиловых сумерек выскочила Кадия, которую я и ждала. Как и я, она была одета в тогу из струящейся ткани и широкий плащ-летягу. На ногах – мягкие туфли с чуть загнутыми острыми носами. В украшениях – травяные и цветочные мотивы, на голове – венок.

Согласно приглашениям, всех гостей просили явиться в традиционных нарядах королевства, поэтому любые сложносочиненные платья пришлось оставить дома. Но нам-то не страшно! А вот мужскому населению по той же причине пришлось оставить дома *штаны*...

И, пожалуй, я знаю только одного человека, у которого подобное требование не вызовет никаких эмоций. Привычная маечная хламида Полены, кажется, далеко не всегда требует брюк. Не то чтобы я специально проверяла, но иногда во время погонь он так и светит голыми коленками.

– Надеюсь, ты готова блистать, охмурять, танцевать, а также безрассудно разбивать сердца и бокалы? – Кадия подхватила меня под локоток и бодро потащила во дворец. Она была полна энтузиазма: подруга просто *обожает* праздники, воистину умеет *наслаждаться* ими, превращая кутеж в искусство. – Лично я намерена оторваться на полную катушку!

– Если я оторвусь на полную катушку, моей репутации точно конец, – со смешком прикинула я. – Она и так подмочена в Доме Ищущих с тех пор, как я разрушила их любимый храм.

– И подцепила младшего сына.

– Мы с Лиссаем не...

– Знаю-знаю! Но надо же мне чем-то тебя дразнить?

Мы под руку побрели ко дворцу, болтая о том о сем. Когда нам встретилась пара гвардейцев, стоящих на вытяжку, Кадия встрепенулась:

– Кстати, Тинави! Забыла сказать. Мы с тобой уже настолько близки, что у нас начало кое-что синхронизироваться: я имею в виду успехи в работе. Не поверишь, но у меня впереди замаячила ну *очень* привлекательная перспектива повышения!

Кажется, этой весной все мы быстро растем.

– А что за перспектива? Тебе предлагают стать правой рукой Груби Даби Финна? Начальницей каких-нибудь особенно крутых бородачей?

– Нет. Идея в том, чтобы я ушла из Чрезвычайного департамента и вернулась в стражу. Но уже на позицию заместителя главы департамента.

– Да ладно?! – Я остановилась, удивленно глядя на Мчащуюся.

Она кивнула, подтверждая сказанное.

– Но, Кадия, подожди. А как же гномы-чрезвычайники? Тебе же так нравилось с ними работать...

И впрямь: за прошедшие месяцы Кадия много раз восхищалась тем, насколько значимее, интереснее и душевнее трудиться под началом командора Груби Даби Финна, чем в «унылых отстойниках шолоховской стражи». Каждый день там приносил удовольствие, а не макал в болото тоски и унижения.

Я думала, что подруга счастлива там. Видимо, я ошибалась.

Кадия не сразу ответила на мой вопрос. По лицу Мчащейся скользнула тень сожаления, она тяжело вздохнула.

Но потом упрямо мотнула головой:

– Увы, гномов придется забыть! В их департаменте у меня нет настоящих перспектив, а значит – спасибо за уделенное время и до свидания.

– Звучит как-то жестко.

– А какие могут быть сантименты, когда речь идет о мечте? Это назначение – прямой путь к великому политическому будущему.

– А оно тебе нужно?

– Я запланировала его еще в детстве. И я люблю придерживаться разработанной стратегии. Выбрал – иди до конца! Только тогда успех неизбежен. Поэтому не вздумай сейчас скло-

нять меня к тому, чтобы оставить все как есть, – подруга со значением приподняла брови. – Так ты только внесешь смуту в мой внутренний мир и, не дай небо, заставишь меня передумать подавать на должность. А я хочу идти вперед. И вдохновляться! И радоваться! Со своей лучшей подругой! – она сурово ткнула указательным пальцем в мое плечо.

Чтобы, дескать, ни у кого не оставалось сомнений в том, кто я такая. Приятно, когда в мире у тебя есть как минимум одно четко определенное местечко!

Между тем что-то подсказывало мне, что своими лозунгами Кадия не столько страшила меня, сколько убеждала себя.

Ведь если ты на сто процентов уверен в выбранном решении, никакие чужие доводы не заставят тебя передумать. Ты просто не будешь брать их в расчет, потому что у тебя появится то внутреннее спокойствие, которое может заставить саму вселенную повернуться. И, уж конечно, оно легко отфильтрует страхи других людей – те, что они так рьяно переносят на тебя...

Но если друг просит порадоваться вместе с ним, а ты вместо этого начинаешь промывать ему мозги – ты не друг, а какая-то поганка. Поганок в Смаховом лесу и так до задницы, так что не стоит пополнять их ряды. Успеем еще обсудить все!

В конце концов, от того, что Кадия подаст заявку на повышение, хуже не будет.

Мы нырнули в последнюю арку зеленого лабиринта и буквально вывалились на праздничную площадку.

Вот это да! Хотя я и ожидала сказочного праздника, но та красота, в которую превратили дворцовый сад, все равно заставила мое сердце завертеться на месте – как будто это *оно* пыталось получше все разглядеть.

Площадку заливал мерцающий свет сотен аквариумов с травой осомой. Стекланные шары были вразнобой подвешены на деревьях, переливались на высоких витых стойках из белой кости, плавали на листьях кувшинок в центральном фонтане. Казалось, мириады планет слетелись на праздник. В этом изумрудном свете гости выглядели таинственно и зловеще.

Сильно пахло розами. Выращенные в оранжереях Лесного ведомства, цветы благоухали ароматом скорого лета. Гости сбивались в шепчущиеся кучки, отражающиеся тут и там в расставленных по саду зеркалах, множащих грани смыслов.

Вот ее величество Аутурни благосклонно улыбается в окружении фрейлин и фаворитов – все, как один, темноволосы, синеглазы и бледны, до пепла похожи кое на кого, если его постричь и повыдергивать серьги. Вот господа Советники – главы ведомств – снисходительными кивками отвечают на поползновения желающих подольститься. Вот сам лесной король, Сайнор, напряженно переговаривается с чужеземными послами.

Лиссай пока не пришел.

После нескольких кругов по саду Кадия кивнула мне на каких-то двух дядек:

– Они-то мне и нужны! Моя цель на вечер: охмурить этих шишек из департамента, чтобы, выбирая между несколькими кандидатами на должность, они без сомнений отдали предпочтение мне. Так что с этого момента я по своей программе, ладно?

– Хорошо. Но ты осторожнее, пожалуйста. Без фанатизма, – обеспокоенно попросила я, глядя на то, как Кадия одергивает платье, все увеличивая декольте.

Подруга успокаивающе подняла ладонь – *все в меру!* – и, уходя, шепнула мне:

– Между тем у тебя за спиной уже очередь на танец.

Увы, нет.

На самом деле за спиной у меня нетерпеливо притоптывал ногой церемониймейстер Дайен из Дома Пляшущих, опять желающий проверить мое триста первое приглашение – *ну а вдруг забыла?!*

Когда выяснилось, что ничего подобного, упрямо ношу с собой, зараза эдакая, церемониймейстер раздосадованно вздохнул и поспешил спустить гнев на одного из официантов,

наряженного в стиле лесного духа. (Во всяком случае, именно так я интерпретировала его ободок с рогами. Хотя за ним, в теории, может скрываться личная драма.)

– Я надеюсь, вы, олухи, не забыли специальное меню иллюзий для госпожи Марцеллы?! Она не ест простую еду! Нет, совсем не ест! Нет, ни единой долбаной крошки! Брысь на дворцовую кухню! Живо!

Я же пошла в сторону фуршетного столика, где завела приятный разговор с молодыми аристократами, когда вдруг кто-то мягкой, но цепкой хваткой вытянул меня прочь из кружка.

Это оказался Польша.

– Как же они меня бесят, – уводя меня в сторону, пропел он.

– Кто? – изогнула бровь я. – Мои собеседники? Или лесные комары, решившие, что званый ужин сегодня у них, а главное блюдо – щиколотки колдунов?

...Или шефы, которые подсунили тебе вчера какую-то странную думу, а, Польша?

– Да, твои собеседники, – неожиданно кивнул Внемяющий, заставив меня удивиться. – Кстати, ты замечательно выглядишь. Впрочем, как всегда.

– Спасибо за комплимент! А ты, как всегда, невероятно галантен.

– Я-то? Врешь и не краснеешь, малек.

– У тебя научилась.

Я хотела спросить Польша, чем именно ему все-таки досадила парочка аристократов, но тут началась танцевальная музыка. Мы с напарником стояли прямо в центре площадки.

Переглянулись. Не увидев в моем взгляде возражений, Внемяющий взял меня за руки, и мы начали исполнять старинный лесной *роонгош*. Это красивый парный танец, но с такой, знаете, непередаваемой ноткой фольклорной придури, заключающейся в том, что вы то и дело вдруг подскакиваете, вскрикиваете или хлопаете в ладоши. А потом снова чарующе и близко сходитесь. И опять – скачок! Хлопок! Поворот! У нас шутят, что эти обескураживающие моменты нужны, чтобы партнеры случайно не соблазнились друг другом. Ведь, когда у тебя над ухом раздается громкий вопль, томный взгляд, вызванный предыдущими шагами, пропадает сам собой. Не танец, а эмоциональные качели какие-то!

– Так что не так с моими собеседниками? – полюбопытствовала я.

– Оглянись, когда будет следующее кружение, и посмотри на их рукава. Попробуй разглядеть, есть ли там крохотные нашивки в виде чайников, – проинструктировал Польша.

Сказано – сделано! Нашивки действительно были. Очень милые, надо сказать.

– Они означают, что твои собеседники – члены тайного клуба Коростови, – объяснил напарник. – А это, в свою очередь, элитный клуб сплетников. Они берут за основу реальных людей, с которыми знакомятся на светских мероприятиях, а потом сочиняют вокруг них немыслимые сплетни и небылицы, которые публикуют в частной газете своего клуба. Грубо говоря, превращают шолоховцев в персонажей скандальных историй. Придумывают им тайны, любовные связи, темные дела, находят «доказательства», обмусоливают детали их жизней и переиначивают так, как им интереснее... Королева – вернейшая подписчица. Эти двое не преминули бы вписать тебя в свой список, узнай они о твоих делах чуть больше.

– Кошмар, – содрогнулась я. – А так играть с чужими репутациями – это вообще законно?..

– В общем и целом, да, – Польша цокнул языком. – Это обратная сторона такой замечательной и важной медали, как свобода слова. Глобально они ничего не нарушают. Если человек обнаружит себя в рядах «героев», то он может попробовать подать в суд на клевету в частном порядке. Впрочем, некоторым, говорят, скорее приятно оттого, что они становятся объектом подобных сплетен.

– Бр-р-р, – повторно ужаснулась я, и Польша усмехнулся:

– Значит, не зря я тебя вытянул оттуда? А то в первый момент ты была как будто расстроена.

– Учитывая, что это дало мне повод увидеть, как ты пляшешь, – точно не зря!..

Когда танцы кончились, мастер Дайен залез на приступочку и настойчиво зазвенел в серебряный колокольчик.

– Ужин накрыт. Просим вас занять ваши места! – медоточиво пропел он, такой прилизанный и с такими голыми щиколотками, что мне стало его жаль.

Гости послушно двинулись к столам, которые непрерывной лентой тянулись по саду. Усадить всех гостей за один стол-переросток – значит отдать дань некоей семейственности. Все-таки это позиционировалось как «домашний» праздник, для «своих»...

– Ты где сидишь? – поинтересовался Ловчий.

– Не знаю, так и не успела посмотреть. А ты?

– Среди Ходящих – три теневика у меня с одного бока, три – с другого, так что вечер обещает быть богатым на жаркие споры, – вздохнул Внемлющий.

Я пошла вдоль стола, пытаюсь найти карточку со своим именем. Кадия, вижу, уверенно смяла и швырнула через плечо чужую бумажку, чтобы сесть между нужными ей военными. В теории, я тоже могла сделать так, но...

Не выбрасывать же мне карточку кого-нибудь из теневиков? Или – еще веселее – короля или королевы, между которыми должен сидеть Лис? Уверена: меня не поймут.

Большинство гостей уже расселись, а я все еще искала свое дурацкое место. Это напоминало игру со стульями, которых всегда на один меньше, чем нужно. Мастер Дайен, так и стоя на приступке, по-цыплячьи тянул шею вверх: оценивал, когда уже можно дать приветственное слово его величеству. В блеске его глаз мне привиделась задорная мстительность.

Я снова скользнула взглядом по длинному праздничному столу, украшенному папоротниками и бархатными розами. В декоративных банках присмирили светлячки, им вторили равно-выжидательные лица гостей... Среди которых, кстати, все еще не было Лиссая.

Принц так и не явился.

– Ну, тогда да здравствуют прогульщики! – решила я и деловито выскользнула из сада.

* * *

Ради Лиссая восстановили старую аркаду в восточном секторе дворца. Уходящая под курган, как бы взрезающая его костяным ножом перекрестий, аркада одним концом упиралась в некрополь, другим – выходила на мирный круглый пруд, затянутый ряской. Тоже старательно воссозданный. Вот только вместо Храма Белого огня так и темнели руины. Впрочем, весьма живописные. Возвышенные такие.

Я прошагала до середины аркады. Там, неразличимая в тени, пряталась дверь в покои принца. В нее тихонько билась молоденькая горничная, похожая на голубку:

– Ваше высочество! Вас же ждут!

– Что, не хочет идти на ужин?

Горничная подняла на меня заплаканное лицо и хлопнула носом:

– Не знаю! Он даже не открывает!

– А хотите, я с ним разберусь? – кровожадно предложила я, и горничная, сделав книксен, с радостной готовностью рванула прочь.

Я постучалась:

– Лис, вы тут? Прием-прием!

Ответа с той стороны не последовало. Я еще немного поскреблась так и эдак, а потом повернула против часовой стрелки каменный цветок на своем браслете. С тихим щелчком цветок раскрылся, обнажая скрытую печатку в виде коронованного древа *инграсия*. Я приложила запястье к замку на двери, и он, поколебавшись, щелкнул.

О да, вы все правильно поняли: у меня есть ключи от принцессы спальни. Люди очень по-разному оценивают этот факт, но мой комментарий остается неизменным и немного напыщенным: «Каждому из нас нужен кто-то, кому можно доверить ключ от своей берлоги. Это душевная потребность, не физиологическая».

Когда я зашла, полупустая спальня была погружена в сумрак. Принц Лиссай выделялся в ней, как привидение.

Высокий, хрупкий и зеленоглазый, тревожно-красивый, будто герой старинного гобелена, со встрепанными волосами золотисто-медного цвета и россыпью веснушек на тонком носу. Любитель просторных одежд и предрассветной тишины над островом-курганом, мечтатель, остерегающийся людей, но всегда держащий сердце распахнутым для чудес.

Сейчас Лиссай сидел на полу, лицом к декоративному фонтану в виде коттеджа с водяной мельницей, который тихонько шумел у дальней стены.

Я замерла на пороге.

Этот фонтан принцу подарила хранительница Авена прошлым летом. Лис – единственный из нас, кому довелось не только побывать в царстве Хаоса, причем в плену, но и умереть, а потом возродиться – не без моей, кхм, несанкционированной помощи.

«Это тебе, принц, – сказала Авена, вручая подарок. – Поставь его в своей комнате и постарайся больше не бродить на кромке жизни и смерти, договорились? Во всяком случае, пока я не вернусь узнать, как твои дела. Или пока тайна сама не захочет открыться тебе».

Мы с Лиссаем, предчувствуя чудо, тогда расковыряли этот фонтан чуть ли не до щепок, но не нашли никаких секретов. Сошлись на том, что истинные тайны раскрываются точно в срок – торопить нет смысла.

И вот сегодня, в юбилей Ищущего, фонтан выглядел не так, как прежде...

Что-то происходило.

Над водой, ниспадающей с мельничного колеса, клубился туман. Он перекачивался через бортик, лился на пол кудрявыми потоками и, подползая к принцу, осторожно ощупывал то узкие ступни Лиссая, то острые плечи.

Принц сидел не шевелясь, будто палку проглотив. Самое лучшее, что ты можешь сделать при встрече с незнакомой неагрессивной сущностью, – замереть, дав ей себя обнюхать.

– Тинави? – Лис, не оборачиваясь, пробормотал мое имя. – Добрый вечер. Скажите, вы тоже видите это? Или мне к-кажется?..

– Не кажется. С днем рождения, Лис! – невольно поздравила я.

– Точно. Я и забыл. Спасибо. А у вас есть что-нибудь на случай, если эта вещь окажется неблагоприятной?

Туман уже задумчиво огибал шею принца.

– Есть! – солгала я и деловито сняла туфлю. Не ахти, но хоть что-то: с оружием сегодня во дворец не пускали.

Туман потек и ко мне тоже. Придирчиво принялся, будто вздохнул и вдруг... исчез.

Зато от каменной чаши фонтана послышался такой звук, будто что-то тяжелое ударилось о дно. Мы с Лисом переглянулись и наперегонки рванули вперед.

Миниатюрное мельничное колесо продолжало крутиться, поскрипывая, а под ним, в тумане, пришедшем вместо воды, лежала причудливая дверная ручка. Стеклопанная, многогранная, как будто бы очень старинная.

«Ты знаешь, что делать, принц», – было написано на ней сзади, на металлическом ободке.

Я смотрела на артефакт во все глаза.

Мне вспомнилось, как прошлой осенью, в сентябре, одно Ловчее дело привело меня в шолоховский квартал Новых Богачей, и я, отловив преступника, решила навестить живущего там Анте Давьера. На тот момент идея казалась довольно дурацкой – у нас с Анте не было

принято общаться тет-а-тет, за исключением случаев, когда мир соизволит рушиться, – но я все-таки притащила свою тушку по адресу Набережная Доро, дом 1... Падший хранитель открыл. И пустил. И даже налил мне кофе, после чего мы каким-то непостижимым образом умудрились прочесать языками до глубокой ночи.

Среди прочего Анте рассказал, что у каждого из шести хранителей был свой способ открывать дверь в Святилище – оно же Междумирье: таинственное пространство в виде безмятежной рощи с древней белокаменной беседкой, со всех сторон ограниченное стеной тумана.

Рэндом нырял в свою шляпу. Карл светил волшебным фонарем. Авена разрубала пространство мечом, а сам Анте – когда-то давным-давно – подбрасывал и ловил карманные часы.

– А у кого-нибудь еще, кроме хранителей, есть свои двери в Святилище? – полюбопытствовала я.

– Раньше были у наших учеников. Однако мы уже пару тысяч лет как не брали послушников. Во всяком случае, намеренно, – зевнул Анте.

И вот теперь, чем дольше я смотрела на дверную ручку, тем четче понимала, что кое-кто из богов все же решил завести себе адепта...

Принц явно подумал о том же. Кинув на меня ошалелый взгляд, он вынул артефакт из фонтана. Затем покрутил его в руках, бормоча: «Знаю ли?..» Потом вдруг решительно шагнул к ближайшей стене, потянулся к ней дверной ручкой, и...

В стене появилась идеально подходящее отверстие.

Лис прикусил губу и воткнул ручку в стену. И тотчас от артефакта во все стороны побежал рисунок – будто умелый художник краской набрасывал сначала общие цветовые пятна, а потом добавлял все больше и больше деталей.

Не прошло и минуты, как перед нами в стене высилась круглая деревянная дверь – золотистая, очень приятная на вид, с маленьким окошком на уровне человеческих глаз и с дверной ручкой ровно в полагающемся ей месте.

Казалось, дверь ведет в дом сказочного гнома, живущего под холмом.

– Значит, Авена действительно подарила вам вход в Святилище?.. – неверяще прошептала я.

Некоторые вещи обязательно надо произнести вслух, чтобы они зафиксировались в бытии, заняли полагающееся им место.

– К-кажется, да!

Лисай повернул ручку, потянул на себя – и...

Все получилось.

Мы с принцем невольно подались друг к другу, когда перед нами открылась *Та Сторона*, знакомая нам по прошлому году. За дверью царилa молочно-белая пелена, пахнущая свежескошенной травой, перцем и древесиной. Из глубины доносилось причудливое пение нездешних птиц и шорох листвы огромных, величественных деревьев – тех, чьи кроны теряются в небесах, а кору украшают руны старинных легенд...

Мир. Тишина. Безмятежность.

Святилище.

Всего несколько шагов сквозь туман – и я увижу ее. Одинокую белую беседку, затерянную в таинственной роще между мирами.

И травы склонятся, приветствуя нас с Лиссаем, и невидимый ветер пропоет забытую песню на языке великанов.

Мое сердце будто споткнулось и тотчас забилося вновь – куда быстрее, чем прежде. Опыняющее чувство свободы и силы потянуло меня вперед. Мне казалось, я слышу шепот, зовущий меня в неизвестность: *там – твое истинное место, Тинави. Там, там.*

Все внешнее – пыль...

Я затаила дыхание в предчувствии Святилища – его неизвестных дорог, открытий и опасностей, но вдруг... Кто-то как будто шепнул мне на ухо: *«нет»*. И предвкушение сменилось страхом и отторжением.

– Что так-кое? – удивился Лиссай, когда я быстро шагнула назад от двери в Святилище.

В зеленых глазах принца отражались далекие созвездия, заглянувшие в спальню вместе с неземным колдовством.

– Я не уверена, что мне туда можно. Это все же подарок для вас.

– К-к-конечно, вам можно!.. – Лис посмотрел на меня так шокированно, будто я сказала ему, что не буду дышать, раз день рождения сегодня у него. Из-за волнения он стал заикаться сильнее обычного.

– Меня как будто... отталкивает.

Лиссай задумчиво перевел взгляд с меня на белый туман Междумирья.

Я видела, что принца тянет туда так же сильно, как и меня. Но в Ищущем не возникло этого странного сопротивления, его лицо светилось только спокойной радостью – *наконец-то мое снова со мной, я пришел, я на месте*. Я не сомневалась, что он может просто войти туда – без особых проблем.

Да и я могла, наверное, но... Какой-то червячок неправильности будто крутился внутри. *Нет. Нет.*

Тебе – нет.

– Возможно, Авена все-таки создала этот подарок исключительно для вас, – предположила я, делая еще шаг назад, на всякий случай. Лиссай нахмурился:

– Не очень мило с ее стороны, если так... Ладно. Тогда чуть позже я схожу туда сам и спрошу, что Святилище думает на этот счет, – наконец решил принц и закрыл дверь.

Она тотчас исчезла, и только дверная ручка со звоном упала на пол.

* * *

Мы с Лиссаем мчались по темным коридорам дворца.

Принц нес в руке лампу, взятую из спальни, и отблески пламени взволнованно танцевали на стенах. Тогда как центральная часть дворца утопала в праздничных огнях и музыке, здесь, в восточном крыле, царил покой.

Мне очень нравилась эта сумеречная прохлада. Фонарь высвечивал то призрачные серебристые гобелены на стенах, то плющи, затянувшие окна. Вокруг не было ни души. Лишь изредка мы встречали гвардейцев, которые стояли так неподвижно в тени, что я каждый раз вздрагивала, путая их со скульптурами.

– Я могу предупреждать вас о страже заранее, – увидев это, улыбнулся Лиссай. – Конечно, я не помню, где именно находятся посты, но... – Он заговорщически склонился ко мне: – Как бы дисциплинированны ни были наши гвардейцы, у них есть чувства. А значит, я предвижу их появление.

– Вы очень опасный человек, Лиссай.

– Нет, пока что не очень, – покачал головой он.

Однако я осталась при своем мнении.

Лис всегда знает, какие эмоции испытывает его собеседник. И вообще любой человек в радиусе нескольких метров. Единственное исключение – боги-хранители. И я. То есть те, кого энергия унни⁷ оберегает от любопытных взглядов и чтения мыслей, потому что считает, страшное дело, своими друзьями.

⁷ Всепроницающая энергия унни – то, из чего состоит вселенная и все сущее. Иногда предстает в образе тeneвых бликов – пятен, которые видны на изнанке век после взгляда на солнце. У энергии унни есть что-то вроде разума и чувств; некото-

На ходу принц достал из кармана плаща очки с багровыми стеклами и надел их на нос, сразу скрыв половину лица.

Он всегда носит очки, когда выходит к скоплению людей: иначе, говорит, слишком много потоков магической энергии и остатков заклинаний... Темные стекла резко притупляют пестроту мира.

Впереди замаячили двери, ведущие в сад. Двое гвардейцев по бокам синхронно топнули ногами и пиками ударили об пол:

– С днем рождения, ваше высочество!

Я тотчас вспомнила, что не вручила принцу подарок – как нельзя более уместный с учетом вновь открывшегося Святилища. Остановив Лиссая на пороге, я протянула его высочеству коробку с хрустким бантом.

– Что там? – он зашуршал оберткой.

Я хотела ответить, но тут на меня напали. Совершили, я бы сказала, покушение на убийство. Возмутительное, учитывая, что мы стояли посреди дворца.

А именно: ярко-алая ташени с предсмертным чириканьем на дикой скорости врезалась острым клювом мне в висок. Эдакая злобная птичка-суицидник. Я охнула и покачнулась. Ташени уже валялась на холодном мраморном полу – некоторые магические предметы не выдерживают контакта со мной.

– Вы в порядке? – подхватил меня Лис.

– Более чем! – Я с улыбкой потянулась за запиской.

Потому что я знала этот алый цвет. И еще я знала, что ташени нельзя посылать с другого конца света. Они работают только в Шолохе и уже километрах в ста от него барахлят. Я по диагонали прочитала письмо.

Привет.

– Лиссай, а вы не расстроитесь, если я уже сейчас покину праздник? – ахнула я. – Все равно мы сидим в разных концах стола.

(...Это если мне вообще выделили место, в чем я так и не убедилась.)

Его высочество пообещал сделать все возможное, чтобы одолеть свою потенциальную печаль.

– Я бы и сам сбежал отсюда, если бы только мог, – признался он.

А потом кивнул гвардейцам, и те с напыщенными лицами распахнули створчатые двери. Лиссай согнул правую руку в локте и вышел в сад, наполненный светом свечей и осомы, легко и покровительственно помахивая гостям. Те возликовали, сорвавшись на аплодисменты, и мастер Дайен уже взволнованно звенел в свой колокольчик, призывая всех к порядку: именинник явился.

Я же, подхватив подол платья, мчалась прочь по пустым коридорам дворца. Срочно, срочно!

Новый прогноз погоды от Тинави из Дома Страждущих: ночь будет теплее, чем планировалось.

6. Останови часы

*Ничто не утешает меня так, как возможность опустить
десертную ложку в чужую душу.
Хранитель Рэндом*

Алая записка, полученная мной во дворце, гласила: из путешествия по Лайонассе только что вернулся Дахху.

Путешествовал Дахху за компанию с Анте Давьером, который пытался таким нехитрым образом поправить свое пошатнувшееся материальное положение.

А именно: Анте решил продать свою долю в ряде иноземных предприятий. Сделать это из Шолоха не представлялось возможным, поэтому он вооружился оптимистично большим саквояжем для денег и поехал собирать золото по западным странам. По возвращении господин Давьер планировал открыть новый сезон спектакля под названием «хранитель-отступник анонимно живет в Шолохе жизнью мирного обывателя».

Может, в этот раз у него даже что-то получится... Я в него верю. Пусть и он в себя – не очень. («Когда вижу свое лицо на иконах, так прям хочется себе в глаз дать – до чего поганая рожа», – однажды вырвалось у Анте в пылу несвойственных ему откровений. Но мы оба тотчас изобразили, что это слуховая галлюцинация.)

В общем, зимой он уехал. И Дахху – вместе с ним, потому что друг хотел набрать информации для своей энциклопедии «Доронах». А что может быть лучше для сбора данных, чем путешествие с хранителем? Одну половину фактов берешь из ежедневных приключений, другую клещами тянешь из самого Анте. Что ни говори, а несколькотысячелетний мужик – это прекрасный исторический источник. Главное, его не злить. А то убить может – не впервой, как говорится.

Я мчалась на встречу с Дахху, размахивая письмом, как флагом, и радостно подпрыгивала на ходу. Иногда не поймешь, как по кому-то скучал, пока человек не вернется.

Согласно записке, Смеющийся ждал меня в квартале Старых королей. Или, как говорят шолоховцы, «на Стариках». В конце дворцового острова я притормозила, чтобы перевести дыхание, и с сожалением скользнула взглядом по магботу, пришвартованному у моста.

Магботы появились в столице не так давно. Они представляют собой небольшие деревянные лодки, на носу которых растет цветок люминария. Цветок отличается тремя характеристиками. Во-первых, он светится. Во-вторых, он разумен. И в-третьих – плотояден (о чем мало кто знает, судя по очередям в Лазарете).

Магботы созданы для госслужащих. Их легко арендовать: прыгаешь в лодку, прижимаешь ведомственную татуировку к специальной дощечке и закидываешь в пасть люминарии монетку – золотую «пятнашку», самый ходовой у нас номинал. Люминария с удовлетворенным чавканьем проглатывает золото и внимательно слушает, растопырив усики-тычинки: мол, куда тебе, путник? Ты называешь адрес – и лодочка плывет. Целый час будет тебе повиноваться. Потом замрет как вкопанная, фиг сдвинешь. Оказался посреди реки – твои проблемы. Дальше вплавь! Или клади новую монету в пасть цветка.

В общем, сплошные удобства для верных слуг государства. Завидую! Хотя я и сама «из этих», моя татуировка не работает – магии нет. Так что не светит мне лодочка – во всех смыслах этого слова.

А жаль: ведь район Старики, усеянный каналами, будто создан для перемещения на водном транспорте. Пешком я буду долго по нему бегать, путаясь в мостах и тупиках, которые неожиданно обрываются, заканчиваясь водой. И кентавры там отказываются от заказов: слишком уж муторно, нужный поворот можно сто раз миновать, прежде чем заметишь. И не

развернешься – чересчур узкие проулки. Как-то Патрициус со мной на спине пятился целый квартал, после чего долго ныл: «Радикулит, радикулит...»

Итак, к Дахху я двинула пешком.

Начался дождик. От редких порывов ветра деревья встряхивались, как псы, и осыпали меня крошкой слезинок. На улице было тихо, стыло и холодно. Только под гребнями каменных мостов покачивались гондолы, гулко стучаясь друг о друга.

Мой энтузиазм в таких условиях быстро сдулся. Я пыталась поднять себе настроение: представляла, что я – не я, а персонаж из доброй книжки и страдаю не просто так, а по сюжету. Иллюзия, конечно, но – редкий случай – никому не приносящая зла.

Терпеть ради великой цели всегда проще, чем из-за невозможности что-то поменять.

Но тут мне повезло.

– Тинави из Дома Страждущих? – окликнул меня низкий голос. Знакомый, но так – смутно. Я завертелась на месте, не понимая, откуда идет звук.

– Я под мостом, в магботе, – смиренно объяснил человек.

Я повернулась к реке и увидела Эрвина Боу в жемчужном балахоне – священнослужителя и по совместительству информатора Иноземного ведомства. Раньше он работал в Храме Белого огня, но теперь был вынужден перейти в часовню при Академии.

– Здравствуйте, Эрвин! – удивленно отозвалась я. – А куда вы плывете в такой поздний час?

– В Академию. – Седовласый священник вздохнул: – Скоро к нам приезжает архиепископ Саусберийский, из самого Асерина. Надо, чтобы все было идеально. А у меня служки то алтарь чем-то не тем протрут, то орган так тщательно начистят, что дырки в трубах появляются. Мне тяжело их ругать – они обижаются, хотели же, как лучше. Вот, приплываю по ночам, ликвидирую последствия рьяной службы.

– Вы святой человек, Эрвин!

– Скажите это моему исповеднику, – хмыкнул священник. – Вас подвезти?

– Будет замечательно.

Мы плыли мимо квартала Новых Богачей. Окна местных особняков светились тепло-оранжевым: большинство шолоховцев сегодня будут бодрствовать до полуночи, чтобы посмотреть праздничный фейерверк.

– Кстати, об архиепископе... – Эрвин погладил короткую бороду, – Тинави, могу ли я обсудить с вами одну проблему? Чисто гипотетическую, конечно.

– Легко! Гипотетические проблемы и гипотетические решения – мой конек. Называется невроз. Что такое?

Эрвин пожевал губами, прежде чем скромно проговорить:

– У его высокопреосвященства Ноа де Винтервилля, скажем так, далеко не самый лучший на свете характер. Возможно, самый худший характер, да простят мне боги такие слова. В общем, есть шанс, что кто-нибудь из наших служащих в какой-то момент потеряет накопленную годами мудрость и поддастся греху сквернословия или даже рукоприкладства. Скажите, в этом случае для закона имеет значение, остановим ли мы такое нарушение сразу или позволим греху сначала осуществиться?

– Вы что, подпольно планируете избиение архиепископа?! – подавилась словами я.

– Конечно, нет! – ахнул оскорбленный Эрвин. – Просто поверьте: всякий раз, когда приезжает Ноа, кто-то пытается сломать ему нос. Я начинаю думать, что провидение хочет, чтобы однажды это случилось. Потому и спрашиваю. Гипотетически...

После того как мы обсудили все гипотетические последствия гипотетической драки и я отнюдь не гипотетически посоветовала Эрвину держать своих служек в гипотетической узде – еще не хватало нам международного скандала! – священник парадоксально повеселел.

– Спасибо за консультацию, – поблагодарил Эрвин. – Буду ссылаться на вас в попытках сдержать их ярость. Кстати, вам удобно, если я высажу вас здесь?

Мы уже были на Стариках. Черепичные крыши, узкие фасады, платаны и липы – узнаваемый пейзаж этой части города. Я попрощалась с Эрвином и по крутым скользким ступеням поднялась на набережную канала.

* * *

Дахху я увидела издалека.

Он стоял на мосту Неразгаданной Потери и, перегнувшись через перила, смотрел вниз. То ли на свое отражение, что было бы странно, ибо Дахху – не нарцисс; то ли на редкую кувшинку, о которой можно упомянуть в энциклопедии.

Темно-русые волосы друга вились мягкими кольцами. Полосатый шарф бахромой цеплялся за завитушку кованого моста – но Дахху узнает об этом, только когда попробует уйти, а шарф остановит его жестким удушением. Теплые брюки, кремовая куртка, сумка через плечо, набитая тетрадами и перьями, – все привычное. Вокруг друга рябила голубоватая сфера атмосферного купола – вместо зонта.

Я подбежала к Дахху со спины.

– Хей-хей! – прокричала я ликующе.

Купол мгновенно лопнул. Дахху подпрыгнул, чуть не перевалившись через перила.

– Гурх! – выругался он на шэрхенлинге (ему кажется, что ругаться на чужих языках – это не так грубо, как на своем. Даже не представляю, как он выкручивался в путешествии).

После этого Дахху – лекарь, энциклопедист и добрейший человек всех миров – все-таки обернулся. Темноту канала озарила его робкая улыбка, будто неуверенная в своей правомочности.

Я с места в карьер бросилась в бой:

– Что мне сделать, чтобы ты больше никуда не уезжал? Обновить ассортимент библиотек? Сымитировать чуму в столице? Изобразить убийство Кадии? Небо голубое, Дахху, ты хоть понимаешь, как холодно в Шолохе без тебя?

Он развел руками:

– В зимнем Норшвайне холоднее. Да и Тилирия в феврале не фонтан... Знаешь, это только звучит несерьезно – плюс пять градусов. А на деле у них море и такая влажность, что дубеешь мгновенно. Анте был очень недоволен. Нам пришлось провести там две недели, пока он разбирался с деньгами, и под конец я уже жалел, что составил ему компанию – так замерз...

– То есть ты скучал не по нам, а по погоде. Классно, – цокнула языком я.

Дахху покачал головой:

– Про вас я вообще молчу... По-настоящему важные вещи не говорят вслух.

Я удовлетворенно кивнула. Так-то лучше! А то – мерз он, видишь ли.

Друг окинул взглядом высокое черное небо, подтекающее дождем, мое шелковое платье, подумал и вытащил из сумки обычный зонтик. Мгновение спустя мы уже вместе стояли, опершись о перила моста. Усилившийся дождь тихо барабанил по прозрачному зонту, рассчитанному на троих.

Вид на канал открывался короткий, но восхитительный. Золотые слитки света – дар фонарей – тяжело качались в темной воде. По обеим сторонам мозаичной набережной густо росли сливы – такие же безалаберно ранние, как вишня под моим ведомственным окном. Розовое облако лепестков укутало все сказочной дымкой, будто слегка светящейся в ночи. На душе было тепло и грустно одновременно – вечная магия весеннего дождя.

Дахху протянул:

– На самом деле мы можем куда-нибудь перейти.

– А Кадию мы не ждем? – я удивилась.

Друг опустил глаза. На мост порывом ветра швырнуло горсть сливового цвета. Дахху подобрал один цветок с витых перил моста и, понюхав его, рассеянно покрутил между пальцами.

– Знаешь, в чем главная прелесть путешествий? – спросил он, бросая цветок в воду.

Любого другого я бы мигом оборвала: «Слышь ты, от темы не увиливай!», но Дахху всегда заходит издалека. Не потому, что хитрый, а потому, что по-другому не умеет. У этого парня в голове такая каша из чувств, надежд, сожалений, планов и воспоминаний, что даже мне не снилось. Ухватить нужную ниточку – уже подвиг. И неважно, что придется размотать весь клубок. Тише едешь – дальше будешь, как говорит мастер Улиус.

Дахху улыбнулся. Вокруг его фисташковых глаз с опущенными внешними уголками побежала рунопись морщинок, неожиданно густая для молодого человека.

– В путешествиях ты получаешь новую жизнь взамен старой, – сказал друг. – Я думаю, мы принадлежим нашим городам не меньше, чем они – нам. А то и больше. Уезжая надолго, ты оставляешь после себя брешь. Какое-то время город держит за тобою место, но потом... потом заполняет его чем-то еще, и ты становишься чужаком. Вернувшись, ты все видишь по-другому – не только из-за приобретенного опыта, но из-за того, что ты – больше не часть этой мозаики. Ты обладаешь уникальной возможностью быть внутри и вовне одновременно – прерогатива призрака, туриста... Но это состояние очень недолгое. Ты понимаешь, о чем я? – вдруг забеспокоился Дахху.

Я кивнула:

– Еще бы! Когда ты возвращаешься, те, кто тебя помнит, будь то люди или улицы, сразу бегут к мирозданию ябедничать: «Он снова тут! Эй, освобождай местечко!» И оно, поворачиваясь, соглашается. И лепит тебя на прежнее место, протирает тряпочкой, приговаривает: «Ишь, каких себе оттенков приобрел, а ну, верни нормальный цвет, гаденыш!» И все. Ты опять свой. Дело пары дней, а то и меньше. Но при чем здесь Кадия?

Дахху пожал плечами:

– Кадия – первая бегущая из твоего примера. Из лучших чувств она так потрясет мироздание, что оно впишет меня в Шолох без очереди. Рядом с ней я сразу стану Дахху из Дома Смеющихся – со всем причитающимся мне грузом прошлого, настоящего и будущего. Кадия быстро укажет мое потерянное место. А мне хотелось бы еще немного побыть загадочным незнакомцем, прости столь пошлое определение.

– И как столица незнакомцу? По вкусу? – с улыбкой откликнулась я.

– Самый красивый город на свете – теперь я знаю наверняка. Оказывается, куда приятнее жить здесь, когда у тебя были варианты, – и ты все равно выбрал Шолох. Раньше мне не доставало этого чувства, хотя я даже не догадывался о потребности в нем.

– Здорово. А что насчет Анте? Ты пишешь, он еще не вернулся – почему?

– Сложно сказать. Он вдруг решил, что ему надо срочно разобраться с одним делом, и уехал из Тилирии в Восточный Хейлонд.

– К вампирам? Это с какой радости?

– Да вот не знаю... Анте не стал вдаваться в подробности. Темнит, как обычно, – Дахху развел руками. Потом улыбнулся: – Ну или я задал ему слишком много вопросов по «Доронаху» и Анте сбежал, чтоб в кои-то веки помолчать!

Часы во всем городе начали отбивать полночь. Как всегда – вступали поочередно, неспешно, то тут, то там присоединяясь к золотому говору времен. Общему хору существенно не хватало весомого «бом-м-м» от Толстяка Бенджи...

Я подпрыгнула:

– Стоп! Дворец! Дахху, где дворец?!

– Что? – обалдел друг.

– С какой стороны от нас дворец?! – Я завертелась на мосту юлой. – Я совсем запуталась в этих праховых каналах!

– Там, – Дахху пальцем указал куда-то вбок. Друг на Стариках ориентировался превосходно.

И тотчас, как по приказу, над зеленой даже ночью шапкой леса взорвались фейерверки. Один, другой и третий, пятый и двадцатый – расцвели Лес до самого моря. В окошках домов вокруг замаячили силуэты горожан.

– Государственный бюджет горит... – вздохнул Дахху.

– С днем рождения, Лиссай! – заорала я прямо в небо, прижав ладони рупором ко рту.

Фейерверки взрывались, и никакая морось была им нипочем. Последняя батарея заполнила небо всполохами огненных цифр... Вернее, всего одной цифры: огромная «пятерка» зашипела, засвистела над столицей, сложившись из тысяч маленьких огней.

Ярко-красная, будто кровь. Что-то было в этой «пятерке» такое, что мурашки стайкой пробежали по моей спине. Повисев над городом несколько долгих секунд, цифра осыпалась градом искорок, и все стихло.

Я тряхнула головой, избавляясь от неуместного ощущения ужаса. Странно...

– Откуда вообще тут пятерка?

– А сколько лет принцу? Может, была еще одна цифра, но не взорвалась? – Дахху тоже было как-то неудобно.

– Лис наш ровесник, так что все равно не подходит по возрасту.

Мы переглянулись.

– Ну, никто не застрахован от ошибок, да? – сказал Дахху, когда мы пришли к молчаливому соглашению: не строить теории заговора на пустом месте.

– Никто, – поддержала я. – Ох, чувствую, откроют завтра мастеру Дайену голову за недосмотр!

Повея носом, я вдохнула горьковатый запах взрывательных порошков, разлившийся над столицей.

– Итак, салют мы посмотрели, философские дебаты открыли, – сказала я. – Что теперь, господин чужак? Чем хочешь заняться в свой первый неавторизированный вечер в столице?

Дахху робко улыбнулся:

– Пойдем и сделаем то, что можем сделать только без Кадии?

– А я боялась – ты не предложишь!

* * *

Три часа ночи мы встретили на могиле родителей Дахху.

Да, Кадия никогда сюда не приходила – слишком грустно. И, будем честны, немного странно. Ведь Дахху не знал ни отца, ни мать. Они погибли слишком рано. Конечно, бабушка, госпожа Эльша, много рассказывала о них внуку, но... Это были будто истории о чужих людях. Дахху не мог скорбеть о них по-настоящему – и страшно винил себя в этой «черствости».

– Я должен их любить. Почему я не могу? Что со мной не так? – спрашивал он когда-то. Я неизменно качала головой: я не знала.

Потом Дахху перестал спрашивать об этом меня. Себя – вряд ли.

Мы несколько раз в год приходили в Призрачную Рощу. Это было скорее похоже на чья-говскую медитацию, нежели на *правильный* визит на кладбище. Но мне хотелось думать, что родителям Дахху все равно приятны гости.

Ведь энергия унни, из которой мы все состоим, никуда не девается после смерти. Она перетекает, меняет форму, живет иначе. И наверняка ей радостно от того, что кто-то помнит

и *это* ее воплощение – двух путешественников-Смеющихся, убитых бешеным волкодлаком. Пусть даже помнит так смутно и стыдливо, как Дахху.

Призрачная Роща располагалась на макушке невысокого лесного холма. В низине под ним плескалось море тумана, перемежаемого болотными огоньками. Наверху туман редел, и при свете щербатой луны можно было охватить взглядом все кладбище.

Тут были заброшенная часовня с запертой железной дверью, увитая виноградом; надгробные камни и склепы, покрытые мхом; серебристые деревья; домик смотрителя и, конечно, привидения.

За годы наших посещений мы уже узнали, кого из них как зовут, – подсказал кладбищенский смотритель. С нами призраки не контактировали, предпочитая держаться поодаль: прятались за соснами и осторожно выглядывали из-за надгробий. Ближе всех к нам решался подплывать призрак по имени Стерва Бетти: на вид – десятилетняя девочка. Ее окружала гнетущая аура боли и горькой обиды... Бетти появилась на кладбище прошлой осенью.

– Что с ней такого случилось при жизни, что в столь юном возрасте ее называли Стервой? – поинтересовалась я как-то у смотрителя.

– Она сирота была, приютская. Мало ли, – тот с чувством поскреб в затылке. – Хочешь – спроси.

Но каждый раз, стоило мне посмотреть на девочку, ее зеленоватый силуэт мгновенно растворялся в ночи.

Бетти отказывалась общаться.

– Я хотел бы посоветоваться с тобой, – вдруг сказал Дахху, выдергивая меня из сонного ничегонеделанья.

Друг сидел перед сдвоенным надгробным камнем:

Ли́ра из Дома Смеющихся

Айре́ф из Дома Смеющихся

И стихотворение:

*Останови часы и погаси огонь,
Переверни портрет и двери в дом закрой.
Нас нет нигде. На севере, на юге, западе, востоке —
Нас нет. Но ты живешь. И эти строки
Пусть силу придадут пройти путь до конца.
Живи сейчас. Люби. Не прячь лица.*

Я устроилась напротив: на ступеньке, ведущей к старинному склепу. Я никогда не подхожу к могиле Лиры и Айрефа вплотную. Не думаю, что это вежливо: влезать на фон их общения с сыном. Это как портить изображение имаграфа, неожиданно вбегая в комнату в момент хлопка.

– О чем посоветоваться? – спросила я.

– В поездке мы познакомились с одними мигрантами, которые занимаются караванной торговлей. Анте рассказал им о том, что я пишу энциклопедию, показал «Доронах», и им так понравилось, что они предложили мне написать биографию Марцеллы из Дома Парящих – их родственницы. На заказ, как подарок. Я был так польщен, что сразу согласился.

– Ух ты! Здорово! Это наверняка поможет тебе в дальнейшем добиться популярности для «Доронах». Ты уже будешь не абы кем, а, прах побери, крутым биографом знаменитой главы Лесного ведомства!

Но Дахху, вместо того чтобы радоваться вместе со мной, внезапно скис.

– То есть ты полагаешь, надо действительно взяться? – Он рассеянно комкал в руках бахромку шарфа. – Я думаю: может, лучше отказаться, пока у них есть время найти другого писателя?

Я нахмурилась, пряча ладони в рукава тонкой бежевой летяги: моя любимая, бирюзовая, была слишком неформальной для праздника во дворце.

– А в чем проблема, Дахху?

– Если я скажу тебе, ты не будешь смеяться надо мной?

– Конечно, нет. Смех должен быть лекарством, а не оружием. Нельзя смеяться над чужой болью. Только над своей – и лишь после того, как оплачешь ее как следует.

Дахху повернулся ко мне лицом, не поднимаясь. Туман петлял вокруг него, как белесые змеи вечности. Между мной и Смеющимся переливался красно-золотыми всполохами горячий шар: друг наколдовал его, чтобы мы не мерзли.

Дахху зажал руки между коленями.

– Тогда следует начать вот с чего. Я решил: я не буду рассказывать в «Доронах» настоящую историю богов и срединников. Если ты помнишь, когда-то я планировал, что «Доронах» станет невероятным открытием, культовым исследованием... Но в процессе работы я стал сомневаться: хочу ли я так все баламутить? Более того, в поездке Анте пару раз спрашивал меня об этом. Без какого-либо давления! – поспешил уточнить Смеющийся, увидев, как я подозрительно сощурилась. – Он просто мимоходом интересовался, что я вставлю в такой-то раздел... И в такой-то. И когда я спросил его в лоб: «Анте, скажи честно: именно *ты* готов к тому, чтобы мир узнал твою историю?», он помолчал, а потом качнул головой: «Нет. Именно я, если хочешь знать, ни черта не готов». «Тогда я не буду писать о ней». И он выдохнул. Едва слышно, но выдохнул, Тинави.

Я почему-то очень хорошо представляла себе этот выдох. Незаметный, пытающийся спрятаться, как легкое дрожание секундной стрелки перед тем, как шагнуть на следующее деление. Колебание. Неуверенность. Злость на себя. *Ведь таким, как я, нельзя быть слабыми. Нельзя чувствовать.*

– И знаешь, я как-то вдруг понял, что спокойствие моих близких для меня важнее славы и желания раскрыть всем какую-то условную истину, – продолжил Дахху. – Я принял это решение легко и спокойно. Но вот заказ на биографию Марцелы – это как будто вторая уступка правде подряд... И это меня смущает.

Я пододвинулась поближе к костру:

– Подожди, а почему биография – это «уступка правде»? Или от тебя хотят исключительно оду, полную щенячьего визга?

– Нет, все нормально: они попросили сделать академическое исследование, без каких-либо оценок. Но я не понимаю, зачем мне заниматься этим. В чем смысл?

Я непонимающе нахмурилась:

– Хм. Для Марцелы это – подарок. А для тебя... Если честно, мне всегда казалось, что ты просто любишь научную работу. Сам процесс. Разве нет?

– Да вот, кажется, не совсем, – друг прикусил губу. – Я недавно осознал, что занимаюсь исследованиями не потому, что мне интересны загадки и их решения, а потому, что я хочу сделать мир более комфортным для других людей. Я думаю, это мой смысл, направление, в котором мне надо двигаться. Я поэтому в Лазарет пошел, понимаешь? Я же мог тогда выбрать любое второе высшее – после нашего магистра Орлина меня бы куда угодно взяли, – но цельность тоже отвечало этому внутреннему желанию... Хотя тогда я не мог сформулировать, на фиг меня потянуло накладывать швы и менять повязки на чужих пролежнях. Вы с Кадией всегда считали, что я – ученый, мне бы только раскапывать информацию. Но в том-то и дело, что нет!.. Мне не нужны исследования для исследований, для – как бы это сказать – система-

тизации мира. Я хочу помогать людям через свою работу. Я хочу служить им, чтобы им было комфортнее и безопаснее. Суть в этом. И именно поэтому биография Марцеллы как бы... мимо.

Дахху внезапно смутился и отвел глаза.

– Глупо звучит, да? – поморщился он. – Теперь ты понимаешь, почему я боялся, что ты засмеешься. Кажется, слова «служить», «миссия» и «смысл» вообще не предназначены для серьезных разговоров. Только как штамп.

– Они затерты, это правда, – задумчиво пробормотала я. – Но их популярность не отменяет того, что за ними стоит нечто действительно важное.

Надо же.

С одной стороны, для меня стало новостью то, что «Доронах» важен для Дахху не в качестве объекта приложения его исследовательского интереса. С другой стороны, подсознательно я как будто всегда знала то, о чем сейчас сказал друг, – ту историю с помощью людям.

Это всегда такое странное ощущение: когда что-то очевидное и элементарное, прежде ускользавшее от сознания, вдруг пробирает тебя до костей, и ты уже просто не можешь не видеть этого, хотя еще пять минут назад был поразительно слеп и уверен в своей слепоте.

Озарение. Вспышка. Ясность.

Я сложила руки на груди и откинулась назад, спиной упершись в шершавые камни склепа. Сзади что-то заскрежетало. Изумленно обернувшись, я поняла, что случайно привела в действие потайной механизм – дверь в усыпальницу открылась. М-да... Сейчас бы сюда Мелисандра Кеса – авантюриста нашего дорогого, – и уже через полчаса на траве под луной блестя бы награбленные ценности, изъятые, ибо: «А что им там пылиться-то, Ти? Мертвым не пригодятся».

Но на кладбище Призрачной Рощи сидели носатик Дахху и дайте-мне-поспать-Тинави. И, следовательно, ни в какой склеп мы не полезли, бурным подземным приключениям предпочтя философское «Доколе?!».

Подождав немного нерасторопных приключенцев, склеп с удивленным скрипом закрылся. К таким героям его не готовили.

– Так что скажешь? – спросил друг.

Я развела руками:

– Если ты хочешь знать мое мнение, я действительно считаю, что тебе стоит написать биографию Марцеллы. Во-первых, ты уже согласился, и не очень-то симпатично идти на попятный без веской причины. Во-вторых, откуда ты знаешь, кому сможет помочь это исследование?.. А в общем и целом оно сочетается с твоими интересами, как мне кажется.

– Хорошо, – друг серьезно кивнул. – Согласен. Я напишу ее.

Потом поднялся, раскрыл сумку и, порывшись в ней, протянул мне стопку бумаг:

– Тогда ты могла бы найти эту информацию в вашем Архиве?

Я лишь удивленно подняла брови.

Дахху объяснил:

– Госпожа Марцела провела юность в Иджикаяне. Документы хранятся в Иноземном ведомстве, и у меня нет допуска. Поможешь?

– То есть на самом деле ты, гад такой, уже понял, что берешься за биографию, когда обратился ко мне за советом.

– Конечно, нет! Но предварительное исследование обязательно еще до принятия решения. Потому что как иначе это решение принимать?

– Наобум, дорогой, наобум. С помощью интуиции, печенки, селезенки, сердца, попы, шестого чувства и что еще там у кого гипертрофировано. Именно так и живут нормальные люди, – буркнула я, забирая документы.

Пора было уходить с кладбища. Дахху на прощанье коснулся рукой надгробного камня, что-то тихо шепнул ему.

Мы медленно пошли вниз по склону, погружаясь в туман. Крохотные точки болотных огоньков метались перед нами, разбуженные и перепуганные. В руке у Дахху болталась керосинка – живой оранжевый огонь в глубоком море мартовского мрака.

Когда мы спустились в овраг под холмом и уже собирались свернуть к дороге до центра – деревянный указатель едва просматривался сквозь туман, – я дернула друга за рукав:

– Что это? Вон там, видишь?

Вдалеке, между черными силуэтами сосен, багровело большое пятно.

– Не знаю.

– Подойдем поближе? Я все чувствую неловкость перед тем склепом. Хоть тут поведем себя порядочно по отношению к тайне.

– Ну... давай, – неохотно протянул Дахху и, покрепче взяв меня под локоть (конечно же, чтобы я не боялась), пошлепал по влажной траве к пятну.

Крадучись мы пробрались меж сосен. Вблизи стало видно – костер. Вокруг него плясали люди, человек пятнадцать. Вернее, не только люди, но и гномы, эльфы, даже один тролль... Плясали они так, что были похожи скорее на животных – кривые, поломанные фигуры, рваными тенями отражающиеся на земле. Да еще и голые.

Ритуал проходил в полной тишине.

– Гадость какая, – скорчился Дахху.

– И не холодно им! – подивилась я.

– Кто это такие?

– Культисты Жаркого Пламени. Странные, но, говорят, безобидные ребятки. Новое модное веяние на ниве религии.

– Ужас, – Дахху покачал головой. – А насколько модное? В «Доронах» включать?

– Обязательно. Можешь даже поучаствовать – тебе не впервой всякие сомнительные пляски. Только изображаешь недотрогу, а сам-то...

Дахху ткнул меня локтем в бок. Я засмеялась, сразу оборвав себя – не стоит шугать культистов! Они ж, того, друзей так ищут. Благая цель. А я наплюю им комплексов, всю малину попорчу...

Мы тихонько отвернулись и побрели прочь сквозь ночной Смаховый лес. Беззвучная пляска продолжалась у нас за спинами, дикая в своей серьезности.

Над головами крутились огоньки, напоминая шутихи полуночного фейерверка. И все же... Ну неоткуда там было взяться цифре «пять»! Странно это.

7. «Жухлые яблочки»

Хороший день убийством не испортишь!
Мастер Улиус Чобчек

В понедельник я отправилась в Иноземное ведомство затемно, еще до зари. То, что я планировала, было достаточно громкой штукой, и чем меньше людей вздрогнет и поперхнется, став свидетелями сего действия, тем лучше.

В главном холле, уютно свернувшись на беломраморной скамье, выющейся вокруг фонтана, дремал Гамор – один из двух близнецов-Ловчих с моего потока. Невысокий, кудлатый и чернявый, Гами накрылся собственным плащом и издали напоминал могильный холмик. Он был дежурным сегодня, и лучше бы к рассвету ему пробудиться, чтобы не получить по голове за сон на рабочем месте. Так что я с чистой совестью разбудила его и попросила о помощи.

– Неплохо, ох неплохо-о-охо! – сонно, но воодушевленно бубнил Гами, ползущий за мной на второй этаж чуть ли не в обнимку с лестничными перилами. – Всегда мечтал тут что-нибудь расколошматить. А камерар действительно дал тебе разрешение? А шеф нас не грохнет за такое? А можешь не рассказывать Полюни, что я помогал? Вдруг ему все-таки не понравится твоя идея! А меня он терпеть не может с тех пор, как я случайно запер его в подвальной камере, обитой антимагическими металлами... Ну подумаешь, забыл! Всего-то на два дня! А он до сих пор помнит.

Я не стала говорить, что это помнит не только Полюнь, но и вообще все ведомство. Особенно свежи воспоминания у тюремного ключника – его чуть не пришибло железной звукопроницаемой дверью, которую Полюнь все-таки выломал после двух суток заключения.

Мы зашли в мой новенький кабинет. Он был столь же пустым, как в пятницу. Детективная доска с желтой бумажкой «Мы все...», деревце в кадке, стол, замшевое кресло и задвинутый под них саркофаг – вот и вся уютная обстановка.

Саркофаг весьма впечатлил Гамора. Узнав, что тот настоящий, коллега проснулся окончательно и с интересом полез под крышку – мумия встретила гостя безмятежным молчанием древних глазниц. Потом мы все втроем задумчиво усталились на западную стену кабинета.

– Ну, поехали! – Гамор начал выплетать заклятье Периголлы.

Он поочередно сгибал и разгибал фаланги пальцев, разворачивал ладони, интенсивно крутил головой – со стороны казалось, будто в него вселился демон. Между руками Гами нарисовалось темно-серое облачко. Оно пухло и набирало плотность, а потом, по резкому выкрику «Дра!» – метнулось в схему, нарисованную на стене.

БА-БАХ!

Поток энергии спиралью пронесся по кабинету, растрепав мне волосы, обернув широкие штанины вокруг лодыжек, раздув бинты мумии в саркофаге. Кабинет вздрогнул, а вишня за окном недовольно застучала по стеклу.

Когда пыль немного осела, оказалось, что в стене у нас появилась не предполагавшаяся шикарная арка, а... дыра. Кривенькая такая, душевная и весьма узкая. Я пролезу, а вот мастер Улиус – вряд ли.

– Ой! – смущенно квакнул Гамор, покраснев до самых ушей. – А почему у меня так плохо получилось-то?

Искренность, с которой был задан этот вопрос, вызвала сочувствие. Я поспешила заверить Гами, что он молодчина, а потом предположила:

– Наверное, ты набрал недостаточно энергии? Хотя нет: взрыв был мощным. Может, часть унии вылилась куда-то еще?

– Ищем вторую дыру, да? – кисло предположил Гами.

Мы заозирались, пытаюсь сквозь пыльную взвесь разглядеть, что происходит вокруг, как вдруг...

– Тинави! – очень знакомо и патетически воззвали с той стороны.

Гамор позеленел:

– Ты не предупредила, что он будет здесь!

Я хотела ответить, что и сама не знала, но приятеля уже и след простыл: только в щель между хлопнувшей дверью и косяком попал атласный краешек плаща, мгновение спустя с треском вырванный на коридорную волю.

– Малек!!! – воззвали вновь, построже.

Упс.

– Привет, Полынь! Ты во сколько вообще на работу пришел?! – сглотнула я, пробираясь сквозь дыру в родной тридцать второй кабинет. И обескураженно продолжила: – А, так ты и не уходил...

Многоуважаемый господин Полынь из Дома Внемлющих, лучший детектив королевства и опаснейший агент контрразведки, сидел, нахохлившись, поджав острые коленки и натянув одеяло аж до подбородка, на шаткой раскладушке в углу.

Судя по всклокоченным волосам, ошалевшим глазам и отпечатку подушки на щеке, спал он тут. Сладко и крепко. Но недолго.

Наши взгляды скрестились, и Полынь негодуя подтянул одеяло еще чуть выше.

– Ну и зачем ты учинила бардак в моем кабинете? – напарник скорбной дланью указал на пыльную крошку под моими ногами.

В ответ на это моя длань, не менее скорбная, поочередно обвела высокие стопки старых газет на полу; горы неразобранных улик; остатки сэндвича на столе; два стеллажа, стоящих странным полубоком, и другие свидетельства того, что беспорядок тут был и раньше. Впрочем, родной такой беспорядок. Уютно-домашняя детективная помойка, которая однажды непременно доберется до потолка, – и все в ведомстве уже делают ставки, когда же это случится.

Полынь высоко задрал подбородок:

– Это, вообще-то, не бардак. Это порядок, просто высокоорганизованный.

– Прости, – вздохнула я.

Ловчий зевнул. Сонное аристократичное негодование на его лице сменилось привычным раздолбайским прищуром – обманчивой штукой, заставляющей тебя думать, что Полынь – безобидный богатый эксцентрик из кварталов, где любят курить бамбук.

– Я так понимаю, это и есть твой способ «интересно» разобраться с отдельными кабинетами? – Внемлющий приподнял бровь на идеально выверенный сантиметр.

– Ну ведь ты сам сказал «удиви меня»!

– М-да. Мне надо выбирать выражения.

– А мне надо заклеить дыру?..

– Боги-хранители, нет, конечно. Она великолепна. Тем более сквозь нее уже что-то ползет.

– Что?.. – Я изумленно обернулась: – Мумия!!! Небо голубое... как?!

«Впрочем, – сообразила я мгновение спустя, – теперь понятно, куда ушла недостающая часть унни».

Такое бывает: внутри древних мумий теплится остаточная энергия погребальных ритуалов, которую можно целенаправленно пробудить, и тогда мумия оживет. Она будет глуповата и безобидна: начнет топтаться на месте, постанывать и делать еще что-нибудь эдакое безмятежное.

Однако глаза нашей мумии разгорелись ярко-красным. Она целенаправленно и быстро направилась к Полыни.

– Напомни, откуда это? – подобрался Ловчий.

– С блошиного рынка. Происхождение неизвестно. – Я вооружилась увесистой книгой, с опаской следя за гостей. – Но, судя по живости, она была чуть ли не архимагом.

– Оч-ч-чень интересно, – опешил Польш, когда мумия, ничтоже сумняшеся, легла к нему под бочок.

Продолжения не последовало. Тогда Внемлющий перепрыгнул через неожиданную соседку и босиком пошлепал к подоконнику, позвякивая десятками амулетов, которые не потрудился снять на ночь. Под моим завистливым взглядом куратор распахнул окно – здесь-то не было праховой вишни!

В кабинете тотчас повеяло чуть загадочным предрассветным ветерком. Донесся запах речных водорослей, сахара и масла из пекарен, свежескошенных дворцовых газонов.

– Давай я принесу тебе завтрак в извинение за прерванный сон? – покаянно предложила я. – Или просто исчезну, спи дальше.

– С мумией в обнимку, ага, – проворчал Польш, покосившись на незваную гостью. – Все хорошо, Тинави. Я рад проснуться пораньше: я пришел сюда вчера, чтобы в тишине поработать над шифром, – а то в поместье Внемлющих, как всегда, полный дурдом, – и в итоге уснул, ничего не добившись.

– Ты имеешь в виду шифр из свитка на Ратушной площади?

– Именно. – Польш взял с подоконника и бросил мне свой блокнот, исписанный от корки до корки.

Я плюхнулась в кресло и задумчиво полистала страницы дневника. Дотошный Внемлющий попробовал расшифровать загадочную надпись с помощью множества кодов по очереди. Штук сто перебрал за ночь. Но ни один не подошел, получалась какая-то белиберда.

Странно.

Раз уж неведомый колдун оставляет на месте преступления записку и монету, то логично, что он *хочет*, чтобы его послание разгадали. Иначе эта эскапада теряет смысл. Впрочем, можно предположить, что послание направлено кому-то конкретно, и тогда для расшифровки нужно кодовое слово, которое знает только адресат...

– Да, я тоже пришел к этой мысли, – согласился Польш, услышав мои рассуждения, и наколдовал себе иллюзорную чашечку кофе. Аромат у нее, впрочем, был как у настоящей и поэтому хорошо бодрил. – Сразу возникает вопрос: кому направлено сообщение? Вероятно, Ходящим: они первые прибывают на места подобных преступлений. Но я и сам бывший теньвик. Я могу расшифровать то же, что и коллеги. И еще: почему взрыв на Ратуше, в чем смысл? И к чему там монета?

– А на ней ничего не было? – попыталась вспомнить я, закидывая ноги на ящик с утками, играющий у нас роль любимой тумбочки.

– Нет. Самая ходовая монета номиналом в одну шестую золотого.

Я вздрогнула. *Одну шестую*. На таких монетах не пишут дробь: вместо этого указывают просто цифру «шесть».

– Польш, а ты видел полуночный фейерверк на дне рождения Лисая?

– Не видел. А что?

– Там в конце была пятерка во все небо.

Ловчий выпрямился на подоконнике так резко, будто жердь проглотил.

– Это может быть ошибкой или совпадением, потому что во дворце, в отличие от Ратушной площади, не случилось той ночью ничего криминального... – пробормотал он, как бы пытаясь пресечь свой неуместный энтузиазм.

Чужое дело – это чужое дело, не распускай руки, Ловчий.

Но самовнушение не сработало: Польш прыгнул на пол и начал подбирать по всему кабинету свои одежды, сапоги, недостающие амулеты.

– ...Однако, думаю, не будет лишним поговорить с колдунами, запускавшими фейерверки.

Я тоже поднялась. Правда, когда мы вспомнили, который час, наши сборы слегка поутихли. Едва ли дворцовые чародеи захотят общаться в это несусветное время суток.

Зато захотел кое-кто другой...

На улице раздался классический шорох несущейся на всех парах ташени. Мгновение спустя бумажная птичка влетела в кабинет, изящно обогнув апельсиновое деревце на подоконнике.

Ташени была крупная, из плотной кремовой бумаги, с гербами дворца на крыльях (коронованное древо *инграсиль*). Да еще и говорящая – по всем параметрам первый класс на рынке летучих писем.

– «Господину Полыни из Дома Внемлющих – от Ее Величества Аутурни из Дома Ищущих. Дорогой господин Полынь, сегодня у меня снова была бессонница, и я...»

Полынь сцапал птичку, подпрыгнул к столу, распахнул ящик, швырнул ташени туда и с силой захлопнул его. Ташени продолжала что-то вещать, но тяжелая дубовая мебель не давала звукам сложиться во фразу.

Я ехидно вздернула бровь:

– Полынь! Как грубо!

Куратор яростно замотал головой:

– Наоборот. Если я выслушаю птицу, воспитанность не позволит мне оставить сообщение без ответа. Королева решит, что у меня полно свободного времени, и завяжет беседу. Мне придется либо прервать ее, проявив тем самым непочтение, либо выдавливать из себя за письмом письмо, пока терпение не лопнет. Лучше сразу сказать «нет».

– Вернее, не сказать. – Я снова покосилась на бубнящий ящик.

Бубнил он с какими-то игривыми нотками. Полынь болезненно поморщился – тоже уловил эти интонации, вымораживающие его до глубины души.

– Итак, ты теперь строжишь королеву, – лукаво наклонила голову я. – Воспитываешь.

– Не дай небо, – куратор отшатнулся. – Но это единственная безопасная тактика. Ответить на расположение ее величества я не могу. Сказать «У меня дела» – чревато. Приходится изображать, что я не получил ташени. Что с учетом пяти утра вполне вероятно. По идее, я должен спать, а птица – грустно биться в окно. Не правда ли, так это происходит у нормальных людей спозаранку? – Полынь обвинительно сощурился.

Я беззаботно засвистела, глядя вбок.

Вдруг в дверь кабинета постучались. Мгновение спустя в проеме появилась мышастая невзрачная фигура Селии.

– Вы уже здесь. Прекрасно, – сухо бросила она. Ассистентка шефа скользнула ящериным взглядом по свеженькой дыре в стене, по дрыхнувшей мумии, но комментировать ничего не стала – и хвала небу.

Селия процокала тростью к столу и протянула Полыни рабочую папку:

– Массовое убийство на ферме «Жухлые яблочки». Свидетель – соседка. Час назад из дома вынесли пять женских трупов. Выдвигайтесь немедленно. Оба.

Полынь, и так заряженного на подвиги, тотчас как ветром сдуло.

Я же, всполошенная словами «массовое убийство», решила задержаться: закинула в рюкзак целый ряд зелий с полки, преимущественно лечебных. Ведь надежда умирает последней. А с хорошей медициной – и выживает иногда.

Я нагнала Ловчего только у ведомственной конюшни, где напарник ждал, пока заспанный эльф приведет нам лошадь.

– Точно одну на двоих? – уточнил эльф, повторно выглянув из-за ворот.

– Да, точно, – подтвердил Полынь, не вдаваясь в детали.

Из этого диалога я сделала вывод: мы будем добираться на ферму, используя одно из секретных запредельных *Умений* Внемлющего. С учетом серьезного дела это был разумный выбор.

Мы запрыгнули на кобылку Полыни по имени Димпл – флегматичную серую животинку в яблоках – и свернули на тихую боковую улицу.

Там Полынь размял пальцы перед колдовством и дежурно попросил меня «не шевелиться и не думать, а то разорвет». Я замерла, а вот татуировки на руках Ловчего будто ожили, расплываясь соразмерно тому, как мы втроем с покорной Димпл начали таять и ускоряться.

Скользить сквозь блеклый город, заштрихованный графитом подуставшей ночи.

* * *

Наша гонка завершилась на тихой лесной улочке к востоку от города.

Из густой дубовой рощи выныривала каменная дорожка, вдоль которой расположились частные владения: ферма «Жухлые яблочки» и два соседских участка – аккуратные домики с садами.

Было очень тихо. Слегка покачивались от ветра плодовые деревья. В зарослях черемухи пел соловей.

Я удивилась столь мирной картине. Когда слышишь про пять мертвецов, ожидаешь хоть какой-то суеты в окрестностях. А тут – редкая безмятежность. Окошки «Жухлых яблочек» мягко светились, внутри играла музыка – что-то нежное, вроде арфы. Если там произошло кровавое убийство, то я не знаю, из чего сделаны нервы местных жителей.

Полынь был озадачен не меньше моего.

– Давай сначала заглянем к жалобщику, – развернулся напарник.

* * *

Несколько минут спустя мы стояли на резном крыльце соседнего дома. Нашим свидетелем оказалась крупная и очень бойкая дама.

Отгоняя лесных светлячков, она взволнованно тараторила:

– Пять трупов! Я вам клянусь. Вы поймите: Дорхес, мой сосед, – он тернассец. И студент. Едва родители-фермеры уедут, как он устраивает вечеринки, и пару раз их компания в угаре залезала на мой участок. Я поэтому держу ухо востро – поглядываю в окна, чтобы вовремя шугануть.

– И что вы увидели на этот раз? – спросил Полынь.

– Дорхес стаскивал с крыльца женские трупы. Сначала одно тело, замотано в плащ. Потом второе. Третье... Следом вышли друзья студента. Они столпились над бедными девушками и спорили до хрипа. Я побежала вызывать вас. Пока нашла свои заготовки для ташени, пока вспомнила, как их складывать, – столько времени прошло... Потом подбегаю к окну, смотрю – а трупов уже нет. Успели расчленивать! Изверги иноземные!

Мы с Полынью переглянулись. Женщина уловила наше сомнение и отчаянно зашептала:

– Да клянусь вам, были трупы! Вы что думаете – я глупая? Я не глупая! У меня лупа есть!

– У меня тоже, – сказал Полынь. – Разберемся.

* * *

Калитка фермы была открыта... Мы прошли внутрь и перед тем, как постучаться, огляделись снаружи. Ни крови, ни следов того, что кого-то тащили волоком, – ничего подозрительного.

Полынь потрогал землю возле крыльца:

– Отпечатки ботинок тоже стандартные, – пробормотал он. – А если бы мертвых несли на руках, следы стали бы глубже из-за дополнительного веса.

Мы зашли на конюшню – там были лишь спящие лошади и теплый терпкий запах. Среди деревьев я увидела яблоневого человека, но он спал, свернувшись в корнях калачиком, и я не стала его попусту будить. Сарай, свинарник... Все мирно.

Только в маленький птичник на дальнем конце фермы нас не пустил петух. Встал в дверях и раскричался:

– Ре-е-е! Ре-е-е!

Впрочем, пять тел бы туда все равно не влезли.

В главном доме нам долго не открывали, хотя стук слышали сразу: арфа захлебнулась песней и повисла тишина. Взволнованные шепотки, топот, и вот – в щелочке появился смазливый юноша с типично тернасской белозубой улыбкой.

– Здравствуйте... – испуганно протянул он.

От него слегка пахло запрещенной ягодой гриндой, и мы с Полынью переглянулись. Возможно, соседке не понравилось именно это, но на вызов об убийстве мы среагируем быстрее, вот она и приврала.

Полынь представился, предъявил татуировку Ловчего и объяснил, зачем мы здесь. Губы студента изогнулись грустной скобкой:

– Дело в том, что госпожа Цайра очень не любит, когда я собираю друзей. Постоянно что-то выдумывает. Конечно же, мы не убивали никаких девушек! Даже не знаю, как можно такое сочинить. Надо перед следующей вечеринкой занести ей пирог. Чтобы она не ругалась, – и молодой господин Дорхес развел руками.

За спиной у него маячили силуэты четырех товарищей. Такие же юноши-студенты, очаровательно-беззаботные, со следами бессонной ночи на лицах.

– Можно, мы все-таки зайдем, проверим?

Дорхес сглотнул. Потом отступил, пропуская нас внутрь.

Да, вечеринка тут определенно была. На столе стояли блюда с фруктами и орешками, между ними – очень много бокалов. Подушки сброшены на пол, на диванах вместо них валяются раскрытые конспекты. Вдоль каминной полки расставлены крохотные пузырьки с различными зельями. Полынь подошел, стал внимательно читать этикетки.

– Только не трогайте! – взмолился Дорхес. – Это очень редкие зелья! А некоторые – опасные! Нам каждый миллилитр под расписку дают, чисто перед экзаменами!

Полынь кивнул и в ответ лишь сощурился на одну бутылочку из темного стекла. «Спиртовая Эссенция Туманной Лани» – было написано на ней.

– Чьи пузырьки, ваши?

Дорхес побледнел:

– Нет. Ребята принесли.

– Мне что-то нехорошо, – пискнул другой студентик и умчал в ванную. Все тактично промолчали.

– Зачем вам вообще зелья на вечеринке? – спросила я.

– А у нас пересдачи в Башне Магов сейчас идут, – Дорхес снова улыбался, теперь криво. – Вот, готовимся. Совмещаем приятное с полезным.

– В Башне Магов, значит... – рассеянно повторил Польша. Затем шепнул мне: – Отвлеки их, пожалуйста, а то они так и норуют тут все передвинуть.

Это правда: один из студентов бочком-бочком двигался к конспектам, явно надеясь их спрятать, второй испуганно топтался возле зелий, третий бросал печальные взгляды на вешалку с верхней одеждой и, кажется, готовился к марш-броску в ту сторону. Мы с Польшой не могли просто потребовать, чтобы они остановились: у нас не было ни ордера, ни состава преступления.

Так, ну и как же мне их отвлечь? У них сейчас все инстинкты на самосохранение направлены!

– Апчхи, – неожиданно чихнул один из студентов, и от него, как и от хозяина дома, повеяло гындой.

Точно!

Ягодка гынды – это такая нездоровая дрянь, которую некоторые студенты заваривают в чай перед экзаменами, чтобы улучшить память. И почувствовать «условно приятное» головокружение. Она запрещена, за ее употребление можно на пару недель оказаться в тюрьме. И в отличие от трупов гынды тут *точно* есть.

Я развернулась и быстрым шагом пошла на кухню. Чай ведь заваривают там, не так ли?

Студенты, чуть ли не взыв, все четверо сиганули за мной и эдак невзначай перегородили мне дорогу.

– Можно попить? – невинно спросила я, пытаюсь продвинуться дальше.

– Я вам сейчас принесу! – заявил один парень, кидаясь вперед. Остальные окружили меня, не давая прохода.

Что ж, у Польши теперь полная свобода действий. Надо только дать ему побольше времени.

– А чьи вы студенты? – полюбопытствовала я, начиная светскую беседу.

– Мастера Триждыправого.

На кухне что-то уронили, и на весь коридор тотчас завоняло гындой. Дорхес испуганно моргнул и... вдруг начал трещать без умолку, пытаюсь отвлечь *уже* меня. Идеально!

– Мастер Триждыправый – худший преподаватель в Башне, так что нам не повезло, – лихорадочно докладывался студент. – Уже на первом занятии он навешал на всех ярлыки: тебя только в лекари возьмут, тебя только в некроманты, а ты готовься лизать пятки начальству в убогом хуторе... Но это ладно, у нас еще три года до диплома, и есть надежда, что этот старый хрыч успеет откинуться.

Какие добрые.

Звон на кухне повторился... Дорхес добавил скорости и экспрессивности в свой рассказ:

– А вот студенты прошлых выпусков от нашего мастера уже пострадали! И это никак не исправить! Например, был у нас один колдун-альбинос, Гординиус Сай, – и его очень, ну просто очень жестко срезали!

Я вздрогнула.

Гординиус Сай. Знакомое имя.

– Гординиус хотел стать Шептуном. Мечтал! Постоянно везде цветы выращивал, у него уже к концу обучения кончики пальцев стали зелеными, как у настоящего травника, – продолжил Дорхес. – А Триждыправый в выпускной год обозвал его «беспринципной, но живучей сволочью» и сунул работать в посольство в Иджикаяне! На десять лет! У наших стран еще не было союза, а значит, получалась работа в стане врага! Да и сейчас мало радости, особенно когда ты совершенно белокожий под пустынным солнцем! Он до сих пор там! Это же ужасно! Если бы вы знали Гординиуса, вы бы поняли, что Триждыправый ему жизнь сломал!

– Я знаю Гординиуса Сая, – сказала я, вызвав замешательство в рядах собеседников. – Точнее, знала. Мы дружили, пока он не выпустился.

– Подожди, а ты что, тоже из Башни? – опешили студенты, резко перейдя на ты. – Да быть не может, мы бы тебя запомнили! А как тебя зовут? А ты завтра вечером свободна?

Их товарищ, громивший кухню, появился оттуда со стаканом воды в руках и лицом Истинного Героя, Заныкавшего Все, Что Нужно. Остальные чуть не умерли от облегчения. Программа «паника» тотчас сменилась у них на программу «ухаживание», и когда Полынь, успевший, кажется, обшарить весь дом, пришел за мной, ребята уже и вовсе забыли о его существовании.

– Спасибо за сотрудничество, – кивнул Внемлющий, утаскивая меня от новых приятелей.

Едва за нами закрылась дверь, Полынь забрал у меня веер полученных визиток и сжег их простеньким заклинанием.

– Мы не вступаем в связи с подозреваемыми, – наставительно произнес он.

– Ни в коем случае, – на полном серьезе поддержала я. – Как твои успехи?

– Дело раскрыто.

Кто бы сомневался.

* * *

Вслед за Ловчим я углубилась в яблоневый сад. Среди деревьев уже наметилась алая нитка зари, птицы стали петь увереннее, на траве блестела роса. В тусклом утреннем свете мы с Полынью казались двумя призраками в шелках: алых и бирюзовых. Призрак побольше – сухопарый и лохматый, и призрак поменьше – лишь чуточку более мягкий в некоторых местах. Но такой же лохматый, да. Если не сильнее.

Полынь прокашлялся.

Я думала, сейчас он расскажет мне о своих выводах касательно предполагаемых убийств, но вместо этого Ловчий спросил:

– А в годы наставничества с вами действительно жил четвертый студент, этот Гординиус Сай?

– Скорее, гостил. Он часто приезжал на выходные, пока мы были на младших курсах, – уточнила я. – Гординиус был лучшим студентом в своем потоке, и наш магистр Орлин приглашал его к нам для обмена академическим опытом. Мы дружили. Точнее, сначала Кадия в него влюбилась (ну, это классика), потом я (но тоже так, ненадолго), потом Дахху... – Тут я прервалась на секунду, потому что мне в рот влетел комар, и Полынь успел повернуться ко мне с некоторым изумлением.

Было бы забавно ошарашить его какой-нибудь такой новостью, которую сам Ловчий бы проморгал, но нет.

Выплюнув мерзкое насекомое, я продолжила:

– ...потом Дахху понял, что Гординиус – его единственный шанс на мужскую дружбу в обозримом будущем. Так что со второго по четвертый курс мы дружили все вместе. А потом Гординиус выпустился – он старше, – и его отправили по контракту в Иджикаян, как верно отметили наши подозреваемые.

– Он действительно был «беспринципной живучей сволочью»? – полюбопытствовал Полынь.

– Ну... – Я замялась. – Пожалуй, в чем-то да. В некоторых обстоятельствах.

– В некоторых обстоятельствах это плюс, – кивнул Ловчий. – Ведь самый полезный из принципов – гибкость.

Я вздохнула, пронзенная иглой ностальгии.

Беспринципный или нет, а Гординиус Сай был чудным парнем (ставьте ударение куда хотите, не ошибетесь). Заносчивый и бледный, всегда в черном, будто пытающийся притушить

свой свет, он выделялся в любой толпе. Он всегда тянулся наверх, очень яростно, и нередко связывался с плохими людьми, но каждый раз кое-как выкручивался из неприятностей.

Самое интересное, что при этом он был классическим «ведомым», хотя сам думал, что лидер... Из-за этого, думаю, наши с ним экспресс-романы и не зашли дальше нескольких свиданий. Ему рядом нужна была девушка-хлыст, но при этом мастер создавать иллюзию, что «ты придумал все это сам, милый». А вовсе не такая рассеянная мечтательница, как я, или честная, как молоток, Кадия.

Правда, к сегодняшнему дню мы с Гординиусом не виделись дольше, чем общались до этого. А поэтому все могло измениться.

Его действительно отправили в Иджикаян сразу на десять лет. На самом деле посольский маг – это прекрасная должность. Очень престижная. Полезная для дальнейшей карьеры. Готова поспорить, мастер Триждыправый верил, что несет своему ученику добро, но...

Какой смысл делать что-то, каким бы престижным оно ни было, если твое сердце не поет от этого дела? Свое поющее сердце – это, возможно, единственный честный ориентир в нашем шатком мире.

... И как же это странно, да? Вот есть в твоей жизни человек, и он тебе важен, четвертое звено великолепной компании, а потом бац – и все кончилось. И ты сначала такой: о, я никогда его не забуду! А потом проходит время. И старый образ стирается не только в твоей голове, но и вообще – из мира, ведь все мы меняемся, и до ужаса быстро.

Анте Давьер говорит, что время – это специальная формула для стирания идиотов. Минимум ингредиентов, максимум эффекта. Только жаль, что и хорошие люди под раздачу попадают.

Мы с Полынью дошли до конца фермы и остановились у птичника. Петух все еще стоял на пороге домика, продолжая тоскливо тянуть одну ноту:

– Реее...

– Я сейчас перечислю тебе кое-какие факты, и ты тоже разгадаешь наше дело, – сказал Полынь и стал один за другим загибать пальцы. – Во-первых, на столе стояло десять бокалов, тогда как студентов – пятеро. Во-вторых, плащи мальчиков пахли курятником. В-третьих, «реее» у петухов – это знак тревоги. В-четвертых – на диване лежали конспекты по трансфигурации. И в-пятых, пузырек с эссенцией туманной лани был пуст. А приносить с собой пустую склянку нет смысла, значит, зелье использовали сегодня.

Последний пункт не говорил мне ни о чем – я не знала, какой эффект дает эссенция... Но и первых четырех хватило с лихвой.

– Ты думаешь?... – я покосилась на птичник.

– Я уверен.

Полынь взмахом руки шуганул несчастного петуха и распахнул дверцу в деревянный домик. Там было темно. Ловчий сплел пальцы, зажигая маленький пульсар-огонек. В его голубоватом свете мы увидели на сене пять мертвых куриц в ряд.

– Вот и наши трупы.

– М-да. Так и хочется переиначить старое выражение: что же было в начале – курица или девушка?...

– Курица, к счастью. После смерти объекта заклинание теряет силу – неспешно. Часа двух как раз хватит, чтобы выветрилось. Соседка верно увидела: с крыльца стаскивали девушек. Вернее, куриц в облике девушек. Уже здесь они приобрели изначальную форму.

– Значит, мальчики совместили приятное с полезным – по своему собственному признанию. Подготовка к экзамену – и разнообразие на вечеринке. Но зачем они убили птиц? – Я посмотрела на грустного петуха, теперь безмолвно ковыляющего прочь по саду.

Вот уж не думала, что стану свидетелем драмы в птичьем царстве...

– Не намеренно, – цокнул языком Полынь. – Они просто двоечники. Ты знаешь, зачем применяют эссенцию туманной лани, горе мое?

– Если честно, нет.

– А твой Гординиус тебе не рассказывал?

– Почему сразу мой?!

– Эссенция продлевает жизнь трансфигурационному алгоритму, Тинави. Очень редкое зелье, подконтрольное, но студентам на некоторых кафедрах дают – надо же им учиться. Вот только наши мальчики не учли, что после эссенции запрещено давать подопытному настоящую еду и напитки, только чистую воду, – иначе сдохнет. А курочкам, судя по кайме бокалов, щедро наливали.

– Прах, – окончательно расстроилась я, глядя на пестрые рыжие и белые перышки, вьющиеся в темноте курятника.

– Все. Закрываем дело у соседки и зовем Ищеек. Я не хочу сам арестовывать этих придурков.

8. Роща любовников

*Знать, на сколь многое ты способен, – и не знать зачем.
Экзистенциальный кризис – наиковарнейшее дерьмище. Он тем сильнее,
чем более думающим человеком ты был.*

Доктор Морган Гарвус

Сидя на замшелом бревне в лесу возле фермы, мы дождались прибытия Андрис Йоукли и Инвернесса Дуба. Коллеги помахали нам и, не теряя времени, пошли за студентами.

Полынь как раз отвязывал свою кобылку от дерева, когда ферма за нашими спинами расцвятилась веселым грохотом боевых заклятий. Тренькнула арфа, брызнуло оконное стекло...

– Небо голубое, зачем они сопротивляются? – застонала я, разворачиваясь. – Они же значительно ухудшают свое положение!

– Пепел! – Полынь бросил веревку и, гремя браслетами, кинулся к «Жухлым яблочкам». – Прах с ним, с положением, но у них есть зелья, которые...

Низкий гул поднялся со стороны дома. Коттедж подпрыгнул, с деревьев у входа слетела свеженькая листва, а на соседском участке пронзительно взвыла собака.

– ...которые лучше не ронять, – со вздохом закончил Полынь.

Из печной трубы дома посыпались кусочки мха. Комковатый зеленый водопад скатывался по крыше, достигал земли, а там из него поднималась, стремительно вырастая, устрашающая фигура...

Фигура отчасти была похожа на человека, только ростом в несколько метров. Две ноги. Две руки. Вместо кожи – мох. Лицо скрыто деревянной маской с красными полосами, на голове – острые уши и ветвистые рога, на которых висят мертвые мыши.

Это был *буххшо*.

Злой дух, Зеленый Охотник, которого колдуны-Каратели используют для облав на нечисть. Если буххшо встанет на чей-то след, то не сойдет с него, пока не догонит жертву и не сожрет ее. Если не дать буххшо следа, то он начнет громить все вокруг.

Убить его невозможно. Единственный вариант – как следует спрятаться и подождать, пока он выдохнется. Через несколько часов силы выпущенного буххшо иссякают, и он превращается в камень, покрытый мхом. Вот только не все выдерживают несколько часов.

На крыльцо «Жухлых яблочек» выскочила целехонькая Андрис Йоукли. Инвернесс, судя по всему, уже скрутил студентов в доме – заклинания сменились руганью.

– Что это вырвалось?! – непонимающе крикнула Андрис, поправляя очки на лбу.

Буххшо был с другой стороны дома от нее.

– Продолжайте арест! И не ждите нас! – приказал Полынь, и мы с ним наперегонки сиганули к Зеленому Охотнику, как раз расправляющему плечи, хищно поводящему головой в поисках жертвы.

Его рога возвышались над крышей фермы.

– Не вздумай дать ему свой след, малек! – рявкнул на меня Ловчий и на полпути отнюдь не по-джентельменски спихнул меня в придорожный овраг.

– Все равно же вместе разбираться будем! – взвыла я оттуда.

Но было поздно.

Полынь уже выскочил перед буххшо, и два желтых глаза сфокусировались на Ловчем. От Зеленого Охотника к нему протянулся будто бы луч из частичек мха, и Полынь охнул, сгибаясь пополам.

А потом развернулся и бросился прочь.

Я выбралась из оврага аккуратно в нужный момент, чтобы присоединиться к нему в новом забеге – на сей раз *от* чудовища.

Деревья ломались у нас за спинами, птицы вспархивали из кустов, испуганные приближением буххшо. Рассветное солнце – нежно-розовое – в такой атмосфере казалось скорее зловещим.

– Нам надо где-то спрятаться! – крикнула я. – Эта штука бежит явно быстрее нас!

И впрямь: каждый тяжелый шаг буххшо, от которого подрагивала земля, соответствовал пяти нашим.

– Идеи? – скрипнул зубами Полынь и, обернувшись, кинул в охотника сильнейшее боевое заклинание Ббостова. Ноль эффекта, хотя он попал прямо в грудь монстра.

По лицу, шее и рукам Внемлющего бежали всполохи травянистого цвета, а одежда медленно зарастала островками мха: это была *сеть*, брошенная буххшо, которая сейчас, насколько я знала, доставляла Полыни необъяснимую ноющую боль в груди. И вызывала тоску и тревогу, подбивающую жертву Зеленого Охотника на то, чтобы самостоятельно сдаться буххшо. *Ешь меня, ешь скорее.*

– Либо Фиалковое ущелье, – на ходу мучительно прикидывала я, – либо Роща Любовников!

– Роща! – решил Полынь.

Мы перепрыгнули через узкую речку, пронеслись галопом мимо одинокого лесного тракта – выглянувшая в окно хозяйка завизжала, – вскарабкались на косогор и чуть ли не кубарем скатились оттуда в величественную рощу деревьев *лоори*.

Она и называлась Рощей Любовников.

Лоори – лиственные деревья, которые почти дотягивают до размера секвой. А еще у них есть удивительный эффект: если в кроне лоори оказываются два живых существа, которые касаются друг друга, то дерево прячет их, делая невидимыми и неслышимыми. Именно поэтому Роще дали такое романтическое название.

И она так хороша для прятков.

Мы двумя бешеными белками взлетели на ближайшее лоори – узловатое, с крупными листьями и нежно-голубыми цветами – и, пока буххшо топтал подходы к роще, судорожно вцепились друг в друга.

Буххшо подошел к дереву и разочарованно взревел, не почувствовав свою жертву. Потом встал на вытяжку и замер, как на посту. Не то чтобы мы надеялись, что он уйдет, но поза Зеленого Охотника и тот факт, что его лицо находилось четко на уровне ветки, на которой мы спрятались, отнюдь не вселяли оптимизм.

– Что ж, подождем, – пробормотал Полынь.

И поправил листву так, чтобы она скрыла пугающую морду.

– Я могу тебе как-то помочь с *сетью*? – спросила я, глядя на то, как браслеты Ловчего медленно покрываются слоем мха. – Больно же, наверное.

– Все хорошо, – успокоил меня Полынь. – Просто слегка тоскливо. Поверь, по сравнению с тем, что мне доводилось чувствовать в своей жизни, это ерунда. И выходить к нему, – кивок на Охотника, – предлагая себя в качестве завтрака, я точно не собираюсь. Да и не понравился бы ему такой завтрак! Одни железки, – и Полынь, фыркнув, подергал серьгу в левом ухе.

– Как знать, может, ему как раз железа и не хватает, – прикинула я. – Как думаешь, а я бы справилась с чарами этой *сети*?

– Да, – твердо кивнул Ловчий. – Но, с учетом твоей эмоциональности, ты бы переживала такой опыт куда более бурно. И вряд ли бы он тебе понравился.

Светало. Чаща наполнялась утренними шорохами, далеким скрипом колес с лесного тракта, безмятежным пением птиц. Лишь у нас в древесной кроне было сумрачно и прохладно.

Многочисленные перстни Полыни холодили мне пальцы. Мерное дыхание Зеленого Охотника парадоксальным образом добавляло уюта.

Я прикрыла глаза и прижалась затылком к шершавому стволу, ощущая тепло и запах мяты справа – от Полыни. По векам у меня ходили зеленые блики – не теневые, конечно, но тоже очень приятные. Сердце гулко билось после гонки, кровь шумела в ушах.

– Я так люблю все это, – неожиданно даже для себя сказала я. – Тайны. Погони. Всю эту безумную кутерьму. И моменты тишины между – когда все затихает и слышно, как бабочка шевелит крыльями на цветке. В общем-то, все люблю. Аж неловко. Очень жизнерадостная Ловчая.

Полынь хмыкнул и шевельнулся.

– Я тоже люблю такие паузы, – задумчиво проговорил он. – И тайны, да.

– Ну, про тайны я не сомневалась!

– А зря. Иногда мне кажется, что уж кому-кому, а не мне их любить.

– Это еще почему?..

– Потому что это был не мой выбор – стать тем, кем я стал.

Я открыла глаза. Полынь так и сидел, расслабленно откинув голову, и прядка с вплетенной цветной нитью падала ему на лицо. По сапогу полз коварный мох.

– Я вчера решил переночевать в ведомстве не только из-за того, что хотел поработать над шифром, – признался Ловчий. – Просто в поместье Внемлющих мои братья и сестра устроили коктейльную вечеринку – будучи верными подданными его величества, они считают, что день рождения принца надо отмечать минимум двое суток. Цветы гибискуса в запотевших бокалах, трюфели, артишоки и все такое. Отговориться не удалось, пришлось присоединиться к домашней вечеринке. Из-за Душицы львиная доля бесед лежала в пространстве сплетен. Когда я предложил не пачкать вечер чужим грязным бельем, разговор перешел на меня и мою работу с королевой. Через несколько минут у родственников получилась прекрасная ретроспектива моей жизни. Я не мог конкурировать с созданным ими образом. Их Полынь больше подходил к атмосфере светского коктейля. Свет обожает плоскость. И тогда мы скатились в перечисление личных счетов и... Я не хотел там больше находиться. Мои дражайшие братья и сестра уверены, что продажа меня Ходящим еще в детстве равносильна выигрышу в лотерею. Якобы умные люди приняли вместо меня все основополагающие решения на старте, благодаря чему я смог резко двинуться вперед, а они остались – сами по себе. «Свобода выбора» – ругательство в нашем доме. А я иногда думаю: интересно, кем бы я был, если бы из меня не сделали Ходящего?

Теперь Полынь тоже открыл глаза. В зеленом освещении было видно, что их радужные оболочки все-таки не такие чернильно-черные, как кажется обычно, – голубые оттенки то и дело закрадывались в их усталый рисунок.

– И кем же? – спросила я.

– А вот не знаю, – Полынь пожал плечами. – Потому что в итоге я именно такой, какой я есть. И любовь к загадкам и желание защищать наше королевство от всякой дряни – пусть даже привитые мне специально – стали неотъемлемой и главной частью моей личности.

Я кивнула. И вдруг вспомнила недавний диалог на Ратушной площади.

– После взрыва Ходящий подколол тебя на тему твоей иллюзорной свободы... Он говорил об этом, как я понимаю.

– Ага. Это проблема всех теневиков. Никто из нас до конца не уверен, кто мы на самом деле. Кем могли бы стать. Впрочем, – Полынь усмехнулся, – я сейчас страшно драматизирую: это побочный эффект *сети* буххшо. Ведь все люди в той или иной степени оказываются в схожей ситуации. Вы тоже не растете в пустоте. Кто-то все равно воспитывает вас, внушает вам свои идеи, говорит, что правильно и нет... До определенной степени мы все лишь продукт обстоятельств.

– Ну, – прикинула я, – думаю, при сильном желании мы можем построить что-то свое вместо того, что досталось с детства. Главное, понять, что так вообще можно. И строить не из протеста, а потому, что тебе это действительно важно.

Полынь покивал собственным мыслям, а потом задумчиво протянул:

– Согласен. Так, я могу злиться на свою покладистость, но любить загадки от этого все же не перестаю.

Разговор тотчас сменил тональность, ибо:

– Покладистость?! – опешила я.

– Ну да. До некоторой степени, – вскинул брови Ловчий.

– Полынь, ты меня прости, конечно, но я бы поставила тебя на последнее место по покладистости из всех, кого я знаю! – искренне возмутилась я. – Уверена, весь департамент горячо бы меня поддержал в этом утверждении. Да и среди Ходящих ты явно не самый милый кадр: то бунтовать откажешься, то в Ловчие уйдешь, то госпожу Тишь из тюрьмы выдернешь генеральским желанием⁸. Как твои бывшие коллеги тебя еще не угрохали за все эти звездные инициативы? Хотя, погоди, они же пытались... Причем вместе со мной, – припомнила я, укоряюще поглядев на напарника.

Он рассмеялся.

– Ладно, убила. – Полыни надоело держаться за руки, и вместо этого он просто привалился ко мне плечом: дерево лоори такое вполне устраивало. – Будем считать, моя репутация в порядке, и никто не заподозрит меня в прогибании под систему.

– Будто тебя когда-то волновала твоя репутация!

– Скажем так: я предпочитаю, чтобы она была умеренно ужасной. Это выгодно для работы, малек.

Я смирилась с тем, что буду мальком еще очень долго.

Шли минуты, сложившиеся в полчаса. В три четверти часа. В час.

Мы продолжали сидеть в густой листве. Я читала крохотную книжечку стихов, вытасченную из кармана. Полынь кое-как вытянулся вдоль мощной ветки лоори и уснул, положив голову мне на колени. На спящей жертве мох Зеленого Охотника стал расти быстрее, безжалостно расцветивая и острые скулы, и высокий лоб. Заметив это, я растормошила напарника, пощекотав его сорванным листочком по шее.

– Что тебе, чудовище? – почти не размыкая губ, пробормотал Полынь.

– Тут такое дело... Так получилось, что я подслушала в ведомстве один разговор. Между Улиусом и Авеном. О тебе.

Поскольку я сделала паузу, Ловчий перевернулся на спину и чуть двинул бровью, требуя продолжения.

– Они обсуждали то, что хотели дать тебе право набрать свою команду, чтобы заниматься делами эффективнее, а ты отказался, и...

– Это они попросили тебя поговорить со мной?

Полынь так резко перебил меня и одновременно сел и по-допросному схватил меня за подбородок – то ли чтобы не нарушить завет Рощи Любовников, то ли чтобы пристально заглянуть в лицо, а скорее всего, и то и другое сразу, что я сначала запнулась, а потом обиделась.

– Ты вот так, с ходу готов меня во враги записать? – горько бросила я.

Он поморщился. Рука стыдливо уползла с подбородка.

– Конечно, нет. Но все же: это они попросили?

– Нет. Я же говорю: я подслушала.

⁸ В прошлом году Полынь получил высокое звание Генерала Улова и право попросить у лесного короля одну, но любую вещь. Полынь использовал это желание на то, чтобы госпожа Тишь – его тетушка и бывшая глава Ходящих – была выпущена из тюрьмы и отправлена вместо этого в пожизненное изгнание.

– Каков шанс инсценировки? – цепко прищурился Полынь.

Я вспомнила сцену с летающим листочком и отрицательно покачала головой:

– Крайне маленький! Не помню, чтобы Улиус прежде стремился в комедианты... Полынь. Ты расскажешь мне обо всем этом? Они действительно предлагают тебе просто набрать свою команду? Если да, почему ты отказываешься?

Полынь метким щелчком сбил незваного мотылька с капюшона моей летяги. Подумал немного.

– Моя причина для отказа от должности настолько идиотская, что я просто не хочу ее обсуждать, – наконец покачал головой он.

– Боишься, что я не пойму?

– Нет. Не люблю тратить время на чушь.

– Ты самокритичен.

– Скорее, честен.

Вдруг боххшо, стоявший впрытик к нашему дереву, резко дернулся. Потом недовольно загудел, от этого низкого звука задрожала листва. Мы с Полынью застыли: я на всякий случай потянулась за пузырьком с хранительской кровью, Ловчий сложил пальцы в подготовительную маг-позицию. Гул усилился, вызывая ветер, листва полетела прочь...

– Прах, нас сейчас нечему будет прятать! – сглотнула я.

Но, к счастью, время Зеленого Охотника вышло. Он стал уменьшаться, втягивались рога и руки, и не прошло и минуты, как под деревом лежал безмятежный мшистый валун. Весьма, скажу вам, симпатичный! Отличное место для пикника, еще один плюс к туристическим достоинствам Рощи Любовников.

Полынь, несмотря на все свое спокойствие, выдохнул с заметным облегчением, когда травянистые всполохи *сети* слетели с его лица, а мох с одежды и кожи рассеялся.

Разминая затекшие конечности, мы по очереди слезли с дерева и по своим же следам отправились обратно.

* * *

Когда мы вернулись в ведомство, оно уже наполнилось жизнью.

По главному холлу хаотично металась Ловчие, Ищейки, Говоруны и Указующие. Над головой носились ташени. Бумажные птички, даром что неживые, а тоже попались на удочку весеннего обострения: они выписывали мертвые петли вокруг ведомственных мостиков, нежно курлыкали и пытались заигрывать с совами, которых некоторые сотрудники используют «шикаради». Совы косились на волшебных птах с неудовольствием, а если ташени перебарщивали с непрошеным вниманием – то наподавали им когтистой лапкой.

Хлопали полотнища гербов в высоте; светлой палитрой горел витраж во всю стену; мерно качался золотой маятник с гравировкой в виде символа Иноземного ведомства – полуразвернутого свитка и розы ветров.

Мы с Полынью дошли до тридцать второго кабинета. Ловчий повернул ключ в замке и замер, подозрительно прислушиваясь.

– Что такое? – Я подалась вперед.

По ту сторону двери слышался нестройный бубнеж десятков говорящих писем... Глаза у Полыни полезли на лоб. Он рывком отворил дверь. По всему кабинету порхали дорогие королевские ташени. Все они вещали одновременно, создавая жуткую какофонию.

– Уже скучаю по тишине рощи... – пробормотала я.

Полынь шикнул на меня, пытаясь разобрать отдельные фразы:

– «Господину Полыни из Дома Внемлющих...»

– «От Ее Величества Аутурни из Дома Ищущих...»

– «Полынь! Почему вы не отвечаете?»

– «Это безобразие, ведь я вас наняла...»

– «Полынь! Вам меня совсем не жалко?»

– «Я боюсь! Преступник расхаживает по дворцу!»

– «Зал Совета осквернили! А мои покои так близко! В нашем королевстве кто-то ведет обратный отсчет, вы знали?!»

Услышав последнюю реплику, Полынь мгновенно сбросил с себя оцепенение, шагнул в кабинет, поймал кремовую ташени и технично вскрыл ее, подцепив ногтем.

– Впервые за полгода я не рад, что запретил королеве посылать мне письма куда-либо, кроме как в этот кабинет, – пробормотал куратор, читая текст записки.

Свободной рукой он сплел фигуру отменяющего заклęcia – и все остальные птички, мгновенно умолкнув, шуршащим дождем осыпались на пол, и без того усеянный бумагами вместо ковра.

– Так! Кажется, мы опоздали с визитом к дворцовым колдунам. Так что теперь едем напрямик к ее величеству, – Полынь развернул меня и чуть ли не пинками выставил обратно в коридор.

– Но я не хочу к королеве... – заныла я. – Королева меня не любит...

– Ничего, зато я тебя... – Полынь задумался, чем бы меня соблазнить: – Кофе напою по дороге! Двигай-двигай, не стой.

9. И эти гобелены, и глаза зеленые...

*Меняйся раньше, чем жизнь заставит тебя это сделать.
Опережай судьбу – и преуспеешь.*

*Из речи Марцеллы из Дома Парящих «О новой политике
департамента Шептунов»*

Мы с Польшю мчались сквозь стройные холлы дворца.

Лес беломраморных колонн стремился вверх, притягивая взоры. Ему вторили пики гвардейцев, узкие кипарисы в кадках и столбы с королевским штандартом. Не архитектура, а полный триумф вертикальности, который мы низвергали своей возмутительно-горизонтальной беготней.

Нас притормаживал только этикет: со всеми встречными приходилось раскланиваться. Польша отвешивал поклоны так резко, что казалось – бьется в приступе трясухи. Я, как могла, задерживалась: щедро сыпала велеречивыми приветствиями, комплиментами и прочими глупостями, столь важными во дворце. Хотя почему глупостями? Взрослея, понимаешь: даже формальная улыбка куда лучше искренней морды кирпичом.

Согласно многочисленным ташени от королевы нам надлежало прибыть в Зал Совета. Именно его «осквернил» преступник – что бы это ни значило в нежных устах ее величества.

– Знаешь, о чем я думаю?.. – Польша скакал по пологим дворцовым лестницам, задрав подол хламида аж до коленок.

– О том, что здесь не хватает лифтов? – простонала я.

Дворец у нас высокий, и бегать по нему – не самое изысканное удовольствие. Впрочем, даже советники как-то справляются – значит, и мы сможем!

– О том, что во время праздника основная часть охраны была оттянута в Западный корпус, чтобы обеспечить безопасность гостей. А в выходные Зал Совета пустует. Вероятно, преступник побывал здесь именно в *ту* ночь. Просто обнаружили это только сегодня.

Наконец мы оказались на верхнем этаже дворцового комплекса.

Здесь были лишь холл, уставленный величественными скульптурами королей древности, выход на балкон, густо усаженный папоротниками и плющами, лестница и, собственно, Зал Совета – законодательная святая святых Шолоха.

Именно в нем дважды в месяц собираются для обсуждения важнейших вопросов король, королева и главы десяти ведомств... В смысле, уже девяти ведомств (никак не привыкну к тому, что Ходящих понизили до «обычного» департамента)⁹.

Внешне Зал Совета резко отличается от сливочно-зефирной пастилы остального дворца: он очень темный и красный – будто глухо бьющееся сердце внутри воздушного белого человечка. По форме зал шестиугольный, его купольный потолок похож на ночное небо с золотыми звездами, а стены разрисованы и украшены гобеленами со сценами охоты: грациозные дамы и господа на единорогах несутся опасной вереницей сквозь чашу – за таинственным белым зверем, чей оскал до странности напоминает улыбку Анте Давьера.

В Зале Совета множество тайников: говорят, в них спрятаны изумруды, драгоценности, свитки с позабытыми заклинаниями и даже один легендарный меч времен Срединного государства. Впрочем, как выяснилось на практике, последний слух – правда! Лиссай привел меня в Зал Совета как-то осенью и показал колонну, в которой таится этот клинок.

⁹ Это случилось два с половиной года назад, когда король решил реформировать Теневое ведомство, но его бывшая глава Тишь из Дома Внемлющих – тетка Польша – не была согласна и устроила кровавый бунт. Она проиграла. Теневое ведомство распустили, оставив лишь несколько Ходящих, которые теперь подчиняются напрямую королю.

– Второй из к-королей Дома Ищущих, король Нооро, спрятал его здесь, – сказал принц, тонкими веснушчатыми пальцами проведя по старому камню.

– Но зачем?

– Говорят, он боялся, что его советники решат убить его во время к-какого-нибудь собрания. По традиции сюда заходят без оружия, поэтому Нооро решил так предостеречься.

– Какой осторожный!

– Все короли так-кие. Сайнор, например, всегда носит в кармане мантии антимагический браслет, к-куда бы он ни шел. Впрочем, никто так ни разу и не решился свергнуть наш род... Не считая недавней попытки Ходящих, к-конечно. Поэтому легендарный меч до сих пор там.

– А его может вытащить только тот, в чьих жилах течет кровь Дома Ищущих? – заинтересовалась я.

– Да нет, к-кто угодно, если знает ключ.

Покосившись на распахнутые двери зала, за которыми стояли суровые гвардейцы, принц заговорщически прижал палец к губам и быстро нажал на несколько элементов орнамента в виде птиц.

– Ashhen, – шепнул он.

Часть колонны тотчас растаяла, явив за собой секретную нишу с изящным, чуть светящимся клинком... Я беззвучно рассмеялась, прикрыв рот рукой, и вскоре тайник закрылся.

Но еще большее впечатление на меня произвело королевское дерево *инграсиль*.

Инграсиль рос в самом центре зала – на специальном подиуме, накрытом стеклянным куполом. Его упругий стан вился и гнулся, ветви были похожи на руки красавицы, а вместо листьев мягко светились белые цветы. Крупные, плотные, как у орхидеи.

Вообще, инграсили – это деревья-чужестранцы. Они растут в Пустыне Тысячи Бед и в окрестностях Иджикаяна, а вот в Смаховом лесу – нет. Что не помешало шолоховцам выбрать инграсиль государственным символом.

Легенды гласят, что эти деревья живые.

Странники, заблудившись в пустыне, теряют голову от жажды. Они подходят к инграсилю в надежде пожевать его листья, пососать кору в поисках влаги. Но дерево не дает себя в обиду: оно съедает наглецов – и, получив их мысли, память и внешность, обретает неожиданную свободу передвижения. Когда эффект выветривается, дерево вновь принимает начальную форму. Так инграсили бродят по пустыням...

Впрочем, я отвлеклась.

Мы с Польшю приблизились к дверям Зала Совета. Перед ними в ряд выстроились гвардейцы, недобро скрестившие пики.

– Что с вашими коллегами, дежурившими тут в субботу ночью? – без приветствий начал Польш. – Они живы?

Нет ответа.

– Мы здесь по приказу королевы. – Внемлющий показал одну из кремовых ташени, прихваченных из ведомства. Гвардейцы покосились на печать, друг на друга, на меня – и нехотя открыли двери.

– Коллеги живы, – доложил один из них. – Они охраняли зал снаружи и не видели ничего подозрительного.

– Может, слышали что-нибудь?

– Нет. Во время праздника здесь было достаточно шумно, снизу доносились музыка и голоса. К тому же дворцовые привидения в поисках уединения то и дело приплывают на этот этаж. Они бывают довольно громкими. Плачут.

Польш сказал «ага», и я вскинула бровь:

– Потенциальные свидетели, думаешь?

Ловчий кивнул.

– Я могу с ними поговорить?

– Если найдете, – равнодушно откликнулся гвардеец.

Я еще раз оглядела крохотный этаж. Тут все было настолько на виду, что мимо стражи незамеченной не проскользнула бы даже мышь.

– А как же террорист проник в Зал Совета? – протянула я. – Или там есть второй вход?

Гвардеец, уже понявший, что мы с Полынью не очень формальные ребята, попробовал по-свойски пожать плечами, но в доспехах у него это не получилось. Только скрипнуло что-то.

– Возможно, тайный ход? – чуть ли не облизнулся Полынь.

И, открыв створчатую дверь, пропустил меня вперед. Я шагнула через порог – и обомлела. Помните, я говорила про гобелены? Все. Забудьте. Уже не актуально.

Кто-то вихрем прошелся по Залу Совета. Содрал со стен шитье. Рваные куски материи обвисли грустными лоскутами. Под ними виднелись багряные камни стен, свидетели истории. Безмолвные прежде. Но не сейчас. Потому что преступник оставил на них послания.

Выведенные яркими красками, оскорбляющими дух старины, на стенах пестрели надписи, выполненные тем же странным шифром, что и свиток на площади. И везде – цифра «пять». Пять, пять, пять. Скачущая, дрожащая, нарисованная с завалом влево, наклоном вправо, прямая, изогнутая пятерка...

Пока Полынь водил по надписям носом, будто близорукая библиотекарьша, я посмотрела на высокий купольный потолок, потом выглянула в единственное окно Зала Совета. Земля была головокружительно далеко. Вряд ли сюда забрались снаружи.

Возможно, местные стены и колонны хранят не только мечи, но и, действительно, секретные дверцы... Я пошла тихонько простукивать помещение по периметру.

– Ага! – воскликнул между тем Полынь, уже перерисовавший себе таинственные знаки и теперь ползающий по залу с лупой наперевес. – Тут есть что-то вроде следа, смотри-ка!

И действительно, на полу у стены, под значком, нарисованным гораздо выше и кривее других, – будто террорист подпрыгнул, чтобы дотянуться туда, – было просыпано немного голубовато-белых песчинок.

– Наш террорист настолько стар, что из него уже песок сыпется? – пошутила я.

– Они могли высыпаться из подошвы при подпрыгивании, – удовлетворенно заметил Полынь, осторожно собирая улики в специальный флакон. – Необычный песок. Надо будет узнать, где найти такой в Шолохе. Ходящие заметили след? – оглянулся Ловчий на гвардейца.

– Понятия не имею. Мне эти упыри-теневики не доклады... – вдруг гвардеец резко, испуганно закашлялся.

Мы с Полынью обернулись. В дверях, привалившись плечом к косяку, стояла фигура в золотом плаще и глухой маске.

Гвардеец побледнел – под цвет серебра доспехов.

– Господин Внемлющий! – угрожающе пророкотал Ходящий.

– Я здесь официально. – Полынь не глядя метнул в теневика письмо. – Королева позвала.

Тот скомкал ташени и бросил на пол:

– Нам не нужны конкуренты.

– Так давайте станем партнерами, – мгновенно отозвался Ловчий. – Вы уже разгадали шифр?

Вместо ответа теневик подошел к Полыни и, ухватив напарника за плечо, рывком оттащил от стены.

– Последнее предупреждение: отвали от нашего дела, – зашипел он.

– Значит, не разгадали, – сделал вывод Полынь. – А что, собственно, за жадность такая? Уж не замешаны ли вы сами в этих миленьких преступлениях? Как вообще можно проворонить нападение на Зал Совета? Каковы шансы, дружище, что это вы с коллегами сами решили пошлать подобным образом?

Теневик неприязненно отшатнулся:

– Ты такой же псих, как твоя изгнанная тетка, раз говоришь подобное, Внемлющий. Королевство – наша жизнь, мы не принесем ему вреда. Это вы – предатели – рассыпаете клятвы свои, будто песок из безымянных могил, переступаете через слова свои, будто...

– Да заткнись ты уже, а, – вдруг с таким презрением бросил Польша, что даже я испугалась.

Казалось, в Зале Совета, и без того темном, потемнело... Один лепесток инграсия бесшумно сорвался с ветки и, кружась, полетел на пол под стеклянным куполом.

Польша хотел добавить еще что-то, но ему помешали. Потому что в дверях зала показалась она – ее величество Аутурни.

Королева прошуршала, как кисть черемухи, и в каждом отблеске солнца на ее платье играла улыбка. Светлые волосы Аутурни волнами скатывались вдоль четко очерченных скул, обнимали покатые плечи, широко разливались у талии – на контрасте, там, где тоненькую королеву стягивал корсет. Завитки волос обрывались у скрытых подолом – но наверняка острых – колен.

И если чем-то и была Аутурни похожа на Лисья – своего младшего сына, – то этим: колкой удлиненной грацией пальцев, запястий, локтей. И конечно, глаза – все те же глаза, зеленые озера со всполохами янтаря, будто Лес, отраженный в воде; Лес, в котором все не как у людей, вверх ногами, вверх тормашками; все обыденное нас смутит, все нереальное – предвосхищаем...

– Ваше величество, – Польша скупно поклонился.

– Господин Польша, наконец-то, – раздраженно бросила Аутурни. – Сколько можно?

И, как по волшебству, от этих искривленных губ вся красота ее ушла.

– Вы полдня меня игнорировали, – почти выплюнула королева.

Польша промолчал. Гвардеец поспешил смыться – у стражей чуйка на плохое настроение монархов.

Вдруг Ходящий сделал шаг вперед:

– Ваше величество... – Гладкая маска скрывала лицо этого самоубийцы. – Господин Внемлющий сообщил, что вы пригласили его участвовать в расследовании. Вы не изволите передумать? Теневой департамент уже взялся за дело, и привлечение сотрудников из других ведомств не имеет смысла, поэтому...

– Господин Польша врет, – отрезала королева и заправила прядку волос за ухо – белое, как ракушка Шепчущего моря.

Ходящий запнулся. Польша удивленно вскинул бровь.

Аутурни прищурила великолепные глаза на моего напарника:

– Я не прошу вас расследовать это возмутительное дело. Я прошу вас уделить необходимое внимание моей безопасности.

Польша моргнул:

– Уточните, пожалуйста.

– Я хочу, чтобы вплоть до поимки преступника вы находились подле меня. Как телохранитель. Когда я одна, разумеется. При людях не стоит.

– М-м-м... – протянул Польша. – Я полагаю, королевская гвардия, специально обученная для охраны Дома Ищущих, справится с задачей лучше.

– А я хочу, чтобы этим занялись вы. – Аутурни сложила руки на груди. – Если вам перестали нравиться условия нашего контракта – можем расторгнуть его, – продолжила она, пожимая плечиком. И повела взглядом по Залу Совета. Наткнулась на меня. На мгновение задохнулась от негодования: в ее глазах явственно читалось слово «вертихвостка».

Польша нахмурился. Расторгать контракт – отнюдь не в его интересах, ведь как только Ловчий перестанет работать на королеву, она прикажет лишить его запредельных Умений.

– Ваше величество, при всем уважении, как мне совмещать ваше задание с моей постоянной работой в ведомстве?

– Не знаю. Даю вам сутки: придумайте что-нибудь! В конце концов, какое-то время можно обойтись и без ночных смен: я же не прошу вас днем со мной находиться.

Полынь по-птичьи наклонил голову...

Королева ослепительно улыбнулась:

– Одна я бываю только ночью. Соответственно, и ваши удивительные услуги потребуются после отбоя. Напишите, откуда забрать ваши вещи. Для вас подготовят комнату, смежную с моей. Дверь в нее, к счастью, не запирается. Буду ждать вас завтра вечером, господин Полынь.

И она, кокетливо затрепетав ресницами, ушуршала обратно как ни в чем не бывало.

С минуту мы все молчали, обдумывая сие впечатляющее заявление.

После этого Ходящий издал неясный звук, полный злобного торжества, шагнул к Внемлющему и почти что с нежностью проговорил:

– Что ж, вот и чудненько, Ловчий. Не суй свой длинный нос в наше дело. Не то будут последствия. Но не для тебя – твоя обманная карьера и гроша не стоит, ты сам это знаешь. Последствия будут для твоего начальства, не сумевшего вовремя осадить зарвавшегося щенка. Властью, данной мне Лесным королем, я официально запрещаю департаменту Ловчих вмешиваться в наше расследование. А теперь... У вас есть пять секунд, чтобы покинуть мое место преступления, – удовлетворенно заявил Ходящий.

Я поплелась к выходу, по дороге подцепив под локоть оцепеневшего напарника. Стоило нам переступить порог, как теневик прошипел заклинание: двери в Зал с грохотом захлопнулись, прищемив полу моей летяги.

– Железнодорожный козлина, – проворчала я, с осторожностью выдергивая лазурный шелк.

Полынь наконец отмер и взъерошил себе волосы с таким громким стоном, что мы с гвардейцами дружно вздрогнули.

– Малек, это моя склонность всюду искать подтекст сыграла со мной плохую шутку, или... – его голос понизился до шепота, – предложение королевы действительно звучало слегка двусмысленно?

– Ну... Я тоже люблю искать подтексты, Полынь, понимаешь.

Напарник вновь застонал, погромче. Уже с новой тональностью, явно выражающей эмоцию «едрыть-колотить я попал».

– И как, спрашивается, я докатился до такой жизни? – риторически спросил Ловчий у потолка. – Вот просто: как?

Вместо потолка ответила я:

– Как шарик – по наклонной. Учítывая, что этот прахов дворец построен по диагонали, любой бы докатился! Но, как говорится, для любого падения нужно сначала набрать высоту. И тут ты преуспел. Неудачи лишь оттеняют величие. К тому же... Это было ожидаемо.

Ловчий перевел на меня укоряющий взгляд.

– Ты вообще видел ее фаворитов? – резонно продолжила я. – Они все как твоя топорная копия. Не дотягивают, конечно. Ой, не дотягивают. Мизинца не стоят! Но тенденция очевидна.

– У меня на зубах что-то скрипит, – процедил напарник. – Кажется, это сахар, который сыплется из твоей дешевой лести.

Я нежно пропела:

– Зато, смотри, вот и вопрос с ночлегом решен...

Полынь звонко шлепнул ладонь о лицо.

* * *

Мы шли по первому этажу, когда за поворотом послышался знакомый музыкальный свист.

Только один человек позволяет себе свистеть во дворце. Остальные считают: пусть приметы и глупость, но казней не стоит рисковать.

Мелодия была старинной, фольклорной, – и я воочию представила, как принц Лиссай идет по камню пола босиком, будто по лесной поляне. Расслабленный, унесенный в дальние дали своих непонятных мыслей, в темных очках, исполосованных рыжими прядками спадающих на лицо волос.

Я сказала Полены, что догоню его на улице, и свернула в арочный проем.

– Тинави! – увидев меня, Лиссай вскинул голову.

На мгновение мне показалось, будто по его лицу скользнула кружевная тень листвы, хотя никаких деревьев вокруг, конечно же, не было.

Принц выглядел торжественно: традиционный костюм, кремовый плащ-летяга с вышивкой в виде гербов-инграсилей, мягкие сапоги – совершенно бесшумные, в стиле чащобных магов. Голову украшал венец с дымчатым камнем.

Ищущий явно направлялся на какую-то высокопоставленную встречу, и я не могла не думать о том, как же, наверное, это странно ощущается: Лиссай среди чиновников, говорящих об очень насущных, материальных делах государства. Наверняка они обмениваются косыми взглядами и тихонечко, с облегчением выдыхают, когда Лис уходит с собрания, заскучав, – так же безмолвно, как приходит в начале.

В чем-то я понимаю этих чиновников. Мне бы тоже было не по себе от необходимости обсуждать налоги в компании подобного человека – того, кто как будто стоит одной ногой за мерцающей пеленой Неизведанного, рядом с которым чувствуешь себя таким плотным и овеществленным, что даже неловко.

Лис начал посещать государственные собрания не так давно. Он говорил, что с их помощью убивает время в ожидании того, что вернется Авена и откроет ему Святилище, как обещала.

Впрочем, Святилище уже открыто, а принц – смотрите-ка – снова чешет к политикам.

– Привыкли к ощущению власти? – пожурела я.

– Нет, – легко улыбнулся Лиссай. Давно я не видела у него такой улыбки. – Просто мне нужно, к-кажется, немного вернуться на землю. Я провел в Святилище пять дней, и они были восхитительны, но, думаю, теперь мне не помешает порция чего-нибудь повседневного.

– Пять дней?! – неверяще воскликнула я.

А потом вспомнила: точно. Ведь в туманном Междумирье с белокаменной беседкой время идет чуть ли не в десять раз быстрее, чем у нас. Пять дней там – это всего лишь несколько часов в Шолохе.

– Значит, это тени Святилища на вашем лице... – протянула я, когда мне вновь почудилось кружево листьев на высоких скулах принца. – Лис... Не хочу показаться паникершей, но вы уверены, что туда можно уходить так надолго?

– Да, – сказал он настолько твердо, что ему нельзя было не поверить.

Лис не так уж часто настаивает на своем, но, когда это случается, опции «возразить» просто не существует.

– Кстати, вы открыли в субботу мой подарок? – вспомнила я.

– К-конечно! – закивал Лиссай. – Зеленый кристалл восхитителен. Это и впрямь осколок так называемых зубов Этерны с одноименного острова?..

– Да. И если вы спрячете его под подушку, то действительно сможете управлять своими снами. Я проверила.

– И что же вам снилось? – Принц приспустил на носу очки и внимательно посмотрел на меня. – Забавно, если окажется, что мы приглашаем одни и те же сны.

Это вряд ли, конечно.

Экспериментальной ночью я дала своей фантазии волю, устроив такой дурдом, что странство сновидений хрипело, сипело и просило передышки, но я не успокоилась, пока не убедилась, что кристалл помогает увидеть даже самые бешеные сценарии.

Вспомнив о своих дремах, я слегка смутилась и поскорее сменила тему: спросила заинтригованного Лиссая, как ему мой второй подарок. Принц в ответ демонстративно вытащил из кармана жестяную коробочку, полную конфет в шуршащих обертках, достал одну, развернул, закинул в рот и мастерски изобразил колоссальное блаженство.

– Великолепные конфеты. И, к-кажется, их количество не уменьшается, сколько ни ешь. Они зачарованные?

– Зачарованные, – подтвердила я. – А еще среди них кое-что спрятано.

– Хм... – Лиссай длинными пальцами залез в коробочку.

На дне нашелся прозрачный мешочек, в котором лежала стеклянная желтая пуговица.

Я мигом посерьезнела. Его высочество настороженно смотрел на подарок, хмурясь оттого, что не может вспомнить, почему он ему знаком.

– Это пуговица от вашей старой пижамы, – объяснила я. – Вы были в ней летом, до того как мы отправились к драконам и случилось все последующее. Анте Давьер тогда порвал ваш наряд, и пуговица отлетела в сторону. Я подобрала ее – машинально. Недавно я наткнулась на эту пуговицу у себя дома, и, когда поняла, *что* это... – Я не договорила, смешавшись.

Младший принц поднял глаза от подарка. Вот теперь он *понял*.

– Это пуговица *того* Лиссая, – ошарашенно сказал он.

– Да, – я кивнула. – *Того*. Умершего.

Зеленющие глаза Лиса подернулись дымкой. Он крутанул стекляшкой, разглядывая ее на свету.

– Я знаю, что это довольно странный подарок, – вздохнула я, – но мне кажется, что он важен. Я планировала вручить вам его и сказать: помните, в жизни может случиться любое чудо. Нет ничего невозможного. Вы – тот самый человек, который умудрился показать смерти фигу – и остаться победителем. Так держать! Вы не ведаете, насколько сильны. Но теперь, с учетом того, что Святилище снова открыто, а вы принялись так рьяно «наверстывать» прогулки по нему... Я думаю, этой пуговице подойдет и другой смысл. Будьте осторожнее, пожалуйста. Междумирье – это прекрасно. Но быть живым – еще прекраснее.

– Разве быть живым не означает делать то, что хочешь? – возразил принц. А потом с усмешкой добавил: – Иногда мне к-кажется, что вы скучаете по старому Лиссаю, но не видите, что я и есть он. Я остался прежним. За исключением тела, конечно же.

– Столько времени прошло. Никто из нас не остался прежним.

– Ну так это эволюция, а не революция... Как сын короля говорю: эволюция – это нормально.

С этим сложно было поспорить.

– Тинави, приходите ко мне, как сможете, – сказал мне Лис на прощание. – Ваши чувства явно обманули вас в субботу. Святилище совершенно точно и определенно скучает по вам.

Принц надел очки и пошел прочь по коридору, вновь насвистывая. Сначала печальная, мелодия перешла в мажор, не успел он скрыться за поворотом.

Легкие, легкие люди...

* * *

Я нашла Польшу на Мосту Ста Зверей, что ведет от дворцового острова в Верхний Закатный квартал.

Ловчий крошил в воду крендель, саркастично комментируя то, какие битвы разворачиваются за крошки между карпами и утками, плавающими под мостом. Бенефис Польшы явно был адресован двум гвардейцам – безмолвным, не имеющим право даже пошевелиться на посту. И чьи уши, кажется, уже свернулись в унылые трубочки.

Внемлющий бывает ужасно и неприцельно мстителен, когда кто-нибудь портит ему настроение. Ну, зато от дворцового шока он явно отошел!

– Ну что, накокетничалась? – прищурился Ловчий, увидев меня.

Я показала ему язык.

– Кто бы говорил, «господи-ин Польшу». Я тут видела, выходя из дворца, служанку с корзиной чернильно-черного белья, идущую в сторону покоев королевы. Мне кажется, это для тебя, милый. Они явно подбирали под цвет твоих глаз.

– Вот засранка, – фыркнул Польшу.

– Аутурни-то? – невинно поинтересовалась я.

Он молча сцапал меня за локоть и деловито потащил к Министерской площади. С уstraшающей, я бы сказала, энергией, от переулка к переулку все набирая скорость.

– Мы что, таранить ведомство будем?!

– Не совсем. Но то, что мы сделаем, тоже будет эффективным!

Все в моем эксцентричном напарнике дышало азартом, когда он, наклонившись к моему уху, бормотал на ходу:

– Больше всего на свете я люблю, когда люди выдают неточные формулировки. Крути их, верти как хочешь! Иногда твоя совесть, конечно, не будет такому рада, но иногда та же совесть может прикрыть глаза. Например, когда люди, ошибившиеся в формулировке, – те еще гады. Скажем, Ходящие.

– Та-а-а-ак?

– Так вот сейчас моя совесть зажмурилась к праховой бабушке. И ты свою... зажмурь, – от души посоветовал Польшу. – И да: эссенция сулко-лаватора, запомни.

– Что, прости? – Я подумала, что не расслышала.

Но мы уже были на верхнем этаже Иноземного ведомства. Прямо перед знакомым Малым Залом Собраний. Изнутри слышались приглушенные голоса начальства.

Польшу с ноги с грохотом распахнул деревянную дверь. Я побледнела от подобного непотребства.

Мастер Улиус, Селия, мастер Авен Карлиннан и еще парочка человек, находившихся внутри и явно обсуждавших что-то важное, поперхнулись и замерли.

– Добрый день, шеф! Мастер Авен, приветствую! Селия – и тебе здравствуй! – каким-то пугающе лихим голосом воскликнул Польшу.

Он рванул к столу и потянулся вперед для того, чтобы то ли пожать руку Улиусу, то ли обнять его, – но вместо этого опрокинул на шефа его знаменитую кружку с чаем.

– Ох, пардон, я что-то не в форме, – извинился Польшу, наколдovывая в руке сгусток пламени. – Вас высушить? – и он опасно потянулся огоньком к животу мастера.

Я все никак не могла закрыть рот. Впрочем, как и все остальные.

– КАКОГО ПРАХА! – наконец рявкнул Улиус. – Польшу! Ты что, пьян?!

– Да ну вас, мастер. Я что хотел сказать... – Польшу запрыгнул на стол, задницей прямо к главе ведомства. Поелозил. – М-м-м. Так. Кажется, я не помню, что я хотел сказать.

Бледные губы Селии тронула слабая змеиная улыбка. Я рванула вперед и стащила разглагольствующего Внемлющего со стола.

– Тинави, объяснись! – слегка отойдя от шока, потребовал Улиус.

– У нас утром было сложное дело, шеф. Пять трупов – Селия подтвердит. У преступников обнаружилось много странных зелий. Боюсь, Полынь стал жертвой одного из них, а эффект наступил только сейчас. Так как раз и бывает с зельями типа эссенции сулко-лаватора.

– Сулко-лаватора?! – застонал Улиус. – Да эта дрянь тысячу лет выветривается! Ловчий, едрыть-колотить! Как тебя угораздило?! Так, ну все, значит, ты отстранен на неделю! Какого праха!

– На неделю?! – возмутился Полынь. – Да у вас здесь все рухнет без меня! Вы и трех дней не продержитесь!

– На ДВЕ НЕДЕЛИ! Пусть выветрится как следует! – взревел Улиус. – И быстро сдай мне значок, патлатая бестолочь! Заберешь в следующую пятницу! Позорище! Вон отсюда! Оба!

Полынь выложил на стол значок. Все, кое-кто не при исполнении следующие четырнадцать дней.

– Шеф, уже уходим, шеф, – успокоила я, чуть ли не на себе утаскивая Полынь из Зала Совещаний. – Извините за причиненные неудобства. Хорошего дня.

Гробовая тишина сопровождала наше отступление.

* * *

– Умничка, – бесстрастно резюмировал Полынь в коридоре, поправляя съехавшую хламиду и возвращая мышцам тонус, – а то на мне он и впрямь висел, как какая-то каракатица.

Я захлебывалась возмущением:

– А если бы они тебя уволили?!

– Да нет. Уволить того, чье имя вписали в кучу документов о планируемом повышении? Это было бы слишком позорно. Отстранение – единственная опция. Как раз то, что нужно. Потому что теперь я смогу заниматься делом террориста, а у Ходящих, запретивших делать это *Ловчим*, не будет причин устраивать очную ставку нашему драгоценному шефу.

– Еще скажи, что ты о нем заботишься. Мне кажется, мастер Улиус никогда не был так близок к инфаркту, как в тот момент, когда ты всерьез вознамерился поджечь ему штаны.

– Ну не поджег же. Сплошные плюсы.

– Ага. А заодно ты очень удачно освободил себе кучу времени для трудовых ночей во дворце.

Полынь остановился, глядя на меня, как на предателя.

– Ты не имела *это* в виду, малек! – строго воскликнул он.

– Не имела в виду что? – осклабилась я.

Ловчий вздохнул, собирая волосы в хвост.

– По-моему, наш с тобой неурочный подъем сегодня развинтил у нас какие-то шестеринки ехидства, – подытожил он. – Так жить нельзя.

– Но очень хочется!

* * *

Вечер я провела в подвалах ведомства, лениво переписываясь с друзьями с помощью Мараха – в кои-то веки отбила его у Мелисандра, привыкшего «выгуливать» мою птичку, – и ища для Дахху обещанную информацию о госпоже Марцеле из Лесного ведомства.

Нижний Юго-Западный Архив тонул в зеленоватом полумраке. Каменные своды (совсем как в винных погребах) пахли сыростью. Тут и там громоздились шкафы со стеклянными кол-

бами, наполненными туманом. В тумане – волшебном, консервирующем – хранились старинные манускрипты.

На хлипких этажерках лежали другие свитки, попроще. Среди них я откопала документы о хозяйке Лесного ведомства. Да-а-а... Информации о Марцеле у нас действительно очень много. Другу будет из чего составить биографию.

Когда я уже собралась уходить, мне почудилось какое-то движение между книжными шкафами, хотя я точно знала, что сейчас находилась в зале одна, не считая мастера-архивариста, храпящего за своей конторкой на все подземелье.

– Здесь кто-нибудь есть? – спросила я, заглядывая между стеллажами.

Тишина. Пустота.

И вдруг мне почудилось, что за креслами я вижу хранителя Рэндома, сидящего с какой-то древней книгой, читающего ее с очень странным выражением лица. Хранителя постепенно окутывал черно-лиловый дым...

– Рэнди! – воскликнула я, делая несколько шагов вперед.

Но оказалось, что это иллюзия: то, что я приняла за знаменитую шляпу и острый профиль хитроумного бога-джокера, было всего лишь плоским грибоподобным светильником возле шкафа. Причем светильником барахлящим: клочья дыма исходили как раз от него, из маленький трещины – лопнул, бедняга. Надо будет сейчас позвать сюда камерара Варрока.

М-да, судя по этому видению, я уже просто *очень* хочу, чтобы хранители вернулись... Хотя бы кто-нибудь из них.

Не знаю, позволено ли это смертным – скучать по богам. Анте сказал бы: нет, отстаньте. Но Анте ведь тоже сейчас нет в Шолохе.

А жаль: я бы хотела спросить его о Святилище принца Лиссая. И о том, почему я тогда почувствовала такую тревогу и отторжение перед круглой дверью.

Прах. Стоп. С каких это пор я жажду советов Анте?!

Мотнув головой, отгоняя дурацкие мысли, я погасила свет в западной секции архива. Шипение остывающих сфер казалось наполненным призраками – и загадками...

10. Госпожа Ринда Шаграух исчезает

Согласно определению Баини Магов, духи отличаются от существ тем, что они либо по большей части нематериальны (однако могут иметь «плотные» аксессуары типа цепей или лампад, как бокки-с-фонарями), либо умеют наращивать и убирать свою материю в разные моменты времени (как туманные лани и призраки-ревенанты).
Энциклопедия «Дорогах»

Следующим утром на втором этаже ведомства я встретила дивную процессию.

Несколько дворцовых слуг плелись по коридору. Они были как муравьи: каждый нес по тяжелому и объемному ящику, во много раз превосходившему человеческий размер. Я хмыкнула, узнав вещи из нашего тридцать второго кабинета.

Сам Полынь стоял тут же, в дверях, созерцая переезд.

Когда один из пажей чуть не выронил ношу, Внемлющий пропел заклинание Глайло и пошевелил двумя пальцами, изображая «походку». Из-за плеча Полыни вынырнула оживленная иджикаянская мумия и колченого пристроилась вслед за последним пажом. Слуга сглотнул так громко, что эхо разнеслось по коридору.

Он тотчас стал гораздо более внимательным, этот слуга.

– Полынь, тебе правда нужно все это во дворце? – Я поправила отлетевший бинт у мумии, проковылявшей мимо. Марах с моего плеча угукнул ей вслед. – Ты навсегда к королеве уходишь, что ли?

Полынь пожал плечами:

– Просто устроил уборку. Я сентиментален, Тинави. Никогда не решаюсь выкинуть старые вещи. А дворец станет отличным перевалочным пунктом по пути на помойку.

– Ага! Все-таки уборка! – подловила я. – Значит, было что убирать в твоём «сложносочинённом порядке»!

– Или я сейчас оговорился, – как всегда, извернулся куратор.

Вместе с Полынью и мумией я вышла обратно на улицу. Дорогие коллеги, встречавшиеся нам в коридорах, так проникновенно прощались с Ловчим, что, казалось, мы провожали его в последний путь, а не в двухнедельный неоплачиваемый отпуск.

На Министерской площади Полынь подозвал пилигрима Велота – своего любимого информатора, который в этот утренний час сидел, посасывая трубку и низко опустив капюшон рясы, в тени кряжистого дуба.

Вообще, Велот был главой знатного Дома Дерзающих, а значит, весьма и весьма состоятельным человеком, которому уж точно не приходилось думать о деньгах для выживания. Но пилигрим исповедовал идею того, что «большее – в малом». Он довел ее до радикальной степени, отрекся от всех богатств и теперь возглавлял братию нищих в центральных кварталах столицы. Вдобавок каждый год он покидал Шолох на месяц, чтобы в безмолвии обойти лесные святилища всех шестерых богов – именно поэтому его прозвали пилигримом.

На мгновение я подумала, что Полынь сейчас скажет: «Милый Велот, я ухожу на покой и завещаю твою работу своей коллеге Тинави, благо она теперь тоже может иметь информаторов, и, конечно, я хочу, чтобы ей достался лучший», – но прах там был.

– Готовься, пилигрим. В ближайшие дни у меня будет для тебя много поручений. – Полынь незаметно опустил в карман Велота золотую монету.

– Я рад, мастер Ловчий, – пилигрим сощурил глубоко посаженные глаза. – Я уже думал, что вы окончательно отдали предпочтение тому, другому информатору. Голубоглазому.

– О, что ты, Велот. Твоя служба бесценна. Я просто проверял того человека, так как подозреваю, что его скоро наймет Тинави.

Я вскинула брови и с интересом воззрилась на напарника.

О ком это он говорит? Насколько я помнила, среди агентов, работавших у Полыни в последние полгода, не было голубоглазых. Парочка ундин не в счет, они все же женщины, и Велот бы явно это заметил.

– Это кого же ты мне пророчишь в помощники? – любопытствовала я.

– Не скажу. Хочу проверить, додумаешься ли ты сама его нанять, – показал язык Ловчий.

Вдруг за спиной у меня раздалось агрессивное цоканье трости о мостовую. Велот мгновенно испарился – так, как это умеют только нищие. Полынь не менее шустро запрыгнул в дворцовую карету, потрепав меня по плечу на прощание. Я, оставшись в одиночестве, обернулась и увидела Селию.

– Скатертью дорожка, – мило пожелала она, глядя на захлопнувшуюся дверцу кареты. – Тинави, хватит прохлаждаться. Для вас есть дело.

Лишь вернувшись в министерство, я поняла, что моя мумия укатила вместе с Полынью. Ничего себе, какая коварная! Ну и ладно. Ее можно понять.

* * *

Для начала Селия поручила мне рассмотреть жалобу хобгоблина, недовольного тем, что гости его хозяйки сожрали оставленные ему сладости. Потом – разобраться с беседочным увальнем, разгромившим теплицы тернасской колдуньи. Затем – отыскать рамбловца, из-за которого на Потаенном рынке появилась партия ядовитых эликсиров подводного дыхания.

Я отметила, что Селия выдает мне дела по нарастающей: от элементарного к более сложным.

Мы с госпожой Сгинувшей как будто играли в игру с растущими ставками – и сообразно тому, как выигрышные фишки копились на моей половине поля, меня охватывал все больший азарт. Я носилась по всему городу как угорелая – точно так же, как это было в самые первые дни службы. Меня подталкивали одновременно интерес и желание узнать: после какого по счету дела Селия скажет «хватит, вы молодец»?

Или у нее в принципе нет таких слов в лексиконе? Или гнаться за чьим-то одобрением, пусть даже из любопытства, это самое глупое на свете дело, и лучше бы я притормозила и насладилась погожим деньком?

Наконец гонг пробил семь часов. Уличный свет с голубого дневного сменился на золотой вечерний. Ресторанчики стали выставлять меловые доски с меню сегодняшних ужинов. Я, уже конкретно так измочаленная, думала, что работа закончена, но неожиданно Селия, сузив глаза, выдала мне еще одну папку.

«Дело пятого уровня» – то есть простое. Синяя наклейка – то есть не срочное.

Девочка Ринда Шаграух... Пятнадцать лет... Дочь нюктов из Подгорного королевства. Пропала предположительно на болотах. «Мы не знаем, как быть», – цитата матери на присланной ташени. Текст дрожит от волнения...

– Селия! Почему это оказалось в несрочных делах?!

– Потому что не прошло три дня с момента пропажи.

– Но... это же ребенок и болота!

Селия оперлась о трость.

– Я с вами согласна, Тинави, – бесцветно сказала она. – Но вот такая у нас система. Формально вы можете заняться этим делом завтра, считайте, я просто выдала вам его с вечера. Оно ведь не срочное, верно?

Я ничего не ответила. Просто развернулась и метнулась к выходу.

* * *

Согласно документам, дом Шаграухов располагался в квартале Предболотья. Как и следует из названия, это был район, примыкающий к длинной полосе Рычащих болот, что на западе Шолоха. Чтобы попасть туда, нужна была лошадь. А лучше – легконогий кентавр.

К счастью, мой любимый перевозчик Патрициус Цокет очень удачно нашелся на Министерской площади. Он стоял посреди клумбы и советовал каким-то туристам самые романтические места в Шолохе. Судя по их удивленным лицам, рекомендации Патрициуса – конюшни, луга, водопой – казались им немного странными. На лице кентавра, как обычно, сияла крупногабаритная улыбка, а золотисто-русые волосы были заплетены в короткие косички и украшены веточками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.